

Анатолий Логинов СССР — ответный удар

«СССР — ответный удар»: Ленинградское издательство; СПб; 2010
ISBN 978-5-9942-0590-7

Аннотация

Может ли пришелец из будущего в одиночку изменить мир? Умные политики и маститые ученые доказывают, что нет. Сочинители многочисленных альтернативно-исторических романов доказывают обратное. Но если изменить мир способен даже одиночка, что может получиться, если в прошлое перенесется целая страна?

22 июня 1941 года. 3:00. Граница СССР от Черного до Баренцева моря. Вермахт изготовился к удару по Советскому Союзу.

5 марта 1953 года. 3:00. СССР. Подмосковье. На Ближней даче умирает глава Советского государства Иосиф Виссарионович Сталин.

Неведомый день неведомого года. В неведомых пространствах. Авария в Большой Лаборатории Времени.

Анатолий Логинов СССР — ответный удар

Необязательное предисловие

Из отчета комиссии по проверке происшествия в 6 альфа секторе Большой Лаборатории Времени (перевод с Вейского, 25637 год Вегранской эры):

«В результате выхода из строя по вышеуказанным причинам сингулярного фазового синхронизатора трианглюционная диссипация по в-параметру привела к созданию локального пробоя пв-континуума с взаимным переносом около 6 млн. стоунгов материи из хронокластера 34a657пр-О в хронокластер 34a897рн-Е. Сохранение работоспособности субблока Эйч привело к синхронинформационизации переброшенной материи и материи кластеров.»

Чье-то замечание на полях документа: *«а дальше как всегда идет наказание невиновных и награждение непричастных...»*

Небольшое вводное замечание

Автор приносит извинения читателям за неточности, встречающиеся в тексте — из-за ряда обстоятельств практически все факты ему приходилось писать по памяти, не имея перед глазами ни двенадцатитомной «Истории Великой Освободительной Войны», ни пятидесятитомного «Полного собрания произведений, речей и переписки товарища Л. П. Берии», ни даже диссидентских «Записок сопротивления» Гленна и Миллера, и «Застольных бесед А. Гитлера», а уж тем более — постоянного выхода в БЕССИ (Большую Единую Систему Связи и Информации) из-за отсутствия подключения к ней.

Мистерия войны

Когда нас в бой пошлет...

Июнь 1941 г.

Граница Восточной Пруссии, недалеко от г. Сувалки

Летняя суббота 21 июня 1941 года для 12 противотанковой роты 12 пехотной дивизии началась как обычно легкими учениями и закончилась соревнованиями взводов в хоровом пении с награждением отличившегося взвода бочонком пива. Офицеры строили планы на воскресенье, которое, по упорно бродившим слухам, должно было стать первым выходным днем за прошедший месяц. Но все их надежды были грубо попораны прозой жизни — связной из штаба полка привез вызов на вечернее совещание командиров рот у командира полка. После войны Бруно вспоминал: «Мы прибыли почти одновременно и спрашивали друг друга, что бы это могло значить. Совещания у командира полка происходили всегда днем, в обычные служебные часы. На вечер присылались приглашения на пирушки».

Обстановка совещания тоже была странной — командир потребовал полной тишины и сам говорил чуть ли не шепотом, словно находящиеся на расстоянии километра от штаба советские пограничники могли подслушать его. Было приказано немедленно поднять роты по тревоге и, соблюдая максимум осторожности, выдвинуть их на приграничные исходные рубежи. Каждый офицер получил толстый конверт из плотной коричневой бумаги, который можно было вскрыть только в полночь на своем командном пункте. В конце совещания в комнату зашел вестовой с подносом, уставленным рюмочками с коньяком. Притихшие офицеры молча выпили коньяк и разошлись. Перед мысленным взором большинства из них стоял призрак Наполеона.

Рота, поднятая по тревоге, машина за машиной, при погашенных фарах выдвигалась к заданному участку. Ни о чем не подозревающие солдаты, зевая и пуская ветры, втихомолку ругали командование, объявившее учения в субботу и назойливых восточно-пруссских комаров. Установив и замаскировав машины с орудиями на указанных местах, солдаты заворачивались в плащ-палатки, пристраиваясь вздремнуть.

Собрав командиров взводов, Бруно выслушал их доклады и приказал вестовому достать серебряные с выгравированной датой бокалы, подаренные командиром полка ко дню рождения офицеров. Наполнив их и закулив трофейные английские сигареты, офицеры и фельдфебели понемногу потягивали отличный французский коньяк и болтали на отвлеченные темы. Вокруг храпели солдаты, назойливый писк комаров лез в уши. Пахло бензином, землей, кожаной амуницией и орудийной смазкой.

Ровно в полночь рота была построена открытым четырехугольником и обер-лейтенант зачитал солдатам воззвание фюрера. Солдаты украдкой переглядывались, но никто не произнес ни звука.

Проследив за выдачей боевых патронов, изучив с командирами взводов подробный боевой приказ с задачей на день, так же лежавший в конверте и сам еще раз проверив готовность, Винцер, подобно большинству солдат, нервно закурил, пряча огонек сигареты в кулак и время от времени поглядывая на часы и на русскую территорию. Оставался час до начала назначенного времени, когда ЭТО произошло. Непонятный звукоцвет, режущий глаза или светозвук, бьющий по ушам заставил всех резко вздрогнуть. Кто-то начал тереть глаза, кто-то схватился за уши, а некоторые попытались одновременно сделать и то, и другое.

— Доннер... ете... крайцхаг... ноханмайль, — внезапный, резкий и по-зимнему холодный ветер донес до обер-лейтенанта обрывки чьей-то ругани.

Усмехнувшись, Бруно поднес к глазам бинокль и...

— Майн Готт! — вырвалось у него.

Вместо темной лесистой равнины с небольшой деревней слева и засеянного поля почти у самого горизонта, он увидел голую равнину, покрытую снегом, с огнями в районе бывшей деревни, определенно напоминающими огни... города???

«Откуда город? И куда делись вышки пограничников? Что вообще произошло? Какой-то хитрый трюк русских?» — метались мысли в голове Бруно, пока он приказывал связному собрать командиров взводов и отправлял второго к командиру полка на мотоцикле со срочным донесением.

Интерлюдия

Мир изменился, и первыми это осознали немецкие солдаты передовых частей. Изменившийся ландшафт, потеря многих ориентиров и целей — все это вызвало шквал панических докладов наверх и не менее панических запросов сверху. Еще больше непонятного добавилось, когда вернулись остатки самолетов, наносивших первый удар. Из более шестиста бомбардировщиков и двухсот истребителей вернулась едва половина, причем части экипажей требовалась срочная психиатрическая помощь. Бившиеся в истерике «белокурые бестии» кричали об адских летающих привидениях, о внезапной гибели друзей... Сохранившие голову на плечах летчики докладывали о летающих «трубах» со стреловидными крыльями, с огромной скоростью атаковавших самолеты и открывших мощный пушечный огонь, новых «Ратах»¹ с пушками, летавших со скоростью «Фридриха»², о необычайно точном зенитном огне. Вобщем, разбор полетов занял около двух часов и второй ударный эшелон взлетел уже тогда, когда по плану должен был возвращаться назад. Хотя это уже было неважно, так как и на земле наступление было приостановлено.

Инерция предвоенного планирования, как всегда, одержала верх. С задержкой, после кратковременной доразведки, при уже светлеющем небе, а не ночью, но немецкая

¹ «Крыса» — такое прозвище получил у немецких летчиков в Испании истребитель И-16. Позднее истребитель Ла-5, все сходство которого с И-16 заключалось в использовании мотора с воздушным охлаждением, получил у немецких летчиков прозвище «Новая крыса» (Нойе рата). Имеются в виду Ла-11 и Ла-9, использовавшиеся в авиации СССР-53 в качестве ночных истребителей и истребителей дальнего сопровождения. Вооружение: три на Ла-11 и четыре на Ла-9 23-мм пушки, скорость максимальная 674 км/ч. По имеющимся данным, в ВВС было до четверти полков, на вооружении которых сохранились винтовые истребители и перехватчики.

² Истребитель Messerschmidt Bf-109F, имевший скорость до 630 км/ч и вооруженный одной 15-мм или 20-мм пушкой и двумя 7,92-мм пулеметами. Маневренный, но слабовато вооруженный, он составлял основу истребительной авиации Германии, действовавшей на Восточном фронте. Более старых Bf-109E, вооруженных двумя 20-мм пушками и двумя 7,92-мм пулеметами и развивающих скорость в 570 км/час, было всего 450 штук.

артиллерия открыла огонь. Войска получили приказ на наступление и, вспоминая черта, командование, свиней и... (сами можете представить, о чем говорят в таком случае далекие от политеса солдаты и офицеры фронтовых частей), приступили к его выполнению. Среди них был и командир противотанковой роты обер-лейтенант Бруно Винцер. Да, да тот самый Бруно Винцер, автор знаменитой книги «Солдат трех армий», уцелевший в боях Восточного фронта, ставший майором Германской армии в Великобритании, а при бегстве оттуда чудом переплывший Ла-Манш и дослужившийся до генерала новой Национальной Народной Армии Германской Демократической Республики.

Командование решило разобраться с отсутствием связи и непонятными докладами из Пруссии параллельно с выполнением планов, а на всякий случай — начать передислокацию резервов к северу восточного фронта. Но уже к концу дня большинство информированных об обстановке лиц считало, что лучше было вообще отменить выполнение Барбароссы в этом году. Однако наступление продолжалось, преодолевая усиливающееся с каждым днем сопротивление русских.

Граница Восточной Пруссии, недалеко от г. Сувалки

Несмотря на плотный огонь артиллерии, хотя и позднее намеченного срока, но открывшей огонь через границу, Бруно приказал головному взводу спешиться и продвигаться вперед в полной боевой готовности. Только орудие по-прежнему тянули машиной, а не катили солдаты. Группы деревьев, напоминавшие о прежней роще, хотя и голые, могли укрывать замаскировавшихся пограничников, а то и солдат, и обер-лейтенант не хотел слишком рисковать своими подчиненными. Мысль оказалась удачной, поскольку только успевшая пересечь границу цепь была встречена огнем нескольких ручных пулеметов, хорошо укрытых в группе безлиственных, но создающих неплохое прикрытие деревьев. Одна очередь повредила и тягач орудия. Пригибаясь под огнем, солдаты пытались отцепить 37 мм пушку и развернуть ее для стрельбы. Несколько человек упало, убитые или раненые и Винцер приказал спешиться второму и третьему взводам. Развернувшись в цепь, завязав в начавшем уже интенсивно таять глубоком снегу, противотанкисты пытались обойти замаскированную огневую точку русских, но были встречены огнем еще нескольких пулеметных точек. Обстрел из 37 мм орудий подавил некоторые из них, другие постепенно замолкали сами, или подавленные, или покинутые оборонявшимися русскими. Немцы видели и даже обстреляли несколько отступавших русских, явно отходящий пограничный дозор, но тем удалось скрыться.

Впрочем, это мало помогло роте...

Кроме сопротивления русских, их задерживала и невесть откуда взявшаяся распутица. Машины с орудиями вязли в раскисшей грязи, отнюдь не напоминавшей шоссе, которое была обозначена на карте. Немного позже дорога нашлась, но она шла совсем не так, как показывала карта и была покрыта щебнем и смесью тающего снега с грязью, что не сильно повышало скорость передвижения машин.

Не добравшись до городка, они были вновь остановлены, на этот раз приказом командования и расположились на отдых в чистом поле, среди снега и грязи. Установив несколько палаток, ворча и дрожа от холода в своем летнем обмундировании, солдаты стали приводить в порядок снаряжение. На оставленном пограничниками поле боя дозором второго взвода был найден лишь один убитый русский в незнакомого покроя форме, а самое интересное — вооруженный неизвестным, но явно автоматическим карабином. Подсчитали потери роты — трое раненых, двое убитых и разбитый тягач первого взвода. Подъехала кухня, подтянулись похоронщики, санитары и трофейщики. Но карабин так и остался у Винцера. Ему было интересно посмотреть на незнакомое оружие, внешне напоминающее виденный им мельком на полигоне автоматический карабин, испытывавшийся в 1935 году.

— Интересная конструкция — заметил лейтенант Штейнберг, раненый в руку, но после

перевязки оставшийся в роте и теперь вместе с Винцером, ротным фельдфебелем Кемпке и командиром второго взвода Плейшнером, пытавшийся разобрать в трофее. Предохранитель и переводчик огня оригинальной конструкции они раскусили сразу, а вот разборка карабина заняла у них довольно много времени, пока Кемпке не нажал на защелку и не смог отделить крышку сложной формы, закрывающую затвор. Простая и элегантная конструкция затвора, разбирающегося без всяких инструментов, восхитила всех. Понравился и емкий секторный магазин, судя по виду вмещающий около 25–30 патронов. Патроны были не менее интересны. Гильзы, покрытые лаком, явно не из латуни, короткие, сантиметра 4 в длину. Сам патрон на фоне маузеровского смотрелся коротышкой, но был несколько больше и мощнее пистолетного. Обсуждение карабина затянулось допоздна и было прервано только огненным налетом русской артиллерии, хотя весьма неточным, и ночной темнотой.

Утром же пришел новый приказ — обойти город справа и занять оборону, приготовившись к отражению возможной танковой атаки русских.

Поднятые по тревоге солдаты, разгоняя в накопившуюся за ночь стылость, собирали палатки, торопясь подкатывали и цепляли пушки к машинам, запускали и прогревали двигатели автомобилей. А сам Винцер с несколькими солдатами и лейтенантом Штейнбергом отправился на рекогносцировку позиции. Увиденное отнюдь не придавало оптимизма — на ровном поле с несколькими небольшими рядами деревьев и оврагом, полностью залитым водой отнюдь не было подходящей позицией. Но положение, вернее приказ обязывал, и мысленно вздохнув, Винцер принялся распределять позиции взводов, чьи машины уже приближались.

— Интересно, а ведь поле то вспаханное. И, похоже, что деревья посажены специально — заметил лейтенант Штейнберг — Впрочем, неплохо. Вряд ли танки смогут пройти по центру этой грязевой равнины.

— Точно — подтвердил Винцер. — Так... КП оставляем здесь, на пригорке. Двумя взводами перекрываем дорогу, а твой взвод, Рудольф, поставим за оврагом, пусть на всякий случай следит за полем. И поспешите, бой приближается. Калибр явно немаленький. Неужели тяжелые танки?

Действительно, грохот тяжелых орудий накатывался все ближе и ближе.

— Свяжи-ка меня со штабом, — обратился он к радисту.

— Попросим дивизионную артиллерию? — спросил Штейнберг.

— Если удастся. А еще лучше бы авиацию. Только что-то ни одного из этих асов не видно уже второй день.

— Да уж. Как пиво пить — так они первые. А в бою их не дождешься. Ладно, побежал ко взводу. — Штейнберг повернулся и, торопясь, пошел к машинам своего взвода.

Гремевшая канонада вдруг резко смолкла. Видимо, кто-то кого-то прищучил — или русские передовой отряд, или отряд их. Понимая, что времени остается все меньше, противотанкисты спешно готовили позиции, укрывая маленькие приземистые пушечки среди голых деревьев, роя окопчики, устанавливая пулеметы. То один, то другой солдат украдкой бросали взгляд на прикрытое следующей группой деревьев поле и дорогу. Вдруг что-то громко загудело в небе и все дружно подняли головы. Над равниной с ревом быстро пронеслась тройка странных, непонятно чуждого силуэта, самолетов. Исчезнув из вида, они неожиданно появились сзади, уже на меньшей высоте и обрушили на еще плохо замаскированные пушки и солдат град бомб. Близкий взрыв приподнял Винцера над землей и в течение мгновения он успел заметить, как приближается к нему смесь грязи и камней, как горит его машина и падает радист, пытаясь руками достать вонзившийся в спину осколок... Удар о землю выбил остатки воздуха из легких Бруно и на этом бой для него закончился.

Уже в госпитале он узнал, что даже без авиаудара его рота была обречена, так как 37 мм пушки вообще не пробивали броню новых русских танков. Его вывезли на машине первого взвода, оказавшегося в стороне от удара русских благодаря оврагу. Остальные же два взвода, понесшие потери от русских бомб, были раскатаны в блин подошедшим танковым батальоном русских. Самое главное, что покончив с ротой, танки русских,

сопровожаемые еще и пехотой на бронетранспортерах, отошли. Похоже, что это была всего лишь разведка боем...

Несколькими днями позднее. Берлин. Кабинет Гитлера

Поправив монокль, Кейтель продолжил доклад.

— Выяснилось, что ранее разведанные места расположения аэродромов, войск и погранзастав русскими изменены. Неожиданным оказалось также упорное сопротивление русских с применением неизвестных видов оружия. Из войск доносят о пехоте, поголовно вооруженной ручными пулеметами, о легких ручных противотанковых гранатометах, пробивающих любую броню панцеров, о мощных орудиях в составе передовых отрядов русских, о неуязвимых скоростных танках с пушками калибра не менее 9 см.

Кроме того, отнюдь не оправдались предвоенные прогнозы о низкой тактической подготовке русских. Согласно докладам, они действуют весьма умело, а некоторые офицеры даже отмечают возможность наличия у командования противника боевого опыта, не уступающего немецкому. Продвижение войск из-за всех этих причин минимально и намного уступает планируемому. Еще одним фактором, снижающим продвижение войск, является внезапная метеорологическая аномалия в виде распутицы на всей территории, атакованной нами.

Особенно же тяжелая ситуация складывается на северном участке фронта. Нет связи с группой армий «Север», за исключением части резервных войск. Не отвечают также части флота и авиации, дислоцированные в том районе. Посланные офицеры связи и разведчики, сумевшие вернуться, докладывают невероятное — они встретили пограничников и войска в невиданной ранее, но, несомненно, русской форме. А воздушная разведка вообще не смогла пробиться в тот район из-за противодействия авиации русских. Максимально о чем смогли они доложить по радио — о внезапно налетевших истребителях со стреловидными крыльями. Положительный фактор только один — русские ничего не предпринимают и можно спокойно перебрасывать наши резервы. Есть предложение также перенацелить в этот район часть корпусов 9 армии.

Плохие новости и от генерала Диттля. Выдвигаясь по плану в район Петсамо для дальнейшего наступления на Мурманск, его егеря, вместо дружественных финских войск, встретили опять же вездесущих русских пограничников, — Кейтель замялся, не торопясь продолжать свой доклад.

— Продолжайте, генерал, — голосом, в котором явно чувствовались признаки надвигающейся грозы, поторопил его Гитлер.

— Поступили первые донесения о полученных от пленных сведениях. Отмечается, что все пленные одеты в неизвестный вариант русской формы. Но самое главное, — Кейтель несомненно тянул время. — Самое парадоксальное... все они считают, что идет не 1941, а 1953 год и что Германия была разбита в 1945 году.

— А еще? Больше вы ничего не хотите добавить? — спросил, уже откровенно злым голосом Гитлер.

Кейтель замялся и это окончательно вывело Гитлера из себя. Он буквально взорвался. Такого не видел еще ни один из присутствующих на совещании. Фюрер и рейхсканцлер германской нации орал как простой фронтовик, многие употребленные им эпитеты были в новинку даже генералу Гальдеру. Если перевести все сказанное на язык родных осин, то Гитлер называл свинскими собаками, полными дебилами и вообще расп...ми Гиммлера, Геринга, Удета, Кейтеля, а заодно и Гальдера и всех, кто попадал ему на глаза. Канариса он приказал вообще немедленно арестовать и повесить на рояльной струне за систематическую дезинформацию, поступавшую от абвера. Герингу досталось за неспособность люфтваффе что-нибудь сделать против новых истребителей и бомбардировщиков русских, Удету — за недооценку работ по реактивным истребителям, а остальным — за компанию и за

неправильную оценку русских сил.

— Вы, что принимаете меня за полного идиота? Почему скрываются факты, почему показания пленных доложены не полностью? Надеетесь, что Я ничего не узнаю? — кричал Гитлер. Кейтель успел заметить промелькнувшую на губах Гиммлера усмешку. Понятно, этот хитрец уже успел все доложить фюреру. Внезапно наступила тишина, слышно было только, как под кем-то поскрипывает стул.

Гитлер, спокойный, словно ничего не случилось, продолжил:

— Необходимо срочно установить связь с англичанами и американцами. Пусть выдвигают свои требования, пусть торгуются. Я согласен пойти даже на переговоры с еврейскими плутократами, лишь бы создать единый фронт против большевистской угрозы. Потому что из всего, что тут наплели нам военные, следует только одно — долго одни мы против большевиков не устоим. А затем они разберутся и с остальными... Риббентроп, вам все ясно? Срочно ищите контакты! Впрочем, пусть кроме вас этим займутся и люди Гиммлера. Обещайте все что угодно, потом разберемся... Да, и пригласите ко мне после совещания японского посла.

Затем пошло обсуждение текущих военных вопросов — какие части куда перебросить, что можно снять с оккупированных территорий в Европе, какие требуются изменения в планах выпуска вооружений..

Совещание, к большой радости присутствующих, закончилось на вполне спокойной, деловой волне.

И только Канарис не мог этому радоваться, так как Гиммлер, ловко воспользовавшись словами Гитлера, немедленно приказал его арестовать. И теперь на Принц Альбрехт Штрассе дюжие следователи выбивали у него признание в шпионаже и подрывной работе на пользу мирового еврейства, жидомасонских большевиков, а заодно и английской разведки.

Генерал-губернаторство (Польша)

В госпитале было неплохо, только вот долго побыть на одном месте не удалось. Из-за опасности прорыва большевиков госпиталь эвакуировали под Варшаву. Бруно, хотя последствия контузии еще сказывались, от чего он несколько раз даже терял сознание, пытался вернуться в строй. Но главный врач госпиталя доказал ему как дважды два, что в нынешнем его состоянии в бою он будет скорее обузой. Пришлось Винцеру погрузиться вместе с другими ранеными в эшелон и под свист паровоза отправиться на запад, в то время как его боевые товарищи продолжали биться на востоке с накатывающимися ордами азиатских большевиков. Госпитальный состав шел медленно, часто останавливаясь на полустанках, пропуская эшелоны войск с запада и пережидая восстановление путей после русских бомбежек. Частенько станции, на которых он останавливался, напоминали руины — здесь побывали русские бомбардировщики, уже прозванные немцами «Фляйшер»³. Именно такие бомбили и его роту. По госпиталю ходили о них различные слухи. Поговаривали, что двигатели на них без винтов, что вооружены они какими-то суперпушками, а главное несут огромную бомбовую нагрузку и практически неуязвимы как для истребителей, так и для зениток. Говорили, что за сбитый такой самолета обещано 3000 марок, которые пока так никто и не получил.

Еще более страшные слухи ходили о новых русских танках. Подбить их удавалось только из «ахт-ахт»⁴ или тяжелых пушек. Причем русские воевали весьма хитро, действуя

³ «Мясник» — Ил-28 известен в западных военных изданиях под кодовым названием «Батчер» — «Мясник». Скорость до 900 км/ч, вооружение две 23-мм пушки в носу, спаренная подвижная установка 23-мм пушек в хвостовой части фюзеляжа, 1000–3000 кг бомб, дальность полета 2400 км.

⁴ «Ахт-ахт» — знаменитые немецкие 88-мм зенитки обр. 18. Приняты на вооружение в 1933–1934 гг., а

обычно из засад, применяя контратаки накоротке и передвигаясь на больших скоростях. При этом они умудрялись вести точный огонь на ходу. Лежавший в одном купе с Бруно раненный офицер-танкист Гюнтер Кюбель уверял, что пушки этих танков калибром не менее 8,8 см и, по-видимому, стабилизированы. Он рассказывал, что немецкие конструкторы тоже пытались создать такие приборы, но пока ничего путного не получается.

Последствия контузии уже почти исчезли, а вялое передвижение поезда до того надоело Бруно, что он уговорил начальника госпиталя выписать его. Получив документы и распрощавшись с Кюбелем, Винцер вышел на станции.

И опять судьба хранила его, потому что прибывший в Варшаву госпитальный поезд попал под грандиозную ночную бомбежку. Русские тяжелые бомбардировщики подошли к Варшаве на недостижимой для истребителей и зениток высоте в 12 000 м и сбросили фугасные и зажигательные бомбы, стремясь разрушить Варшавский железнодорожный узел. Согласно подсчетам экспертов их было не менее 600 и прилетали они несколькими волнами. Сброшенные бомбы разлетелись на большой площади, но в основном накрыли районы маневрирования поездов и на путях воцарился огненный филиал ада. Несколько эшелонов с боеприпасами и горючим, вагоны с солдатами и лошадьми, паровозы и пристанционные постройки — огонь не пощадил ничего.

Но пока обер-лейтенант Винцер еще не мог ничего знать о будущем и с легкой душой простившись с госпиталем, отправился на поиски своей 12-й пехотной дивизии.

На всякий ультиматум воздушный флот сумеет дать ответ... Март/июнь 1953/41 года.

5 марта. Аэродром Береза, 927 истребительный авиаполк

Старший лейтенант Петр Логичев любил летать, но хорошо выспаться любил не меньше. Именно поэтому он был страшно зол, когда в полтретьего утра его разбудило что-то непонятное. Неужели опять что-то сотворил хозяин квартиры?..

Но до Петра быстро дошло, что вокруг, если не считать шепота за стенкой, где спали хозяева, все тихо и обыденно. Он уже собирался уснуть снова, когда расслышал отдаленный рев сирены. Дом, в котором Петр снимал комнату, стоял практически на окраине городка, недалеко от гарнизона и аэродрома, поэтому ночью, когда звуки разносятся далеко, тревожные гудки сирены слышались вполне отчетливо. Еще раз выругавшись, Петр вскочил с кровати, плеснул в ладони воды из кувшина на столе, ополоснул лицо. Умываться некогда, сирена гудит уже наверное больше минуты, а такой гудок означает, что тревога боевая. Боевая... Петр приостановился. Неужели опять война. Всего то восемь лет прошло с той, страшной и тяжелой, только начали жить по нормальному, и снова. Мысли приходили и уходили, а руки между тем продолжали делать привычную, вбитую несколько лет назад до автоматизма, работу — одеться, нацепить портупею, кобуру, пистолет проверить, тревожный чемоданчик в руку, фуражку на голову. Все, посыльного ждать некогда, пора бежать. В коридор из соседней комнатки выглянули полуодетые испуганные хозяева.

— Что-то случилось Петр Петрович? Что-то сирена долго гудит, а перед ней что грохнуло — спросил хозяин.

— Да что, вы обычная учебная тревога, — соврал Петр — Нас предупреждали.

Хозяева, по лицам видно не убежденные, но слегка успокоенные, покивали,

образом «18» названы для успокоения западных контролеров, на запросы которых о создании новых видов вооружений немцы, формально соблюдающие ограничения Версальского договора, могли смело отвечать, что это орудия периода Первой мировой войны. Оказались весьма неплохими противотанковыми орудиями. Вот только было их на Восточном фронте в 1941 г. всего чуть больше полутора десятков. // Кроме того, броня средних танков Т-54 и тяжелых ИС ее снарядами не пробивалась.

соглашаясь.

— Счастливо! Побегал! — сказал Петр, просачиваясь в дверь.

Он бежал к месту сбора, приветствуя знакомых летчиков и техников, бежавших в одном с ним направлении и на ходу пытавшихся разобраться, что случилось. Никто ничего не знал. Большинство, так же как и Петр, проснувшись от непонятных ощущений за несколько минут до тревоги и теперь были готовы ко всему. Понятно, что империалисты никак не успокоятся, война в Корее полыхает вовсю, возрождается западногерманская армия, американцы грозят атомной бомбой. Но все это уже успело стать привычным и никак не верилось, что кровавая, но победоносная война ничему никого не научила.

Трясаясь в битком набитом офицерами автобусе Петр вспоминал чью-то фразу о том, что история повторяется дважды — сначала как трагедия, а потом как фарс. На что надеется агрессор? Атомное оружие есть и у нас, наши сухопутные войска сильны и могут дойти до Ла-Манша. Надеются отсидеться за океаном? Нет уж, не получится. Рассказывают, у нас теперь появились и проходят испытания сверхдальние и сверхтяжелые бомбардировщики, ничуть не хуже их «Миротворцев» Б-36.

Автобус подъехал к высотке, прервав размышления Петра. Вместе с другими летчиками он побегал переодеваться в летный комбинезон и получать кислородную маску.

Но, только оказавшись в кабине, Петр окончательно успокоился. Как всегда, стоило закрыть фонарь и подключиться к радиостанции, время замедлило свой бег. По полученным указаниям выходило, что через границу на высоте восемь... девять тысяч метров пытались пролететь винтовые бомбардировщики в сопровождении таких же истребителей. Теперь первые из них атакованы летчиками дежурного звена, несколько сбито, а первая эскадрилья должна добить наглого агрессора. Интересно, что бомбардировщики летят с очень малой скоростью, а их оборонительное вооружение составляют вроде бы только пулеметы. Ладно, взлетим, увидим...

В полку всего лишь треть летчиков имела достаточный налет для ночного боя и почти все они служили в первой эскадрилье. Именно поэтому командир полка, полковник Нестеренко, успевший хлебнуть боев конца Великой Отечественной, поднял в воздух только первую.

Заняв свое место в строю эскадрильи, Петр и его ведомый, лейтенант Звягинцев, услышали привычный голос бати, необычно злой и отрывистый. Командир, оставшийся на КП, передал, что сбит старший лейтенант Кулаков, самолет капитана Мисюркина поврежден и он был вынужден выброситься с парашютом.

— Поэтому приказываю в бой на горизонталях не ввязываться, нанести «соколиный удар» и действовать строго по схеме 3. — Закончил командир.

Несколько томительных минут полета и вот на фоне земли видны подсвеченные Луной силуэты огрызающихся огнем вражеских бомбардировщиков. Засмотревшись, Петр чуть было не пропустил команду на атаку.

Первый бой, он трудный самый. Может это и так, но для Логичева в происшедшем не оказалось практически ничего нового. Спикировав на отворачивавшие назад самолеты врага, он привычно, как на тренировках дождался совпадения метки прицела с целью — силуэтом бомбардировщика и слегка нажал на гашетку. Короткая очередь из 23 и 37 мм снарядов, выдавая себя мелькнущими огоньками трассеров, воткнулась в цель, вызвав вспышку взрыва. Все это очень напоминало привычные стрельбы по буксируемой мишени, разве что мишень была побольше и пыталась огрызаться пулеметным огнем. Впрочем, рассмотреть все подробнее он уже не успел, услышав в рации крик ведомого — «Слева!». Спасла его небольшая ошибка и выполняемый им выход из пике. Так как двигатель стоял на крейсерском режиме, Петр для набора высоты вынужден был резко перевести его на максимум, самолет просел и очередь противника проскочила впереди и чуть выше МиГа. Тут же свалив самолет влево, Петр чуть не напоролся на очередь ведомого. Почти невидимый в темноте силуэт вражеского винтового истребителя скрылся в огненном шаре взрыва — видимо в него попал 37 мм снаряд, а может и несколько. МиГ Петра вздрогнул от

столкновения с несколькими обломками, но продолжал слушаться рулей, да и движок несколько раз чихнув продолжил свой ровный гул. Перейдя в набор высоты и дождавшись кусочка тишины в рации, Петр передал напарнику:

— Спасибо.

А в рации и то и дело слышны были короткие возгласы:

— Справа!.. Прикрой атакую!.. Семь, семь, семь!

Последнее означало, что кого-то подбили и он пытается выйти из боя и выброситься с парашютом. Да, уроки бати, жестко требовавшего в мирное время соблюдать радиомолчание и дисциплину переговоров, на что часто обижались молодые лейтенанты, здорово выручало сейчас.

Набрав высоту и сориентировавшись, Логичев с напарником устремились вслед медленно отходящему на запад остатку эскадрильи противника. Догнав ее, они снова спикировали, обстреляв и сбив еще один бомбардировщик. Перейдя в набор высоты, Петр услышал команду на прекращение боя и развернулся в сторону аэродрома.

Краткость боя и стремительное отступление противника удивили Петра, но только позднее он узнал причины. Для первого удара по аэродромам немцы выделили всего 639 бомбардировщиков и 231 истребитель, которые должны были на большой высоте, незаметно для средств наблюдения сорок первого года перелететь границу и нанести внезапный удар по спящим аэродромам. Внезапное же столкновение с истребителями, большие потери привели к беспорядочному сбросу бомб и возвращению. В тоже время советское командование понимая трудности ведения боя ночью при первых же признаках отступления атакующих вернуло истребители на аэродромы.

Только зарулив свой «бортовой пятнадцать» на стоянку, Петр понял как он устал. С трудом выбравшись из кабины с помощью техника, Логичев, дожидавшись ведомого, с трудом переставляя ноги, отправился к поджидающему летчиков тягачу. Там их уже ждали севшие раньше комэска и несколько летчиков второго звена. Все были усталы и в тоже время возбуждены прошедшим боем. Подобрав всех летчиков, автобус отъехал к высотке, а на стоянке остались техники, поспешно готовившие самолеты к новому вылету, перезаряжая пушки, ремонтируя и заправляя самолеты. Полк готовился к любым неожиданностям войны...

Повторный налет, уже днем, полк встретил во всеоружии. Поднятые по сигналу эскадрильи одна за другой поднимались в небо и занимали место в строю. Вторая— ударная, третья — прикрытия, первая — резерв. Четвертая, самолеты которой стояли в дежурном звене, сегодня играла роль главного резерва, оставаясь пока на аэродроме. С противником ясности так и не прибавилось. Многие летчики успели засечь знакомые по фильмам кресты, самолеты напоминали виденные с детства на рисунках, в кино, а многими и вживую немецкие Хейнкели, Мессеры и Юнкеры. Но откуда они взялись сейчас, да еще в таком количестве? Впрочем, особо над этим никто не задумывался — есть коварный враг, неведомым путем прорвавшийся через группы войск и союзников и его надо бить.

Во второй вылет Петр пошел уже на другом самолете. Выяснилось, что двигатель, чудом донесший «пятнадцатый» до аэродрома, наглотался обломков и сейчас бригада техников меняла его на новый. Вообще, потери были на удивление малы — несколько самолетов и два погибших летчика. Первым погиб летчик дежурного звена старший лейтенант Кулаков, уравнивавший скорости в попытке идентификации встреченных самолетов. Поэтому командир еще раз напомнил, что винтовые самолеты имеют лучшую маневренность и бить их надо только на вертикалях.

Над равнинами Белоруссии развернулись ожесточенные воздушные схватки. Неведомый враг, которого уже многие начали называть привычно фрицами, стремился прорваться к аэродромам, городам и военным городкам. Ему противостояли истребители ВВС и ПВО, а так же зенитчики.

927 истребительный столкнулся с вражескими самолетами практически над Кобринским. Шедшие строем троек бомбардировщики и не менее эскадрильи истребителей. Теперь, при

дневном свете ясно было видно, что летят именно Мессеры и Юнкерсы. Характерные силуэты, а позднее увиденные опознавательные кресты не оставляли никакого места для сомнений. Атака второй эскадрильи, фрицы пытаются прикрыть бомбардировщики своими истребителями и тут на них обрушивается третья... Пришлось принять участие в бою и первой, фрицы вызвали подмогу и со стороны Кобрин появилась новая эскадрилья истребителей. С ней и столкнулась первая эскадрилья. Петр, уже привычно свалил МиГ в пике, атакуя пару «Мессеров» с тыла. Те попытались ускользнуть и попали под огонь второй пары звена. Один самолет сразу развалился в воздухе, второй, поврежденный, задымил и ушел куда-то вниз. Опять набор высоты, новая атака. Промех. Черт, сколько же можно? Эти летчики сразу видно, поопытней, маневрируют всюду, стараясь ускользнуть от огня МиГов. Впрочем, это им помогает мало. Все таки летящий на скорости 700–800 км/ч МиГ и пытающийся маневром уйти от него на скорости всего 350–400 км/ч Мессер — огромная разница. Вот сейчас, спикировав третий раз, Петр все таки смог спрогнозировать, куда рванет фриц и нанес ему точный удар. Огненное облако... и черт возьми, патроны кончились. Увлечшись атаками, Петр не заметил как расстрелял весь боекомплект. Пришлось выходить из боя, причем второй истребитель, который ускользнул от него, получил очередь ведомого. Так что и второй бой закончился для пары Логичева с прибавлением в счете. Хотя вернувшиеся на аэродром Петр с напарниками отнеслись к этому довольно равнодушно. Второй боевой вылет, физические нагрузки, потери друзей съели столько психических и физических сил, что летчики почти не реагировали даже на налет тройки вражеских бомбардировщиков, на малой высоте прорвавшихся к аэродрому и попытавшихся бомбить полосу и стоянки эскадрилий. Один был сразу же сбит зенитчиками прикрытия, остальные сбросили бомбы неточно, повредив пару самолетов, и были сбиты поднявшимися летчиками дежурного звена, когда уходили от аэродрома.

Интерлюдия.

В общем, все складывалось очень плохо. Пропавшая группа армий «Север», создавала такую брешь на левом фланге, едва прикрытую уцелевшими остатками резервов, что пришлось остановить наступление 3-й танковой группы и 9-й армии, поспешно перебрасывая часть их сил на левый фланг. Но хуже всего сложились дела в воздухе — понесшие огромные потери люфтваффе ничем не могли помочь сухопутным войскам. Самое скверное, что начали появляться случаи отказа от полетов. Летчики говорили, что полет против русских — это хуже чем русская рулетка. Русская рулетка еще давала шанс выжить, а вот встреча с новыми истребителями русских, получивших уже кличку «Флигендесдор»⁵ — почти никаких шансов. Кроме того, 1-й Воздушный флот потерял 400 самолетов, расквартированных в Восточной Пруссии. Геринг вынужден был приказать перебрасывать самолеты ПВО рейха на Восток, но и эта мера не могла переломить ситуацию.

5 марта. Подмосковье. Ближняя дача

Булганин с Хрущевым несли свое дежурство на даче Сталина. Если не считать каких-то непонятных эффектов среди ночи, все остальное было спокойно. Немного поговорив о необычных ощущениях, но так и не разобравшись, что же это было, они продолжили разговоры о ожидавшихся перспективах. В это время охранники вызвали Булганина к телефону. Вернувшись, взволнованный Булганин сообщил о налете по всей западной

⁵ «Летающая труба» — по мнению автора, наиболее вероятное прозвище для реактивного истребителя МиГ-15/17, с точки зрения летчиков начала 1940-х гг.

границе самолетов неизвестного противника и пропадании связи с группами войск и посольствами за границей. Поэтому он уезжает в Военное министерство, а на дачу собираются приехать Маленков, Берия, Молотов, Каганович и Ворошилов. В этот же момент дежурный врач вбежал в комнату и сказал, что товарищу Сталину стало хуже. Действительно, Сталин был в плохом состоянии. Булганин не стал уезжать, перезвонил в Военное министерство и отдав указание действовать по обстановке, остался ждать остальных. Пока все собрались, Сталину стало еще хуже. Медики сказали, что началась агония. Прекратилось дыхание, попытки искусственного дыхания и стимуляции сердца не помогали. Хрущев, уверявший всех, что ему жалко Сталина, сказал:

— Послушайте, бросьте это, пожалуйста. Умер же человек. Чего вы хотите? К жизни его не вернуть.

Как только Сталин умер, Берия и Булганин сели в машины и уехали в Москву. Оставшиеся, обсудив ситуацию, решили собрать всех членов Бюро. Тем временем Хрущев попробовал поговорить с Маленковым:

— Егор, надо побеседовать.

— О чем? — холодно спросил Маленков.

— Сталин умер. Опять война. Как дальше будем жить?

— А что сейчас говорить? Съедутся все, и будем говорить. Для этого и собираемся.

— Ну, ладно, — ответил Хрущев, мысленно занося Маленкова в список сторонников Берии, — поговорим потом.

Хрущев исподволь, с момента болезни Сталина, пытался собрать команду сторонников, чтобы не допустить прихода к власти Л.П. Берии, которого он ненавидел и боялся. А заодно естественно и самому занять вершину властной пирамиды. Эх, как же он тогда отомстит всем, кто видел его унижение перед Сталиным, за страх перед арестом, за постоянное нервное напряжение...

Необычная обстановка, ожидаемое, но все равно внезапное известие о смерти Сталина, слухи о новой войне, заставили всех членов Бюро поспешить. Встретив и проводив Светлану, и простившись с покойным, они собрались в столовой дачи для заседания. Инициативу взял в руки Берия, предложивший назначить председателем заседания Бюро Маленкова, который сразу же снова передал слово Лаврентию Павловичу. Берия тут же выступил с предложением назначить Маленкова Председателем Совета Министров СССР с одновременным назначением его председателем воссозданного Государственного Комитета Оборона и с освобождением его от обязанностей секретаря ЦК партии. После единогласного утверждения, Маленков выдвинул два предложения — утвердить его первым заместителем в обоих случаях Л.П. Берия, назначив его же министром государственной безопасности. Тут же Берия внес предложение из-за сложившейся чрезвычайной ситуации объединить МВД и МГБ. Все эти предложения прошли единогласно. Хрущев и Булганин молча переглядывались, чувствуя, что власть буквально ускользает между пальцев.

Дальше дележка портфелей пошла еще быстрее. Молотова тоже назначили первым замом предсовмина и министром иностранных дел. Кагановича — просто заместителем. Ворошилова предложили избрать председателем Президиума Верховного Совета СССР, освободив от этой должности Шверника, которого, как сказал Берия никто в стране не знает. В ГКО вошли Берия, Булганин, Ворошилов, Маленков, Молотов, Микоян, Хрущев. Хрущев же стал одним из секретарей ЦК, а вот должность секретаря Московского ЦК ему не оставили.

В конце заседания приняли порядок извещения о происшедшем. Было решено, что с сообщением о смерти Сталина и нападении выступит Председатель Совета Министров Маленков, а похороны будут проведены позднее. Берия предложил вернуться в Москву и провести заседание ГКО, вызвав на него начальника Генштаба маршала Соколовского.

Оставив ответственным за подготовку к похоронам Хрущева, члены ГКО уехали в Москву. Перед этим Берия, собрав свободных охранников, провел с ними какой-то инструктаж.

Москва. Кремль

Заседание ГКО под председательством Маленкова собрали в бывшем кабинете Сталина. Известное всему миру по фотографиям и фильмам, помещение предназначалось именно для такого рода заседаний. Военный министр СССР Булганин и начальник Генерального штаба Соколовский сидели в соседней комнате, пытаясь с помощью операторов Генштаба собрать и отразить имеющиеся данные. Булганин, бывший отнюдь не военным, а политиком, старательно делал вид, что все понимает и помалкивал, пока Соколовский с несколькими офицерами готовили докладную записку и карты.

А в это время в кабинете Берия, Маленков, Молотов и Ворошилов пытались осознать все что им было известно. Набор фактов отнюдь не радовал. Неведомый враг, которого Ворошилов сразу назвал англо-американскими империалистами, сумел уничтожить группы войск за границей, продвинуться до границ страны и неведомым путем прервать связи с заграницей. Согласно полученным от МГБ данным, в иностранных посольствах также царила тихая паника из-за пропажи связи. Отмечено также невероятное потепление воздуха над всей территорией СССР, в результате чего началось резкое таяние снегов и в некоторых районах возможны наводнения. Пропали все советские самолеты, находившиеся ночью в воздухе, в том числе и совершавшие пассажирские рейсы, и военные.

В общем «туман войны» был так густ, что руководители СССР не видели в нем даже кончика носа. Своего, ибо враг сунул свой через границу и естественно огреб по нему хороший удар.

Наконец-то, подготовив доклад, вошел Соколовский. Он начал с того, что ночью противник силами от 500 до 800 винтовых бомбардировщиков под прикрытием неизвестного количества винтовых истребителей попытался бомбить наши приграничные аэродромы и города, но был встречен истребителями ВВС и ПВО округов и, потеряв до 400 самолетов, ретировался за границу. Реактивных бомбардировщиков и истребителей не замечено, ядерные удары не наносились. И это уже радовало, но в тоже время заставляло задуматься — что за коварный ход придуман противником?

Дальнейшие действия противника представлялись еще менее логичными. На большей части западной границе он повторил авианалет большими силами бомбардировщиков и истребителей, одновременно начав обстреливать артиллерией приграничные районы с последующей атакой сухопутными силами. При этом почему-то не наносился удар по границе от Гродно до Бреста и от Равы-Русской до Дрогобыча. Пограничники же на этих участках задержали уже несколько неустановленных лиц, называющих себя делегатами связи, причем в нашей предвоенной форме. При задержании они пытались применять оружие.

Спокойно также в Прибалтике. Кроме нескольких попыток перелета границы и задержания нарушителей границы в униформе вермахта никаких других инцидентов не отмечено.

На севере, в районе Петсамо границу попытались пересечь в походных порядках воинские части в форме егерей вермахта. Они явно не ожидали сопротивления и были отогнаны огнем пограничников. Имеются пленные. По получении результатов допросов обобщенные данные будут доложены.

На финской границе пока все спокойно, но пограничники отмечают признаки сосредоточения войск. Командующие Северным и Ленинградским округами запросили разрешение на проведение воздушной разведки за линией границы. Потеряна связь с военными базами в Порккала-Удд и Ханко, туда отправлены самолеты связи.

Непонятна обстановка на Дальнем Востоке. Также потеряна связь с Порт-Артуром и 64 авиакорпусом в Китае. Отмечено присутствие на границе вместо китайских пограничников японских воинских частей. Одновременно произошли столкновения на японо-советской

границе в районе Курильских островов и Сахалина. Самолеты и катера с японскими опознавательными знаками пытались пересечь границу, но были отогнаны или сбиты советскими пограничниками и частями ПВО.

— Обобщая сказанное можно утверждать, что вероятный противник сумел уничтожить наши группы войск за рубежом и захватить территорию союзных соцстран за одну ночь. При этом атакующие войска используют технику и форму немецко-фашистского вермахта. На Дальнем Востоке им проведена аналогичная операция силами японских войск в форме и с техникой начала Великой Отечественной. Одновременно он полностью прервал все линии связи между СССР и другими странами, а попытки радиосвязи и радиоперехваты дают абсурдную картину — используемые диапазоны частот и содержание передач относятся к сорок первому году, — закончил Соколовский.

Невероятные события требовали дополнительного и длительного изучения, но шла война и долго раздумывать значило ее проиграть. Поэтому решено было собрать для тщательного изучения межведомственную комиссию при ЦК с привлечением ведущих ученых. А пока — объявить мобилизацию войск и промышленности, начать усиленную разведку ситуации и связаться с посольствами и разведывательной сетью за рубежом.

Уже перед концом заседания, Л.П. Берия неожиданно спросил Соколовского.

— Как вы считаете, кто из наших командующих мог бы стать военным министром?

Все, кроме Маленкова, с недоумением посмотрели на Берию, который еще раз посмотрев на Булганина, добавил:

— Товарищ Булганин, не будучи профессиональным военным, вряд ли справится с управлением вооруженными силами в ходе войны. А вот заняться военной промышленностью и снабжением войск он сможет.

— Поддерживаю, — сказали одновременно Молотов и Ворошилов.

— Надо подумать, — дипломатично ответил Соколовский.

— Хорошо. Думайте до завтрашнего утра. Передадите свои соображения товарищу Маленкову и мне к 9-00 завтра, — жестко закончил Берия.

На этом заседание закончилось, все разошлись. И только оставшиеся вдвоем Маленков с Берией перешли в соседнюю комнату.

Интерлюдия

Вашингтон. Всю неделю, начиная с 23 июня, ситуация по меткому определению адмирала Хелси напоминала «пожар в бардаке во время наводнения». Мало того, что полностью прервалась связь с посольством в СССР, так еще и сообщения разведки, нейтралов и журналистов становились невероятнее и невероятнее. Гарри Гопкинс, приходя утром к Рузвельту, начинал свои доклады присловьем из «Алисы в стране чудес» — «Все чудесатее и чудесатее...»

При попытке анализа и выстраивания непротиворечивой картины происходящего несколько аналитиков Госдепа, Военного и Военно-морского министерств получили сильнейшие психологические травмы, а нескольким даже пришлось вызывать врача..

Картина складывалась парадоксальная. Русские в очередной раз удивили весь мир. Их войска сумели одним ударом овладеть Восточной Пруссией и районом Петсамо (Печенги), Южным Сахалином и, по некоторым данным, даже Курильскими островами, причем с невиданной скоростью — практически за одну ночь. Они сумели в полной тайне перевооружить свои ВВС на невиданные ранее самолеты. Их армия в боях показала такой уровень боевой эффективности, который никто не мог даже предвидеть, особенно если учитывать опыт сравнительно недавно прошедшей финской войны. И еще они зачем-то прервали связь со всем миром, причем именно в день нападения немцев и так эффективно, что, по имеющимся сведениям, даже их посольства не могли связаться с Москвой практически всю неделю.

А самые парадоксальные факты вытекали из радиоперехватов. Пойманные передачи от посольств США, Англии, Японии и Франции были подписаны неизвестными лицами, именовавшими себя послами. Открытым текстом в них сообщалось об отсутствии связи, о смерти Сталина, а самое главное — они были датированы мартом 1953 года. По мнению многих компетентных лиц это была явная и неуклюжая провокация русского ГПУ. Непонятно было одно — для чего она была нужна. Неужели они считали всех полными недоумками?

И вся эта головоломка никак не хотела складываться...

Аэродром Береза, 927 истребительный авиаполк.

За несколько дней войны Петр Логичев понял одно — спокойно поспать, это такая огромная радость. Увы, спать-то как раз и приходилось урывками. Немцы (теперь уже никто не сомневался в принадлежности противника), беспощадно избиваемые днем, перешли на преимущественно ночные налеты на малых высотах. Трудности обнаружения низколетящих самолетов радарам заставляли постоянно держать в воздухе дежурные звенья, патрулирующие в районах вероятных налетов.

Интересное происшествие случилось на второй день войны — в воздухе был перехвачен и посажен на аэродроме самолет Як-4 с советскими опознавательными знаками. Экипаж его, в советском довоенном обмундировании, безропотно сдал оружие и в сопровождении начальника особого отдела убыл в Минск. Перехватившие его летчики получили личные благодарности командующего ВВС фронта.

Да, да, на третий день все округа были преобразованы во фронты, из тыла в сторону передовой начали выдвигаться колонны войск, что тоже добавило работы истребителям. Правда было одно весьма существенное отличие от той войны — колонны двигались днем под прикрытием зениток и истребителей, а на ночь рассредоточивались для уменьшения потерь от налетов фрицев. Война можно сказать перешла в нормальное русло, если это слово вообще применимо к войне.

26 июня/9 марта всем довели постановление ГКО о назначении военным министром А.М. Василевского вместо Булганина. А членам партии на собрании зачитали секретное письмо о смерти товарища И.В. Сталина и происках империалистов Запада, в результате действий которых произошла военная катастрофа, и СССР снова придется оборонять свои рубежи от войск немецко-фашистских агрессоров.

А еще через несколько дней по радио выступил с речью Председатель Совета Министров. К сожалению, Петр не мог ее услышать, так как вместе со всей эскадрильей был в небе, расчищая воздух для пролета советских тяжелых бомбардировщиков. Несколько полков бомбардировщиков Ту-4 и Ил-28 в сопровождении истребителей Ла-11 нанесли удар по крупнейшему транспортному узлу — Варшаве. Для того чтобы немцы не могли перехватить их на маршруте (что, впрочем, казалось советским летчикам почти невероятным) и были подняты истребители всех прифронтовых полков.

Кроме воздушных боев, летчикам полка пришлось вспоминать и бомбометание по земле. Несколько раз полк вылетал вместе с Илами на штурмовку немецких войск и аэродромов. В одном из боев над линией фронта зенитки подбили самолет Петра и сбили самолет лейтенанта Звягинцева. Петру повезло, он сумел перелететь фронт и выброситься с парашютом уже над нашими войсками. Навсегда запомнилось ему это чувство бессилия, когда некогда грозная боевая машина перестает тебя слушаться, мотор глохнет и самолет, изредка выбрасывая клубы дыма и струйки пламени, топором падает вниз...

На земле его встретили пехотинцы из 48 гвардейской стрелковой дивизии. После короткого застолья у командира полка полковника Иванюты, его посадили в «козлик» и отвезли до аэродрома. По дороге старший машины лейтенант Петров рассказывал ему, что белорусы, узнав о повторном появлении фашистов, толпами осаждают все штабы, прося

зачислить в войска. Никто из них еще не забыл ни Хатыни, ни айнзатцгрупп. Несколько не выявленных ранее немецких пособников были приведены соседями в особый отдел полка, а один так и вовсе был забит насмерть, когда не смог скрыть радости при известии о новом нападении. И совсем уже тихим голосом, почти шепотом, он сообщил о том, что налажена связь с войсками на той стороне границы. Оказывается, за границей от Гродно почти до Бреста существует довоенный Белостокский выступ и в нем дерутся с немцами части войск бывшей РККА. Теперь наше командование планирует использовать их для контрудара по врагу и из дивизии уже несколько офицеров получили назначения и отправились туда для передачи опыта войны. В ответ Логичев рассказал лейтенанту о самолете, посаженном в Березе и его экипаже. Оба они сошлись на том, что теперь фрицам станет хреново.

Интерлюдия.

Генеральный штаб, Кремль, да и все правительственные учреждения в эти дни напоминали растревоженный муравейник. Многочисленные курьеры, звонки, пакеты и просто устные распоряжения отнюдь не добавляли порядка в этот хаос. Все было абсолютно непонятно — ни сам агрессор, ни его действия, ни международное положение.

Конечно, в мирных условиях попытки проанализировать и понять происшедшее потребовали бы очень большого времени, но в условиях войны пришлось воспринимать все как данность. Да, пришлось списать со счетов все группы войск за границей, вооруженные большим количеством современной техники, но она была и во внутренних округах, хотя и в меньшем количестве. Например, освоение танков Т-54 начиналось именно в Белорусском округе и теперь все танковые дивизии 5 Механизированной Армии были оснащены только этими машинами. Кроме того, немцы столкнулись отнюдь не с РККА образца 41-го года, а с Советской Армией — победительницей в закончившейся всего лишь 8 лет назад войне, еще не растерявшей опыт, имевшей среди командиров и запасников множество обстрелянных ветеранов. Еще большим плюсом ситуации была постоянная готовность к ядерной войне — напряженная международная обстановка заставляла держать порох сухим и быть готовым к любым неожиданностям. В те времена Руст был бы сбит уже при пересечении границы, попытка захватить остров на Амуре закончилась бы, едва начавшись, после огневого налета и атаки ближайшей войсковой части...

К концу недели удалось связаться и с войсками в Белостокском и Черновицком выступах и принять их под свое командование. Немцы и их союзники затормозились в 20..80 км от границы. Особенно неудачно для нас шли бои на южном направлении. Слишком уж большим был перевес в силах над войсками Одесского округа. Дальнейшее их продвижение остановилось как из-за удара советских войск из Прибалтики и Прикарпатья, так и из-за упорного сопротивления войск и пограничников на остальных направлениях, да и начавшаяся распутица отнюдь не добавляла им скорости.

Из речи Председателя Совета Министров СССР товарища Г.М. Маленкова:

Граждане и гражданки Советского Союза! Дорогие товарищи, к вам обращаюсь я, друзья мои! Весь советский народ, партия и правительство СССР, все прогрессивное человечество понесло тягчайшую утрату — после продолжительной болезни вчера скончался секретарь ЦК КПСС, вождь и учитель советского народа — товарищ Иосиф Виссарионович Сталин...

Пользуясь смертью товарища И.В. Сталина, западные империалисты развязали новую войну против нашей страны. В результате наша Родина снова вынуждена отбивать нападение империалистических орд... Но ни империалисты, ни немецкие реваншисты, ни примкнувшие к ним японские милитаристы не смогли и не могут учесть главного — величия духа великого советского народа, его готовности отдать все без исключения, даже жизнь, для защиты своей Советской Родины, для защиты завоеваний Октября.

Закончу свое выступление бессмертными словами Великого Вождя Советского народа товарища Сталина, уже однажды предсказавшего закономерный итог любой агрессии, покусившейся на свободу нашей Советской Родины. Наше дело правое! Враг будет разбит, победа будет за нами!

Из выступления по радио местоблюстителя Патриарха Московского и всея Руси Сергия:

Помните же братия и сестры — не в силе Бог, а в правде! Выступим же дружно на защиту Родины, против сатанинского, человеконенавистнического агрессора! Нет больше счастья, чем душу положить за други своя, за свободу своей Родины!

Аэродром Береза, 927 истребительный авиаполк

Петр Логичев, с его счетом в 7 сбитых самолетов, считался теперь одним из асов полка. Поэтому, когда командир четвертой эскадрильи был ранен при очередной штурмовке немецких войск, других кандидатов у командира полка не нашлось. Документы на повышение и на внеочередное звание «ушли наверх» одновременно. Понятно, что Петр радовался, но радость эта была с печалью пополам. Он-то жив, идет на повышение, а Лева Звягинцев как был, так и останется навечно лейтенантом. Да и не он один...

Хотя надо заметить, времени на рефлексии у летчика на войне не так уж и много. Два три вылета в день выматывают не только физически, но и психологически, до последней степени, оставляя только простейшие желания. Летать же приходилось все больше и больше, в том числе и на прикрытие войск в Белостокском выступе. В отличие от войск пятьдесят третьего года, войска сорок первого практически не имели зенитного «зонтика» и их приходилось непрерывно прикрывать истребителями до перебазирования к ним современных частей зенитной артиллерии.

Линия фронта постепенно, медленно, но неумолимо сдвигалась на восток. Наши войска, имея качественное превосходство, уступали немцам в численности, а подошедшие резервы были небольшими, так как мобилизация только разворачивалась. Распутица и климатические пертурбации в виде внезапных похолоданий и потеплений, сменявших друг друга, внезапный паводок на реках — все это затрудняло ведение боев как авиации, так и наземным войскам, но не могло остановить боев. Летчики радовались периодам такого ненастья, приковавшим немецкую, а часто и нашу авиацию к аэродромам, как радуются люди, несущие тяжелый груз, возможности немного передохнуть.

В конце месяца Логичев вместе с несколькими опытными пилотами погрузился в старенький Ли-2, который отвез их на тыловой аэродром. Там они получили новые, прямо с завода, МиГи пятнадцать бис. В отличие от старых, эти самолеты сразу шли в камуфляжной окраске. Более мощный двигатель и возможность установки подвесных баков сразу понравились Петру. А после выполнения облета он влюбился в свою ласточку крепче, чем в любую из девушек, за которыми ухаживал за всю свою жизнь. По прилету в полк из этих самолетов была переформирована новая четвертая эскадрилья. Летали они над аэродромом, в бои их пока не пускали, но несколько раз заставили ночью слетать всей эскадрильей на полную дальность с подвесными баками. В одном из ночных тренировочных полетов Петр опять пополнил свой счет. Привычно осматривая воздух он на грани восприятия заметил летящую на малой высоте пару «новейших» немецких истребителей Фоккер и спикировав с левого полупереворота на них вместе с ведомым, сбил один. Ведомый смог догнать и расстрелять второй. Вместо благодарности за сбитых Логичев получил выговор от

командира дивизии за срыв учебного полета. При атаке он и ведомый конечно же сбросили подвесные баки и выработали топливо быстрее всех остальных самолетов, поэтому эскадрилья пришлось прервать полет и вернуться на аэродром.

Вскоре особое положение четвертой эскадрильи отменили и Логичев с друзьями окунулся в уже привычный ритм боевых вылетов.

Москва. Кремль. Зал для совещаний

Совместное заседание ГКО и Государственной комиссии по Чрезвычайной Ситуации (ГКЧС) при ЦК КПСС началось с доклада академика Курчатова. Сведенные воедино факты и гипотезы, приведенные в докладе, смотрелись абсолютно абсурдно и не раз вызывали недоверчивые перешептывания присутствующих. Наконец академик начал зачитывать заключительную часть доклада:

— Кроме прочего, при исследовании имеющейся англоязычной литературы был обнаружен небольшой рассказ о создании машины, перебрасывающей в прошлое как отдельных лиц, так и участки местности. Возможно, это была утечка информации аналогичная вышеприведенному примеру с описанием атомной бомбы в художественном рассказе.

Следовательно, можно сделать вывод о причастности иностранных, вероятнее всего, англо-американских ученых к созданию данной ситуации. Исходя из анализа имеющихся данных и соответствия их приведенным выше гипотезам следует считать установленным факт о хронологической катастрофе или опыте, перенесшем территорию Советского Союза из 1953 г. в 1941-й год.

После этих слов в зале наступила оглушительная тишина. Затем поднялся Маленков и спросил:

— Есть вопросы? Нет? Тогда будем считать, что выводы ГКЧС верны и будем исходить из них при дальнейшем планировании. Благодарю вас, товарищ Курчатов. Сделаем перерыв.

Через пятнадцать минут члены ГКО, включая военного министра Василевского, опять собрались в душноватом от летней жары зале. Вопросов было много, все они были срочными и практически по всем высказывались разные, порой прямо противоположные мнения. Серьезный спор разгорелся по применению атомных бомб. Соколовский, Булганин, Хрущев, Молотов были за бомбардировки. Первым выступил Булганин:

— Слишком большими были потери в Великой Отечественной войне. Теперь, после Катаклизма, мы можем ответить. Выпал второй шанс переиграть все. И единственный шанс стать сверхдержавой. А то и просто единственной сверхдержавой. За такое дерутся до последнего. Имея 165 боеприпасов старого типа и учитывая поступление до нового года еще 20 боеприпасов нового типа, можно решиться на расход как минимум 10–20 штук.

На его выступление откликнулся Берия:

— И в результате мы откроем всему миру секрет возможности создания такого оружия, ускорим принятие американцами решения о начале Манхетенского проекта, немцы тоже пересмотрят отношение к своему проекту. Считаю невозможным применение спецбоеприпасов до решения вопросов с американцами и немцами. МВД совместно с ГРУ уже разрабатывает план мероприятий по данному вопросу. До его выполнения применение данного оружия недопустимо. А к тому же мы получаем много проблем с последствиями применения оружия, с остаточным заражением местности.

Тогда эстафету переняли Молотов и Хрущев:

— Мы не выдержим второй Отечественной войны. Народное хозяйство с трудом оправилось от последствий первой, внезапный переход от весны к лету оставляет нас в этом году без сельхоззаготовок. Результатом может быть нехватка продовольствия и резкое падение производства. Необходимо закончить войну в короткий срок! — сказал Молотов.

— Мы не готовы, мы многое потеряли в первой войне. К тому же у нас нет поддержки США, Англии, нет никаких союзников, кроме Монголии. А ведь мы можем показать Кузькину мать Гитлеру и его присным, — добавил Хрущев.

Маленков предложил выслушать начальника Генштаба.

— Применение спецбоеприпасов позволит нанести поражение противнику с наименьшими потерями своих войск. Вполне логичным представляется план нанесения ударов по наиболее важным точкам противника и скоплениям его войск на фронте. Согласно доклада Главнокомандующего ВВС главного маршала авиации Жигарева, кроме полков Ту-4, мы можем нанести удары несколькими современными бомбардировщиками: двумя Ту-85, двумя Ту-16, двумя М-4, одним Ту-95. Все они проходят испытания, но вполне могут быть привлечены для ведения боевых действий. Их характеристики позволяют не опасаться существующих средств ПВО противника. Зная историю развития средств ПВО противника, Генштаб считает неприемлемым затягивание с применением, уменьшающее неуязвимость наших бомбардировщиков. План нанесения ударов разработан, он включает несколько первоочередных целей — Цоссен, Пенемюнде, Бертехсгаден, Берлин, города Рура, группы немецких войск на левом фланге и в центре фронта, — доложил Соколовский.

— А ракеты? Мы можем их применить? — спросил Хрущев, — Насколько я помню, они вообще неуязвимы и позволят нанести внезапный удар.

— В настоящее время ни одна из ракет не приспособлена для несения спецбоеприпасов. Формируемые сейчас две первые инженерные бригады РГК могут применять только старые, неэффективные изделия, — ответил Соколовский.

А. И. Микоян, с внимательным видом слушавший все эти выступления, попросил слова и предложил компромиссное решение:

— Подготовку к нанесению ударов спецсредствами провести в полном объеме, но пока не наносить. Применение спецсредств — только по личному разрешению товарища Маленкова и его заместителя, товарища Берии. Мое мнение — применять только в самом крайнем случае. Цоссен и Пенемюнде разбомбить необходимо, но обычными бомбами.

— А применять спецзаряды на своей территории считаю вообще нет никакой необходимости. Не забудьте, что при этом пострадают и наши советские люди, — добавил Берия.

Маленков поставил вопрос на голосование. Неожиданно на сторону Берии встал Василевский.

— Считаю, что необходимо сохранить в тайне наличие у нас спецбоеприпасов. Вспомните, как вели себя англо-американцы после победы. Вот для них и надо подготовить сюрприз, — сказал он. Эти слова оказались решающими. С неприменением атомного оружия согласились все. Сразу обсудили вопросы о продолжении работ по созданию сверхбомбы и новых носителей оружия. С учетом возможности получения решающего превосходства было решено ускорить создание сверхбомбы, а также новых бомбардировщиков и ракет. Особое внимание планировалось уделить бомбардировщикам межконтинентального радиуса действия.

Затем обсудили положение на южном участке советско-германского фронта. По предложению Хрущева на 2-й Украинский фронт назначили Г.К. Жукова.

Не меньше времени заняло и обсуждение дальневосточных вопросов. Решено было поставить Главнокомандующим войск Дальнего Востока Р.Я. Малиновского. Как заметил при этом Маленков:

— Опыт действий на этом участке и с этим противником у него есть. Вот пусть и вспомнит.

На этом заседание ГКО и закончилось.

Аэродром Жуковский. ГЛИЦ

Генерал Молодчий был счастлив. Прошедший всю войну, знаменитый летчик Дальней Авиации получил в свое распоряжение группу таких самолетов, о которых мог раньше только мечтать. В его распоряжение перевели лучших летчиков из тяжелых бомбардировочных полков и теперь они осваивали сверхновые, сверхскоростные и сверхдальние машины. А еще ему было обещано пополнение из спешно достраиваемых нескольких бомбардировщиков Туполева Ту-85, заканчивающего испытания туполевского же изделия 95 и нового варианта мясцевского реактивного сверхбомбовоза. Радости добавлял и выполненный самостоятельный полет на Ту-85. Огромная серебристая машина, способная долететь до Америки со скоростью, превосходящей максимальную у самолетов времен войны и на недостижимой ранее высоте, способная нести до цели вагон бомб и защищенная пушечными установками была лебединой песней советских тяжелых бомбардировщиков с поршневыми двигателями. Именно это и стало причиной прекращения выпуска вполне готового к серийному производству бомбардировщика, по опыту войны в Корее устаревшего с появлением реактивных истребителей. В нынешней же ситуации он оказался вполне востребован и на заводе в Казани поспешно восстанавливали его производство.

Тем временем летчики проходили переучивание по ускоренной программе, изучая самолеты и инструкции по их эксплуатации. Порой казалось что летчики ночуют прямо в самолетах, столько времени проводили они в кабинах, насиживая и осваивая их. Прошло немного времени и начались полеты над советской территорией на предельной высоте, тренировки в ночных и дневных сверхдальних перелетах.

Большой потерей для всех стала авария новейшего 95-го⁶, разбившегося в очередном испытательном полете из-за отказа двигателей. Несколько дней лихорадило весь ГЛИЦ и даже группу Молодчего. Представители МВД, армейские комиссии, представители КБ и заводов изучали, осматривали и как бы даже не вынюхивали все бумаги, состояние всех самолетов и двигателей, опрашивали всех причастных и не причастных. Происшествие оказалась для Александра Молодчего вдвойне печальным — вместе с летчиками и испытателями ГЛИЦ погиб и его старый друг, полковник Журавлев. Он должен был получить этот самолет после испытаний и с разрешения командования знакомился с особенностями пилотирования, летая вместе с бригадой испытателей.

Это печальное событие ненадолго задержало подготовку и уже к концу месяца специальная авиагруппа Молодчего вылетела на разведку и бомбежку целей в Германии. Боевые полеты оказались немногим сложнее тренировочных. Огонь зенитной артиллерии практически не доставал до самолетов, летевших на большой высоте, а истребители, если и поднимались до них, на практическом потолке маневрировали, как сонные мухи. Да и вооружение их не могло сравниться с оборонительным вооружением Туполевых. А уж мясцевские реактивные четверки вообще никого не боялись, уходя от немцев как от черепах, на крейсерской скорости.

Увы, авария опытного 95 привела к замедлению программы его строительства — решено было сначала довести двигатели. Молодчий был за этот самолет, понравившийся ему своей дальностью и высотностью. Да и привычные винты, хотя и вращаемые не поршневым, а турбовинтовым двигателем, казались надежнее. Но его мнение было всего лишь «принято во внимание». Впрочем, возможно оно, вместе с мнением Хрущева и оказалось решающим при изучении вопроса о закрытии программы 95. Решено было продолжать постройку второго опытного экземпляра, но уже во вторую очередь работ завода. Первоочередным стал запуск в серию Ту-85.

Группа Молодчего тем временем провела тренировочные полеты на сброс специзделий и испытания системы дозаправки в воздухе для самолетов Ту-85. Адаптированная для них

⁶ Разрабатывавшийся бомбардировщик Туполева «95» действительно разбился во время испытательного полета в 1953 г.

система дозаправки, спроектированная изначально для Ту-4, давала восемьдесят пятым возможность достичь практически любой точки на земном шаре. И летчики группы активно готовились к этому.

Прибалтика. Район обороны 12 пехотной дивизии (Лифляндский котел)

До дивизии Винцер добирался довольно долго. Оказалось что она вместе с несколькими другими дивизиями 9 армии и 3-й танковой группы обороняет так называемый Лифляндский котел. Полуотрезанная группировка немецких войск сдерживала атаки русских из северной части Восточной Пруссии и Прибалтике. По рассказам попутчиков Бруно узнал, что командует русскими какой-то маршал Баграмян, кавказец и что они воюют они грамотно и упорно. А вот группировка с правого фланга оказалось послабее и даже была в свою очередь полуокружена немцами.

Прибыв в дивизию Бруно получил под командование противотанковый батальон, состоявший правда всего из двух рот — созданных на базе остатков его роты и рот 6-й пехотной дивизии, уцелевших во время катаклизма 22 июня. Вооружение батальона было очень сильным, обе роты имели по 12 5 см противотанковых пушек. Командовавший 1-й ротой лейтенант Штейнберг рассказал, что часть пушек были из 6 дивизии, а часть из разбитого эшелона с пополнением для 26 дивизии.

Рассказал Штейнберг и о русских танках. Большинство из них имели пушку в 8,5 см и броню корпуса в 5 см, расположенную под рациональным углом наклона. Но самыми опасными были тяжелые танки двух образцов — одни имели 12 см пушку и броню до 20 см, но их скорость была ниже, чем у немецких троек. Другие, встречающиеся в небольших количествах, вооруженные пушкой не менее 10 см в плоской, хорошо защищенной башне, имели еще и большую скорость. В ответ на рассказ Винцера о сверхточной стрельбе русских танкистов и стабилизированных орудиях, Штейнберг только рассмеялся и объяснил, это все это ерунда и никаких стабилизированных орудий у русских нет. У страха глаза велики, поэтому и появились такие рассказы.

Он вместе с несколькими офицерами дивизии осматривал подбитый зениткой русский танк и слышал допрос русского танкиста. Тот назвал марку танка: Т-34/85 и свое подразделение, а затем замолчал. Штейнбергу он напомнил англичан, взятых в плен в Бельгии. Но в отличие от последних русский отнюдь не был спокоен, а наоборот, смотрел на всех с ненавистью и только когда имитировали его расстрел, выкрикнул, что один раз они фашистов разбили и второй раз разобьют.

Дольше всего они обсуждали русскую авиацию. Вездесущие русские бомбардировщики «Фляйшер» гонялись за целями в тылу и сильно досаждали на фронте. Даже без сопровождения они не боялись немецких истребителей, впрочем весьма немногочисленных и убывающих с каждым днем. Единственной защитой от них был огонь зениток. Винцер пересказал разговор с офицером люфтваффе, встреченным в дороге. Оказывается русские неустанно и целеустремленно бомбили аэродромы, уничтожая самолеты и повреждая взлетные полосы. В итоге потери люфтваффе на земле превосходили потери в воздухе. Штейнберг, в свою очередь, рассказал о русских штурмовиках «Шварцетодт»⁷, поддерживающих любое наступление русских. Бронированные одномоторные самолеты засыпали позиции артиллерии мелкими бомбами и реактивными снарядами, нанося большие потери. В конце разговора оба согласились, что русские оказались неожиданно трудным противником и война наверняка затянется.

⁷ «Шварцетодт» — «Черная смерть»: согласно встречающимся в мемуарах данным — немецкое прозвище штурмовика Ил-2. В данном случае имеются ввиду его улучшенный вариант Ил-10 или Ил-10М — бронированный штурмовик с бомбовой нагрузкой в 600 кг, 4 23 мм пушки в крыле и турельной установкой 12,7 мм пулемета (20 мм пушки на Ил-10М). Скорость макс — 550 км/час.

Засыпали они под грохот дежурной русской бомбардировки — пролетавшие над линией обороны «Фляйшеры» сбросили несколько десятков мелких бомб на какую-то цель.

Наша служба и опасна и трудна... Июнь-август 1941/53 года.

Москва. Территория ВДНХ

Резидент ЦРУ/УСС Роберт (Боб) Гарри Поттер-младший уже пятую минуту торчал в кабинке общественного туалета, ожидая связи с представителем посольства. Да, разведка США не могла пока похвастаться большими успехами в СССР и Боб Гарри был пожалуй самым большим ее достижением. Под видом армянина-репатрианта Роберта Мерзосяна он сумел не только проникнуть в Советский Союз, но и устроится на работу в редакцию газеты «Советский железнодорожник». Ему удалось найти несколько источников информации, от одного из которых, студента Михаила Гробачева, он и получил интересную информацию о происходящем.

Ну вот, наконец-то, в соседней кабинке стукнула дверца и рука из-под перегородки вручила ему сверток, забрав у него другой. Вообще-то такой неудобный способ связи конечно же не был основным. Но из-за непонятных происшествий нормальные каналы связи стали опасными, так как вокруг иностранных посольств прямо-таки кишели агенты ГБ в штатском, а всех иностранцев при передвижениях по Москве сопровождал как минимум один такой агент. Но нынешний, такой экстравагантный, способ связи наверняка был отброшен русскими как невероятный. Поэтому Боб уже третий раз посещал ВДНХ, якобы собирая данные для очерка о достижениях советских железных дорог. Впрочем, он опасался что скоро будет писать не о достижениях железных дорог, а о результатах боев. Хотя официально он числился ограниченно годным к воинской службы, Боб подозревал что его могут отправить в какую-нибудь фронтовую газету. Теперь же следовало немедленно передать бесценные сведения, полученные от студента Михаила. Будучи вхож в академические круги, тот сумел достать данные о создании в СССР новой сверхмощной атомной бомбы и о планировании ее испытания в августе-сентябре. Кроме того, удалось получить кое-какие сведения о нападении непонятных агрессоров на западной границе, причем во многом невероятные. Все это и вынудило Боба передать в посольство сигнал об экстренной встрече.

Впрочем это было конечно же не главным, признавал в глубине души Боб. Главным был полностью изменившийся характер радиопередач, ловившихся его приемником и полное отсутствие шифровок с родины. Впервые с тех пор как он, потомок армянских эмигрантов, приехал в эту загадочную страну, ему стало страшно.

Ладно, передача прошла удачно, скоро узнаем, что же все же произошло, думал Боб Гарри выходя из здания туалета. Но тут он увидел несколько внимательно разглядывавших его глаз. Взявшие его в полукольцо люди были несомненно чекистами. Боб попытался рвануться в сторону, но холодный вежливый голос сзади остановил его порыв.

— Не дергайтесь. Бегство бессмысленно, гражданин. Прошу пройти с нами.

Повернувшись, Боб Гарри увидел невысокого плотного крепыша, показывающего ему удостоверение в красной сафьяновой обложке. Оглядевшись, Боб Гарри криво усмехнулся — справа от здания несколько человек сажали в машину работника американского посольства.

— МВД. Майор Пронин. Вы задержаны по подозрению в шпионской деятельности против СССР.

Москва. Заседание коллегии Министерства внутренних дел

Заседание коллегии объединенного с министерством госбезопасности министерства внутренних дел было посвящено решению вопроса утечки информации о необычной ситуации в Советском Союзе за границу. На нем присутствовали, кроме самого Л.П. Берии и его заместителей С.Н. Круглова, Б.З. Кобулова также начальник 3-го управления МВД (разведка) С.А. Гоглидзе и его подчиненные.

— Всего из балтийских портов успело уйти 4 судна, в том числе одно голландское, датское, польское и гэдээровское. Судьба последнего уже установлена — нашими торпедными катерами подобрана шлюпка с двумя уцелевшими членами команды, судно потоплено подводной лодкой. Об остальных никаких сообщений нет. На Дальнем Востоке в течение первого дня ушло 8 кораблей, из них два американских, одно английское, 4 китайских и одно наше. Последнее вернулось вчера во Владивосток. — докладывал генерал Джуга.

— Вероятность захвата этих кораблей немецко-японскими кораблями? — спросил его Берия.

— Считаю, что на Балтике все суда скорее всего потоплены немцами. Вряд ли они позволят судам под флагом противника спокойно плавать. Возможно ими захвачены уцелевшие члены команд. Но на мой взгляд это несущественно, поскольку немцы могут уже иметь информацию с фронта, — сказал Джуга.

— Сложнее на Дальнем Востоке. Японцы обязательно пропустят американские и английские суда и постараются захватить или потопить китайские. Раз боевые действия еще не начаты, японцы получают или уже получили сведения о положении в СССР от их команд, — добавил он.

— Плохо работаем, товарищи. Почему не смогли удержать корабли под любыми предложениями. Ждали указаний? — спросил Берия.

— Не было никаких оснований для задержания. Обстановка была неясной, но не угрожающей. Можно было спровоцировать международный скандал, — заметил заместитель Берии Круглов.

— Ладно. С этим понятно. Что с посольствами? И с агентурой империалистических разведок? Докладывайте, товарищ Гоглидзе, — продолжил Берия.

Из доклада Гоглидзе стало ясно, что английская резидентура известна МВД из нелегальных источников и может быть практически нейтрализована в несколько дней. Сложнее с американской разведкой. Точных данных по ней не было, хотя те же нелегальные источники имели сведения что она весьма малочисленна и не имеет серьезного значения. Данных по остальным разведкам было намного меньше, но можно было предположить, что разведка западных немцев практически не имеет своих агентов в СССР, как и японская, после известных чисток. Турецкая разведка оценивалась также весьма низко, но на всякий случай приняты дополнительные меры безопасности на советско-турецкой границе и на Кавказе.

— Посольства и консульства в течение нескольких дней после Катаклизма взяты под усиленное наблюдение, консульства в других городах закрыты. Слежка за посольствами дала некоторые результаты — задержаны два шпиона, пытавшиеся выйти на связь с американским и норвежским посольствами. В настоящее время глушатся помехами все радиопередачи из посольств. На предъявляемые протесты заявлено, что это какое-то природное явление, — докладывал Круглов.

— Хорошо. Возможно через несколько дней будет принято решение о временном интернировании всех посольств империалистических государств. Необходимо подготовить специальные отряды для этой цели. Важно суметь захватить секретные документы и шифры. Есть мнение, что будут найдены документы, проливающие свет на происхождение и природу Катаклизма, — сказал Берия.

— Но учтите. Вся подготовка должна быть проведена втайне. Поскольку окончательного решения не принято. Возможно, будет решено, что выгоднее признать уже имеющиеся посольства, запретив въезд новым дипломатам.

Интерлюдия

В эту ночь самураи решили... нет, отнюдь не решили перейти границу у известной всем реки, а решили они, что русские вот-вот нападут. Непонятные явления очень подозрительно напоминали что-то из русских же книг о будущей войне. Поэтому все войска Квантунской армии вдоль границы Маньчжоу-Го были подняты по тревоге и приведены в состояние боевой готовности. Еще больше японцев удивила попытка русских связаться с пограничным постом в районе Хасана с просьбой — пропустить делегата связи к советским войскам в Порт-Артуре. Впрочем, последнее было принято за попытку оскорбительно подшутить над армией Ямато. Но свежие воспоминания о том же Хасане и Номонгане заставили молча стерпеть и запомнить это оскорбление на будущее. Аналогично пришлось поступить и по отношению к транспортному самолету, нагло пытавшемуся приземлиться на аэродроме около Порт-Артура. Его всего-навсего отогнали зенитным огнем, не сбивая и не препятствуя обратному возвращению во Владивосток.

Самое же непонятное творилось на Курилах и Сахалине — связи с ними не было. Попытка отправить делегатов закончилась неудачей — они просто не возвратились. Повторные и долее осторожные попытки закончились возвращение посланного катера с известием о столкновении с русским пограничным кораблем.

Претензии к русским росли, и только невозможность связаться с посольством в Москве не давала Токио предъявить их русскому правительству, несмотря на ропот сторонников конфронтации с СССР, а так же немедленного завершения разработки и ввода в действие плана Кан Току Эн. Впрочем, по мере поступления новостей из Европы этот ропот сменился задумчивостью, поскольку становилось ясно, что хваленый вермахт, в пару недель захватывающий любую европейскую страну, завяз и его хребет трещит в лапах русского медведя.

Берлин. Запись переговоров фельдмаршала фон Бломберга, оберста фон Трескова и нескольких неустановленных лиц. (Архив Штази ⁸ (гестапо). Обозначения: Т. — фон Тресков, Б. — фон Бломберг, А., Ц. и Г. — неустановленные лица.)

Т. — Итак, англичане согласны вступить с нами в союз только при аресте Гитлера, Геринга и Гимmlера. Геббельс естественно будет держаться за Гитлера до последнего. Поэтому предлагаю устранить этих господ и немедленно объявить о союзе с Великобританией.

Б. — Конечно, я за союз с англичанами, но в данной ситуации не вижу от него никакой пользы. Как союзники они ни чем не смогут нам помочь против большевиков.

А. — Я тоже не склонен высоко оценивать возможности англичан, как союзников. Но приходится признать, что других вариантов я пока не вижу. Вчерашняя бомбардировка Берлина показала наличие у русских таких самолетов, бороться с которыми наши противовоздушные войска просто не в состоянии. Население начинает понемногу паниковать. А тут еще эти нехорошие вести с фронта.

Ц. — Да, нас пока спасает мобилизация русских. При их огромных расстояниях они не могут быстро отмобилизоваться. Но я считаю, что решение необходимо принимать немедленно. Каждый день затяжки может привести к катастрофе. Гитлер не способен осознать данный факт, он вообще не слушает нас, военных профессионалов. Считаю, что его надо отстранить от власти. И немедленно решить вопрос о прекращении конфликта с русскими.

Т. — Но все же, раз уж мы едины в данном вопросе, надо решиться и на следующий

⁸ «Штази» — реальное наименование службы ГосБезопасности в ГДР. Сокращение немецких слов: ГОСударственная БЕзопасность.

шаг — на союз с англичанами. В принципе, я бы согласился и на переговоры с русскими, но считаю что в настоящее время это бессмысленно. Они не простят нам разрыва договора, к тому же если верить имеющимся сведениям, они переживают это уже второй раз.

Г. — Я считаю, что наилучшим решением будут все же переговоры с русскими. Уход из жизни Сталина, который конечно же не простил бы нам разрыва договора, дает шанс договориться с его преемниками. Исходя из анализа русских радиопередач, на вершине власти у них сейчас находится триумвират из Маленкова, Бери и Хрущева. Первые два по мнению наших дипломатов были одними из сторонников договора с Германией, о позиции третьего серьезных данных нет.

Б. — Договариваться с большевиками? Нет, уж увольте.

Г. — А они уже и не большевики. По последним сведениям их партия теперь называется КПСС — Коммунистическая партия Советского Союза, вместо наркоматов у них министерства, а самое интересное — вроде бы недавно расследовалось антиеврейское «дело врачей» и шла активная борьба с «космополитами»-евреями.

А. — То есть вы хотите сказать, что они сближаются с нашей позицией в этом вопросе?

Г. — Не уверен. Сведения очень противоречивы и добыты в основном из захваченных подшивок газет и допросов немногочисленных пленных. Но все же, я считаю что с русскими договориться будет надежнее, чем с англичанами.

Б. — Если все что вы сказали правда, то возможно ваша позиция и может привести к успеху. Но я сделал бы ставку на англичан.

Т. — Господа, я считаю, что этот спор все же второстепенен. Если удастся захватить власть, мы можем попытаться договориться и с русскими, и с англичанами или даже с американцами. Без устранения клики Гитлера от власти ничего не может быть решено.

Б. — Согласен.

А. — Согласен.

Ц. — Согласен. Но все же я — за переговоры с русскими.

Г. — Согласен с предыдущим.

Т. — Тогда я предлагаю приступить к конкретным действиям...

Лондон. Посольство СССР.

После речи Черчилля в поддержку СССР посол Майский ожидал оживления в отношениях с британским МИДом. Но вместо этого уже несколько дней посольство существовало в каком-то вакууме, англичане как будто забыли о существовании представительства СССР. Хуже всего, что похоже и на родине стало не до посла и его забот, потому что НКВД тоже хранил загадочное молчание. Передачи же советского радио, ловившиеся в посольстве, вообще были необъяснимы присутствием незнакомых имен, фактов и названий. Встречи на приемах в других посольствах тоже не прибавляли оптимизма, почти все дипломаты расспрашивали о причинах прекращения связи между СССР и остальным миром. Приходилось все сводить в шутку или отмалчиваться. Особенно неприятным был разговор в японском посольстве, куда Майский был приглашен лично. Японский посол встретил холодно, а в разговоре упомянул что Япония недовольна несоблюдением СССР договора о взаимном ненападении и его враждебными действиями. Пришлось отговариваться отсутствием каких-либо инструкций из Москвы.

Поэтому посол был даже рад, когда из МИДа пришел запрос на встречу с неким Робертом Блейком. Судя потому, что посол не слышал о нем ранее, это был чиновник не очень крупного ранга. Но даже такая встреча все же лучше, чем ничего. Прибывший Блейк удивил Майского своей молодостью, незначительностью должности и непривычно прямолинейной манерой разговора. Вместо обычных протокольных вежливостей он сразу заявил протест на действия советского правительства, нарушившего все нормы международного права прекращением связи с посольством Его Величества в Москве.

Майский вызвал шифровальщика и приказал срочно передать сообщение в Москву, а сам вызвал на совещание первого и третьего секретарей посольства. Совещание закончилось за полночь, но ничего конкретного придумано не было. Разве что третий секретарь был необычно оживлен и несколько раз уточнял детали разговора с чиновником. Утром он отправился в город, где и пробыл несколько часов. Вернувшись, он зашел к послу и сказал что ввиду чрезвычайности ситуации может сообщить послу имеющиеся у него сведения о том, что советская разведывательная сеть в Великобритании также потеряла связь с СССР. Поэтому, похоже ситуация не просто катастрофическая, а сверхсерьезно катастрофическая. Но в этот момент в кабинет посла вбежал запыхавшийся шифровальщик, неся словно величайшую драгоценность, расшифрованную телеграмму с Родины. Выпроводив всех, посол внимательно изучил полученную телеграмму. В ней, за подписью ему наркома иностранных дел — министра иностранных дел СССР Молотова, сообщалось о смерти Сталина и о других новостях, частично уже известных послу из пойманных радиопередач. В принципе, несмотря на некоторые непонятные моменты, телеграмма все же была первой достоверной вестью о последних событиях вокруг и внутри СССР.

Получены были и инструкции по действиям. Особый упор в них делался на доведение до британского правительства единства целей обеих стран и необходимость оформления антигитлеровской коалиции. Требовалось также довести до англичан, что неизвестная природная катастрофа препятствует установлению связи с посольством Великобритании в Москве, но правительство СССР принимает все меры для восстановления ее нормального функционирования.

Собрав коллектив посольства, Майский довел до них полученные сведения и наметил предстоящие дела. Первым делом требовалось договориться о встрече с министром иностранных дел Иденом.

Второй важнейшей задачей стало налаживание тесных контактов с де Голлем. Посол должен был сделать все возможное, чтобы де Голль осознал — единственной серьезной силой, способной освободить Европу от гитлеровских орд является Советский Союз. А он очень заинтересован в помощи Свободной Франции и установлении дружественного правительства в послевоенной Франции. При этом следовало осторожно намекнуть, что во главе правительства освобожденной Франции Москва видит именно Ш. де Голля.

Отправляя через некоторое время отчет о проделанной работе в Москву, посол отметил что де Голль, несмотря на всю перспективность его как лидера свободной Франции, больше склонен к союзу с Великобританией и САСШ. Поэтому Майский предлагал поискать другую кандидатуру на пост главы свободной и демократической Франции, если, конечно, не будет принято решение на помощь в продвижении к власти коммунистической партии.

По отношениям с Великобританией посол докладывал, что в связи с неожиданными успехами СССР в борьбе с Германией, в высших кругах Британии начинают побеждать антикоммунистические настроения. Многие высокопоставленные деятели боятся преобладания СССР в послевоенной Европе.

Лондон. Резиденция премьер-министра

Собравшиеся в кабинете Черчилля министры и военные были олицетворением власти и силы Британской империи. Империи, над которой солнце никогда не заходило и которая, несмотря на потери Первой мировой, пыталась остаться в ранге ведущей державы и в ходе начавшейся Второй. А это требовало умения использовать малейший шанс, умения реально оценивать любые, самые невероятные возможности и извлечь из них выгоду для своей страны. Которая «права или не права, но это моя страна» и у которой «нет ни друзей ни союзников, есть только постоянные интересы».

Поэтому-то и ломали головы джентльмены, сидящие за столом в уютной гостиной на Даунинг-стрит, пока Черчилль расхаживая по периметру ковра и поддерживая беседу,

одновременно занимался своеобразной гимнастикой, подбирая с пола кусочки разбросанной бумаги.

Между тем, имеющиеся сведения отнюдь не радовали. Вместо ожидавшейся длительной войны между Советской Россией и Германией, немецкие войска топтались у самой границы. Кроме того, русские сумели крепко побить люфтваффе и разбомбить Варшавский, Краковский, Люблинский, Лодзинский и несколько более мелких железнодорожных узлов, бомбить Берлин, Цоссен и города Рура. При этом они показали такой уровень развития авиации, который не мог привидеться в самом жутком кошмарном сне.

А вчера из Гонконга были получены не менее невероятные сведения. Прочитав их, Черчилль сказал одну из своих знаменитых фраз: «Или я, или мир — но кто-то явно сошел с ума».

Губернатор и военные власти Гонконга сообщали о прибытии из Владивостока английского судна «Корнуолл», не включенного ни в один реестр торгового флота Великобритании. Команда его состояла из англичан и пребывала в полной уверенности, что она вышла из Владивостока 5 марта 1953 года. Другие рассказанные ими факты были не менее невероятны. Оказывается война закончится в 1945 году, послевоенным премьер-министром будет Эттли, а Черчилль произнесет речь в Фултоне, призывающую к борьбе с коммунистической Россией. Россия же по итогам войны захватит всю Восточную Европу и, установив на границах «железный занавес», начнет строительство «мировой системы социализма». Кроме того она захватит половину Кореи и развяжет Корейскую войну, в которой англичане будут всего лишь одними из союзников САСШ. А самое главное — они утверждали, что сверхсекретный проект создания атомной бомбы, о котором во всей Империи знали всего несколько человек, увенчается успехом. Но в... САСШ. И в России. Которая, если поверить пришельцам, уже имеет огромное количество этих атомных бомб.

— Во-первых, если верить этим сведениям — заявил Черчилль, — Советская Россия стала смертельной угрозой для свободного мира; во-вторых, надо немедленно создать новый фронт против ее стремительного продвижения; в-третьих, этот фронт в Европе должен уходить как можно дальше на восток. Разница между военными силами которые могут выставить на континенте СССР и Англия слишком велика. В нынешних условиях ее не может устранить даже американское вмешательство на стороне Великобритании. Поэтому необходимо срочно договариваться с антигитлеровскими заговорщиками, а после устранения г-на Гитлера высаживать наши армии на континенте и организовывать единый антикоммунистический фронт европейских стран.

— А как мы объясним народу столь резкий поворот в нашей политике? — спросил Первый Морской Лорд Дадли Паунд.

— Думаю, это будет просто технически, но потребует времени. Необходимо срочно начать публикацию в газетах статей о полученных сведениях, доказывающих, что не немцы, а русские напали первыми. И что сведения о немецком нападении — пропагандистская компания русских, — заметил министр иностранных дел Энтони Иден:

— Кроме того, надо будет передать журналистам и правдивые сведения об отсутствии связи с посольствами в Москве, объяснив это поисками русских.

— Хорошо. Но насколько точно мы знаем о происшедшем? Что сможет сказать нам наш уважаемый адмирал? — обратился Черчилль к скромно сидевшему чуть в сторонке адмиралу.

Широко известным этому человеку предстояло стать из опубликованных после войны произведений одного из его подчиненных под первой буквой его фамилии — М. Это был начальник Секретной Службы адмирал Стюарт Мензис.

— К сожалению, после События потеряна связь не только с посольствами, но и с нашей сетью в России. Сохранившиеся источники в Германии, европейских странах и нейтральных государствах во многом подтверждают сведения полученные из Гонконга. Кроме этого, получены сведения и Японии, косвенным образом подтверждающие все вышесказанное, —

ответил адмирал. — В настоящее время русский отдел собирает дополнительные сведения. Проверка в русском посольстве показала, что им тоже ничего не известно. Решено попробовать отправить несколько корреспондентов для освещения героической борьбы русских против немецкого вторжения.

— Согласен. Что мы можем противопоставить авиации русских? — спросил Черчилль лорда Бивербрука.

— В настоящее время проводятся работы по двум проектам скоростных истребителей «Метеор» и «Спайдер-Краб». На фирме «Глостер» достраиваются 12 экземпляров опытных истребителей «Метеор». Планировалось к концу года закончить испытания и при получении положительных результатов начать серийное производство. Фирма же «Де Хэвилленд» приступила к разработке реактивного двигателя и истребителя под него в январе. Результаты планировалось получить к началу 43 года. В связи с полученными сведениями финансирование проектов увеличено, работы ведутся ускоренными темпами, — ответил Бивербрук. — Предположительно к началу 44 года мы будем иметь освоенные истребители того же класса, что и у русских.

— Плохо. Даже очень плохо. Необходимо насколько возможно ускорить производство новой техники. По сообщениям с русско-германского фронта именно русская авиация стала основной ударной силой, противостоять которой не могут даже новейшие немецкие самолеты. Привлекайте все возможные силы, финансирование будет увеличено. Так же надо увеличить финансирование проекта «Тьюб алой»⁹. Если русские действительно имеют бомбу, мы должны их догнать, — сказал Черчилль.

— Тогда придется уменьшать финансирование в других областях, — заметил министр финансов.

— Что ж, значит надо провести анализ всех наших расходов и изыскать средства, — заметил Черчилль.

— Признаться, мне кажется, что без помощи американцев нам не обойтись, — заметил Иден.

— Нет. Попробуем справиться сами. Разве вы не заметили, что в показаниях команды судна прямо говорится, что Британия станет младшим партнером САСШ. Необходимо избежать этого любым путем. Не думаю, что мы, несмотря на переживаемые трудности, должны становиться их вассалами, — сказал Черчилль.

— Значит сейчас самым важным для нас становится успех немецких заговорщиков, — подвел итоги Иден.

— Да. И наших ученых, работающих над проектом «Тьюб алой». Иначе у свободного мира не останется никаких шансов, — добавил Черчилль.

Москва. Зал заседаний ГКО

Очередное заседание ГКО началось с неожиданного заявления Маленкова. Признав, что многочисленные катастрофические последствия Катаклизма, стихийные бедствия в различных районах Союза, возможные перебои в снабжении продовольствием, проблемы внешней политики, требуют постоянного его внимания как Председателя Совета Министров

⁹ «Трубный сплав» — английский проект создания атомной бомбы. В начале 1940 года немецкие ученые-эмигранты Отто Фриш и Рудольф Пайерлс представили Генри Тизарду, научному советнику Черчилля, меморандум «О создании супербомбы, основанной на ядерной реакции и уране». Английское правительство образовало сверхсекретный комитет МАУД для изучения возможности производства урановой бомбы. В конце 1940 года Лондон принял решение о начале строительства завода по выделению урана-235 методом газовой диффузии. 16 сентября 1941 года британский военный комитет рассмотрел специальный доклад о создании в течение 2 лет урановой бомбы. Правительство выделило средства профессору Пайерлсу для развертывания работ по проекту «Трубный сплав» в Бирмингемском университете.

СССР, в результате чего заседания ГКО чаще всего проходят под управлением Берии, он предложил назначить последнего председателем ГКО. А сам Маленков стал бы его заместителем. Таким образом, они взаимно дополняли бы друг друга, при этом получив возможность более глубоко заниматься неотложными делами в сфере своей компетенции. На возражения Булганина и Хрущева, что ГКО именно и задумывался как единственный центральный орган управления, Маленков заметил, что это было справедливо в условиях Великой Отечественной, когда страной управлял тов. Сталин. В нынешних же условиях необходимо именно сосредоточение усилий каждого управляющего органа в своей области, при координации усилий с помощью ГКО. После длительных и бурных обсуждений предложение Маленкова было принято при двух против и одном воздержавшемся.

Затем Берия довел полученные из Англии сведения об утечке информации по атомному оружию. Из нескольких ушедших из портов СССР иностранных судов дошли до портов назначения один английский и несколько американских.

— Так что меры по засекречиванию наличия спецбоеприпасов потеряли смысл, — заметил Берия.

— В таком случае возможно их применение? — спросил Булганин: — Напоминаю, что я предлагал такой вариант с самого начала. Противники уверяли, что нельзя выдавать наличие этого оружия у нас. И что? В результате утечка все равно произошла, а мы понесли потери, которых могли избежать.

— Полностью поддерживаю тов. Булганина. Если бы мы вовремя применили спецзаряды, я полагаю сейчас мы бы уже принимали капитуляцию Германии, — добавил Хрущев.

— Не уверен, что Германия сразу бы капитулировала. А вот озлобление населения, международный резонанс, и будущие проблемы в отношениях с Германией мы бы получили точно. Поэтому я против применения спецзарядов без крайней необходимости, — заявил Микоян.

— Ну, про международный отзыв могу сказать сразу — применим мы бомбу, или нет, но мы все равно окажемся виноваты. Применим — из-за того, что применили, не применим — потому что собирались применить. Поэтому это возражение считаю неправомерным, — сказал Булганин.

— А я считаю неправильным вновь поднимать уже решенный вопрос, — сказал Берия. — Поэтому предлагаю перейти к вопросам по операциям Кольцо, Лес и Степь.

Доклад Василевского по планам операций и их обсуждение затянулись надолго. Закончилось заседание поздно ночью, хотя после смерти Сталина старая традиция ночной работы уже отмирала.

Едва заседание закончилось, Булганин и Хрущев сели в одну машину и уехали на квартиру Хрущева. Вслед за ними на своей машине поехал и Молотов.

Согласно полученному генералом Кобуловым донесению, все трое пробыли на квартире Хрущева почти до 4 часов утра. Кобулов передал эти сведения Берии, но тот быстро, без всякого интереса, просмотрев бумагу, предложил заняться более важными военными вопросами.

Нью-Йорк

Художник и корреспондент нескольких нью-йоркских газет Руди Абель (он же лейтенант советского НКВД Рудольф Абель) с терпением присущим художникам и рыбакам, ждал восстановления связи с Центром.

Автор уже видит, как читатель в этом месте предвкушает погони и перестрелки, слежку и рестораны, красивых агентесс и коварных контрразведчиков. И напрасно. В реале работа разведчика сильно отличается от описанного Флемингом. Фактически это нудное и кропотливое вживание в абсолютно чуждую тебе среду, с поиском выхода на значимые

источники информации, поиском и анализом мельчайших фактов из СМИ и наблюдаемой действительности. К тому же, вместо красивой жизни — непрерывный стресс из-за возможности разоблачения и ареста.

Но Абель связи все же дождался. Правда самым неожиданным образом. Однажды вечером в дверь его квартиры постучал незнакомый крепкий брюнет. После обмена чрезвычайными паролями, он сообщил о последних новостях, о которых газеты писали туманно и непонятно. Самым большим потрясением для Абеля стал даже не перенос его страны, а то, что он оказывается и в 1953 году был в САСШ. Он то рассчитывал, что вернется домой намного раньше. Но это были эмоции, а впереди предстояла, как выяснилось, довольно опасная и напряженная работа. Используя свои связи в журналистских кругах, он должен был проследить за несколькими физиками, подробно разузнать о месте их работы, привычках и повседневном распорядке. Для успешного выполнения работы ему подчинили еще двух человек.

Так вот, под предлогом написания статьи для газеты «Нью-Йорк Геральд», он поехал в Нью-Йорк, а затем в Калифорнию, в Беркли. Оказалось, что найти нужных людей проще, чем он думал. У прикомандированных оказался список с адресами работы, а в некоторых случаях и проживания на практически всех разыскиваемых.

Все прошло быстро и скоро он читал в газете о таинственных происшествиях с физиками Хансом Бете и фон Нойманом, а так же внезапном отъезде в Швецию Роберта Оппенгеймера с супругой. Чуть позже в газетах промелькнуло известие об ученом Понтекорво, уехавшем в СССР.

Единственным трудным вопросом оказалось налаживание контактов с полковником Гровсом. Отсутствие общих знакомых затрудняло подход к нему и Абель вынужден был запросить у центра помощи. Тогда резидент в США Максим перенацелил его на другой участок — следить за сенатором Труменом. Абель был в полном недоумении. Этот недавно появившийся в Вашингтоне сенатор был настолько незначительной фигурой, не имевшей практически никакого веса... По сведениям полученным автором, некоторые даже сравнивают тогдашнего Трумена с современным скандально известным российским политиком Жириновским.

Но приказ был и его требовалось выполнить — найти на Трумена компрометирующие материалы, способные прервать его карьеру, или поставить его в полную зависимость от советской разведки. После длительных поисков Абелю удалось найти незначительные, не подтвержденные документами и свидетелями, данные о связях Трумена с итальянской мафией, от которой он получил деньги на выборы. Параллельно Абель нашел множество сведений об антисоветских взглядах и высказываниях Трумена. Передав эти сведения резиденту, Абель вернулся назад в Нью-Йорк. Через несколько дней ему пришлось писать некролог на безвременно ушедшего из жизни сенатора, попавшего под машину. Поговаривали, что и водитель, и сенатор были изрядно навеселе, хотя официально сообщалось о несчастном случае.

А в Нью-Йорке его ждало новое задание — поддерживать связь с физиком Ферми. Подвижный и разговорчивый, типичный итальянец Энрико Ферми быстро подружился с Рудольфом. Он категорически отказывался уезжать из САСШ, но согласился сотрудничать с Абелем и передавать ему сведения по работам в области атомной физики.

Уже на третьей встрече Ферми заметил, что в последнее время ассигнования на исследования увеличены в меньших размерах, чем ожидалось. Ходят слухи, что правительство собирается начать какой-то новый большой исследовательский проект, который и получит максимальное финансирование. Для участия в проекте уже приглашены А.Эйнштейн и несколько ученых из Колумбийского и Чикагского университета, в том числе Э.Теллер из Чикаго. Все попытки Ферми узнать что-нибудь подробнее о теме проекта закончились неудачей, причем его вызвали в местное отделение ФБР и попросили заниматься своими, весьма важными для США исследованиями, а не соваться в чужие.

Полученные сведения оказались настолько важными, что Абелю пришлось

организовывать встречу Ферми с новым резидентом советской разведки в САСШ.

Конечно, Абель не знал его истинного имени и места работы. Но мы знаем, что это был недавно приехавший в посольство на должность третьего секретаря из СССР Василий Зарубин. Естественно Абель и не подозревал, что Зарубин только недавно, в начале 1953 года вернулся из США, где был резидентом разведки с октября 1941 года, в СССР.

Средних лет, явно имевший большой опыт работы в САСШ, Максим в короткие сроки активизировал работу сети разведки. Абель заметил это по увеличивавшемуся количеству заданий и по конкретизации поставленных задач.

Встреча Энрико и Максима (представленного Ферми как один из друзей СССР в Штатах), прошла в небольшом итальянском ресторанчике неподалеку от Бродвея. Во время разговора Максим сумел заставить Ферми вспомнить несколько мелких подробностей, оказавшихся весьма важными. Припомнив их, Ферми вдруг понял, что наиболее вероятным направлением проекта может быть исследование природы времени и сказал об этом Максиму.

А уже дома, анализируя разговор, Абель пришел к выводу, что возможным местом расположения лабораторий проекта могут быть окрестности Санта-Фе. Конечно, он сразу же рассказал о своей догадке резиденту, надеясь что его же отправят проверить ее правильность. Но увы, он получил благодарность и указания по продолжению связи с Ферми.

Позднее стало известно, что выбор места для проекта поручили Сцилларду. А тот неожиданно вспомнил о разговоре с Р. Оппенгеймером, описавшем ему пребывание в очень изолированном пансионе для мальчиков в Лос-Аламосе. Причудливы пути судьбы! Самое же смешное было в том, что аптека в городе Санта-Фе (неподалеку от Лос-Аламоса) была прикрытием для агента советской разведки.¹⁰ Имея сведения о беспрецедентных мерах безопасности при разработке атомной бомбы в прошлой реальности, советская разведка получила великолепный подарок для проникновения в секреты действующего проекта.

Штутгарт. Дом советника концерна Бош А.Г. Гёрделера

Собравшиеся в доме Гёрделера господа были настроены очень серьезно. Впервые после прихода А.Гитлера к власти множеству людей стало абсолютно ясно, что проводимая им политика привела Германию к краю пропасти. Начавшееся наступление русских и налеты их неуязвимых для ПВО бомбардировщиков наглядно подтверждало этот тезис. И именно это объединило всех — правых и левых, сторонников договора с Англией и сторонников договора с СССР, желающих уничтожить национал-социалистическую партию, желающих вернуться к веймарской республике и желающих сохранить все полезное, что по их мнению было создано наци. Шло тщательное и серьезное обсуждение конкретных планов захвата власти.

Но, несмотря на объединение, разногласия все же сохранялись. Меры по отстранению Гитлера предлагались разные. Наиболее радикальная партия стояла за убийство, другие предлагали всего лишь арест. В конце концов победили все же сторонники крайних мер, получив большинство голосов. Их обеспечило эмоциональное выступление Хеннинга фон Трескова, заявившего:

— Покушение должно произойти любой ценой; даже если мы потерпим неудачу — надо действовать. Ведь практическая сторона дела уже ничего не значит; дело только в том, что германское сопротивление пошло на решительный шаг перед глазами мира и истории. По сравнению с этим все остальное значения не имеет.

¹⁰ Реальный факт. Правда, проект, над которым работали в Лос-Аламосе — разработка атомного оружия, а не исследование времени. Полагаю понятно, почему автор пошел на такое изменение реальности — имея перед глазами темпоральный перенос целой страны, американцы не могли не начать таких исследований.

Выполнение акции было поручено полковнику фон Трескову и его адъютанту Ф. фон Шлабендорфу. Планировалось взорвать А. Гитлера при посещении им штаба группы армий Центр. На всякий случай были подготовлены два запасных варианта — согласно одному из них бомбу должен был установить на выставке трофейного вооружения из России Фрайхер фон Герсдорф. А по третьему — захватить или убить Гитлера планировалось во время его поездки в Цоссен группой егерей из подготовленного пополнения для Норвегии под командой обер-лейтенанта Вернера фон Хафтена.

Большие споры вызывал также состав правительства. Правые предлагали в президенты Бека, канцлером — Гёрделера, а верховным главнокомандующим — Браухича. Новое правительство по их мнению должно было попытаться заключить мир с Великобританией при посредничестве США. Таким образом, появится возможность избежать наихудшего, по их мнению, варианта исхода войны — вторжения на территорию собственно Германии армии СССР.

Левые же предлагали на место канцлера вместо антикоммунистически настроенного Гёрделера социал-демократа Юлиуса Лебера, согласного на сотрудничество с коммунистами, и ведения переговоров в первую очередь с СССР. Однако они оказались в меньшинстве и были вынуждены согласиться с доводами правых, что после заключения мира с Великобританией можно будет начать и соответствующие переговоры с русскими с более сильных позиций. Несмотря на соглашение, представитель левого крыла Шахт все же заявил, что считает кандидатуру Гёрделера приемлемой только на переходный период.

Уже позднее выяснилось, что сторонники мира с СССР все же подстраховались. Действуя через Риббентропа и Мюллера им удалось во время переворота тайно освободить Тельмана из берлинской тюрьмы Плетцензее и переправить в Швецию. Там он провел от их имени переговоры с послом СССР в Швеции Коллонтай.

Вот так, под грохот русских бомб и реактивных бомбардировщиков, под гром русской артподготовки и наступления на всем протяжении Восточного фронта, началась самая волнующая в мире охота — охота на человека. А то что фамилия этого человека — Гитлер, только придавала ей еще больше азарта и легитимности в глазах большинства населения земного шара...

На 20 июля в Цоссене было назначено очередное совещание о положении дел на фронтах. А. Гитлер выехал туда из рейхсканцелярии в сопровождении обычной небольшой охраны из «Лейбштандарта». На полпути к деревне Вюнсдорф кортеж Гитлера попал в засаду. Командовавший егерями обер-лейтенант фон Хафен допустил одну принципиальную ошибку. Стремясь прежде всего захватить Гитлера, он приказал не открывать огонь, а остановить кортеж. Однако эсэсовцы из Лейбштандарта оказались подготовлены не хуже егерей папаши Дитля, к тому же разбавленных новобранцами, и машине Гитлера удалось прорваться. Оставшиеся охранники были уничтожены группой фон Хафена, но понесшие в бою потери и потерявшие время, егеря уже не успевали догнать прорвавшийся автомобиль. Самое же обидное, что пулями была повреждена радиостанция группы и они никак не могли сообщить о своей неудаче.

Ворвавшийся на территорию командного пункта в Цоссене автомобиль Гитлера производил страшное впечатление — весь в отметилах от попавших пуль, со остатками резины на заднем правом колесе, управлявшийся с трудом, чуть не снесший шлагбаум КПП.

Как только автомобиль остановился и адъютант помог Гитлеру выбраться из машины, к нему устремились Кейтель, Браухич, Бок и... фон Тресков. Последний приостановился, неожиданно выхватил у стоявшего рядом солдата охраны MP.38 и, передернув затвор, выпустил длинную очередь в Гитлера и окружающих. Повезло Кейтелю и Боку — из-за длинной очереди пистолет-пулемет задрался вверх и пули лишь слегка зацепили их. Гитлер же и его адъютант Г. Николаус фон Белов, Браухич и двое подбежавших ефрейторов охраны получили по несколько пуль каждый. Скрикошетиравшими от кузова автомобиля пулями ранило еще нескольких офицеров и солдат. Подскочившие солдаты охраны штаба расстреляли фон Трескова в упор, не обращая внимание на запрещающий стрельбу приказ

Бока.

Неудачи прямо таки преследовали заговорщиков в этот день. С запозданием узнав о смерти Гитлера, они не успели арестовать Гиммлера и Бормана. Геббельс, когда его пришли арестовать, покончил с собой, приняв яд. К тому же выяснилось, что многие из высшего командного состава армии отнюдь не одобряют убийства Гитлера. Воспользовавшись этим, со своим воззванием выступила группа левых во главе с Юлиусом Лебером. Их поддержала часть армии во главе с фон Боком, не принявшая убийство Гитлера, но не поддерживавшая и его преемника Гиммлера. Выяснилось, что и главнокомандующий войсками во Франции генерал-фельдмаршал Витцлебен и главнокомандующий войсками в Бельгии генерал фон Фалькенгаузен также принадлежали к заговорщикам. Ими были арестованы все крупные чины СС и люфтваффе, способные поддержать Гиммлера и Геринга. Флот же во всеуслышание объявил о своем нейтралитете и готовности поддержать любое «правительство, выражающее волю народа Германии».

Интерлюдия

Да, такого сенсационного времени, как это неожиданно холодное лето 1941 года не было давно. Сначала поступили новости о давно ожидаемом нападении Германии на СССР. Но потом началось нечто невообразимое и весьма приятное для любого журналиста, редактора газеты или радиовещательной корпорации, а так же для всех любителей новостей.

Постепенно стали появляться сведения о внезапном захвате русскими части территории Восточной Пруссии, Финляндии и самое сенсационное — Японии. Последнее вообще было труднообъяснимо, так как если в Европе большевики захватили сравнительно небольшие территории, то захват протянувшихся на несколько тысяч километров Курильских островов требовал больших десантных сил. Мало того, эти силы должны были иметь невиданный ранее уровень координации. А уж сведения об огромных реактивных бомбардировщиках русских, безнаказанно бомбящих немецкие и бывшие польские города, об ордах большевистских танков с огромными пушками, сверхтолстой броней и огромной скоростью, непринужденно закусывающих хваленными немецкими панцерами, еще недавно победно прошедшими через всю Европу — это была такая сенсация!

Во всем мире резко выросли тиражи газет, а так же продажи карт, глобусов и атласов. Букмекеры во многих странах, как нейтральных, так и воюющих, резко переквалифицировались и принимали ставки уже не на скачки, теннис и тому подобную ерунду, а на количество месяцев, за которое большевики выйдут к Ла-Маншу. Самые оптимистичные предсказатели давали Германии не более полугода, а пессимисты вообще ставили на тот день августа, когда русский Иван помоеет сапоги в Английском канале. Наиболее популярным почему-то была дата 8 августа...

С не меньшим интересом весь мир следил за тем, как будут изворачиваться самураи. Потеря северных территорий грозила Японии потерей лица, но уроки Номонгана и Хасана показывали истинное соотношение сил двух стран. Завязшая в Китае, абсолютно уступающая технически и материально своему противнику Япония, по общему мнению, не имела шансов на успех. Но все же тоже большинство считало, что простыми стычками на границе захваченных территорий дело не закончится. Все помнили, как японцы отомстили русским за захват Порт-Артура.

А дальше стало еще интереснее. В Германии, казалось бы единодушно поддерживающей своего фюрера, вдруг произошел военный переворот. Гитлер был убит, к власти попытались прийти вдохновители его убийства, а против них выступили уцелевшие сторонники прежнего режима во главе с Гиммлером и часть армии, выступающей против заговорщиков и против гитлеровцев. И все это происходило под аккомпанемент русского наступления.

Еще было несколько, правда быстро пропавших и впоследствии вроде не

подтвердившихся сообщений о прибытии в Сан-Франциско и Гонконг, Шанхай и Манилу кораблей, команда которых якобы уверяла, что они приплыли прямо из СССР, но в 1953 году...

Да, поистине холодное лето сорок первого стало горячим для журналистов и политиков.

Вашингтон. Белый Дом

В Овальном кабинете Белого дома происходило одно из тех судьбоносных совещаний, которые в это время проходили во многих странах мира. Президент Рузвельт, Гарри Гопкинс, госсекретарь К.Хэлл, Уоллес, военный министр Стимсон, морской министр Нокс, глава вновь созданного Управления Стратегических Служб У. Донован, начальник ФБР Г.Гувер, адмирал Гарольд Старк, начальник штаба ВМФ и генерал Маршалл, начальник штаба армии определяли курс корабля под названием Соединенные Штаты в бурном и, главное, резко изменившемся, мировом политическом океане. Казалось уже предопределенный порядок вещей нарушился, вновь полученные сведения были невероятны и требовали серьезного осмысления.

— Итак, господа, мы имеем следующее... — докладывал Донован: — Корабли «Си Мью» и «Мартлет» действительно прибыли из СССР 1953 года. Это подтверждают судовые документы, найденные газеты и журналы. ФБР разыскало всех членов экипажей в, так сказать, нынешнем состоянии. Полученные сведения полностью совпадают с полученными в ходе допросов «гостей из будущего». Да, предлагается называть их «дубликантами»...

— То есть данные по Пирл-Харбору, атомному проекту и Корейской войне можно считать достоверными? — перебил Донована Гарри Гопкинс.

— Исходя из имеющихся сведений — полностью, — ответил тот.

— Гарри, подождите, послушаем Билла, — заметил Рузвельт.

— Итак, исходя из подлинности полученных сведений, созданное под моим началом Управление стратегических служб планирует вести работу в четырех основных направлениях:

Первое — исследование проблемы темпорального переноса. Данный проект курирует Управление стратегических проблем, кодовое наименование проекта — Геттисберг.

Второе — создание супероружия на основе полученных данных от пришельцев и имеющихся наработок по данному вопросу. Относится к ведению Управления стратегических исследований, кодовое название оставлено тем же, которое знают дубликанты — Манхеттен. Кроме создания атомной бомбы данный проект будет служить и маскировкой для проекта Геттисберг.

Третье — продолжение работ по исследованию дубликантов и полученных от них сведений, разработка рекомендаций по преодолению выявленных проблем. Данный проект носит название Соломон и также относится к ведению Управления стратегических исследований.

Четвертое — координация действий и анализ данных всех разведывательных управлений всех ведомств, самостоятельный сбор необходимых разведывательных данных. По полученным сведениям такую задачу в будущем получит так называемое Центральное Разведывательное Управление. Такое управление создается в рамках УСС и получает ту же область деятельности. Название проекта Юдифь.

— Что же, я считаю неплохо... Но все таки хотелось бы иметь цельную картинку того, что нам известно, — сказал Рузвельт.

— На основе имеющихся сведений мы можем сказать, что начавшееся нападение Германии на СССР должно было привести к союзу между нами, Великобританией и СССР. Союзники победят Германию в мае 1945 года, но затем между Россией и нами начнется так называемая «холодная война». Дядюшка Джо получит всю Восточную Европу, оградит ее

«железным занавесом» и начнет «строить Мировую Систему Социализма». Германия будет разделена на две зоны — западную и восточную, в которых начнут создаваться отдельные государства, — начал Донован.

— А Тихий океан? Япония? — перебил его Стимсон.

— Япония внезапно нападет на нас, затопив авианосной авиацией наш флот в Перл-Харборе, — продолжил Донован.

— Что!.. Но как? — потеряв свою невозмутимость, адмирал Старк смотрел на Донована, как удав на кролика. — Объясните, сэр.

Внешне никак не отреагировавший на выпад, Донован невозмутимо продолжил:

— По рассказам дубликантов, они торпедируют все линкоры, уничтожат авиацию и разбомбят все военные объекты на Оаху. Правда, по некоторым рассказам, наши авианосцы окажутся в море и уцелеют. Но японцы смогут захватить почти все острова на Тихом океане, Филиппины, Бирму, Сингапур, Голландскую Индию. Нам, Британии и Голландии придется воевать с ними тоже до 1945 года. В августе 1945 года мы сбросим на Японию атомную бомбу, а русские нападут на Квантунскую армию. Японцы капитулируют. Но русские захватят Северную Корею, помогут установить власть коммунистов во главе с Мао Цзе Дуном в Китае, а позднее их марионетки в Северной Корее развяжут войну против Южной Кореи, где мы будем помогать строить демократическое государство. Война начнется в 1951 году и будет продолжаться до 1953 года, причем китайцы помогут северокорейцам.

— Подождите, а почему японцы нападут на нас? Ясно, что у нас с ними много противоречий, но, по-моему, не настолько непримиримых. Да и должны они соотносить, что мы, особенно вместе с Британией, намного превосходим их? — забросал вопросами Донована государственный секретарь Корделл Хэлл.

— Вот тут сведения менее точны. Похоже, что японцы захватят вначале французские, голландские и английские владения. Мы в ответ на это введем эмбарго и тогда они нападут на нас, — ответил Донован.

— А Россия? Они и не собираются на нее нападать? Даже воспользовавшись нападением немцев? — спросил Гопкинс.

— Вроде бы они собирались напасть на Россию, но по примеру немцев предпочли вначале захватить дополнительные ресурсы, в результате чего начали воевать с нами, — ответил Донован.

— Подождите, но как японцы могли применить авиаторпеды в Перл-Харборе? Вы уверены в точности этих сведений? Это практически невозможно! — перебил их окончательно потерявший терпение адмирал Старк.

— Полностью мы уверены только в одном — что эти люди точно из будущего. Но по Перл-Харбору сведения точны. Вроде бы японцы доработали торпеды, кажется установили дополнительные стабилизаторы, — ответил Донован: — Мы продолжаем собирать сведения, но сами понимаете — это всего лишь рассказ неспециалистов, хотя несколько человек и служили на флоте.

— Это понятно. Но, по моему мнению, война с Японией нам невыгодна. А в нынешней ситуации, при такой России — тем более. Наилучшим решением была бы война между Японией и Россией при нашем нейтралитете. Как и в начале Первой мировой, мы могли бы получать выгодные заказы для промышленности и понемногу развивать свои вооруженные силы, чтобы в подходящий момент бросить их на чашу весов. Выход Германии из войны и антирусская политика Черчилля так же позволяют нам действовать на ситуацию в Европе опосредствовано, помогая Британии. А конфликт Британии с Россией неминуемо приведет к ослаблению и той, и другой стороны. Это даст нам возможность укрепить свои позиции и в районах, контролируемых англичанами, — сказал Гарри Гопкинс.

— Не уверен, что Япония решится на войну с Россией. Они еще не забыли уроков Номангана, а если учесть сообщения с русско-германского фронта... — заметил Дж. Маршалл.

— Вот поэтому, мы должны заключить с ней соглашение о ленд-лизе и подтолкнуть к

борьбе за возвращение утеранных территорий, — перебил его Корделл Хэлл.

— Подождите, господа. Вы предлагаете союз с тоталитарным государством, союзником нацистов, готовящимся к войне с нами? — спросил Стимсон.

— Ну, во-первых, они все лишь входили в Антикоминтерновский пакт. Во-вторых, они имеют возможность напасть не на нас, а на большевистскую Россию, которая несет угрозу одинаково и нам и им, — ответил Гарри Гопкинс, и покосившись на президента продолжил: — А в третьих, я бы попросил г-на Гувера, если г-н Президент не возражает, поделиться результатами расследования по Особому списку.

Дождавшись утвердительного кивка Рузвельта, Герберт Гувер, глава Федерального бюро расследований открыл свою папку и начал доклад:

— Согласно полученному от УСС списку, нами были проведены мероприятия по негласному розыску и проверке лиц, в нем указанных. В результате выяснилось, что несколько человек, погибли в результате несчастных случаев или нападения грабителей.

Среди них сенатор Трумен, который согласно данных дубликантов должен был стать президентом после войны.

Кроме того, часть из этих людей выехала из страны: например в Швецию выехал физик Оппенгеймер, упоминавшийся дубликантами в связи с проектом Манхеттен, а физик Понтекорво — в СССР.

— То есть, кто-то, имеющий сведения о будущем, подобные нашим... — сказал Уэллес.

— Не кто-то, а, вероятнее всего, русские, — прервал его Гувер.

— Что же, в свете полученных сведений, предложения Гарри должны быть приняты за основу нашей политики, — сказал Рузвельт: — Необходимо тщательно поработать с поддерживающими нас сенаторами и конгрессменами. Может даже допустить утечку информации о полученных ФБР фактах. Так же предлагаю скоординировать нашу позицию по европейским делам с англичанами. Как мне известно, они планируют высадку своих войск на континент, с целью помощи антигитлеровским прозападным силам. Необходимо оказать им всю возможную помощь. Мне кажется, можно даже передать им часть вооружения со складов армии. Обязательно отменить эмбарго на поставки металлолома.

Но за все эти преференции мы должны получить четкие гарантии неприменения этих вооружений в Китае, а лучше всего заключения перемирия между Токио и Чунцином. Кроме того, сразу после начала боевых действий надо будет нажать на Токио для недопущения оккупации ими Южного Вьетнама.

— Кроме, того с учетом сведений о нападении на Филиппины и довольно длительного сопротивления наших войск, необходимо усилить там оборону. Предлагаю срочно отправить туда наиболее подготовленные пехотные дивизии — четвертую, седьмую и восьмую, а также танковую бригаду и части береговой обороны. Таким путем мы подстрахуемся от возможного удара японцев, — предложил Маршалл.

— Может быть, вообще разделить Вьетнам на зоны влияния и добиться от французской администрации разрешения на ввод небольшого числа наших войск с Филиппин? — предложил Корделл Хэлл.

— Вы представляете что со мной сделает Конгресс? Хотя идеи конечно хороши, проработайте конкретнее, — закончил разговор Рузвельт: — Итак, господа, приступаем к делу. И да поможет нам Бог!

Япония. г. Токио

Конец июня и начало июля для полпреда (посла) СССР в Японии К.А. Сметанина были самыми сложными во всей его дипломатической жизни. Не имея первоначально связи с Москвой и никаких точных данных о произошедших событиях, он вынужден был почти ежедневно встречаться с министром иностранных дел Японии Ёсуки Мацуокой или с

советником министерства Мамори Сигемицу, а то и советником кабинета министров Коки Хирота. Все они хотели получить ответ всего лишь на два вопроса:

— Почему СССР в нарушение договора о ненападении захватил часть территорий Японской империи? Планирует ли правительство СССР прекращение нарушения международного права и возвращение захваченных территорий?

Первые несколько дней ему удавалось отговариваться отсутствием связи и незнанием обстоятельств дела. Но с каждым днем вопросы становились все менее вежливыми и более настойчивыми. Приходилось лавировать, высказывать частные мнения, указывать на нарушения международного права, допускаемые правительством Японии. Несколько легче стало после прибытия самолета с курьером из Москвы. Полученные на нем новые верительные грамоты и инструкции нового министра иностранных дел Молотова (министра! черт побери, на родине все действительно резко поменялось!) пролили некоторый свет на происшедшее, но ничем не могли помочь послу. Поскольку права на северные территории для СССР в этих материалах подкреплялись лишь победой (еще не одержанной!) в войне (еще не начатой!) и решениями (еще не прошедшей!) Потсдамской конференции, то инструкции предлагали послу упираться на приоритет освоения данных территорий русскими в период, когда японцы проводили политику изоляции. Аргументы казались послу более чем сомнительными и вряд ли способными повлиять на точку зрения японцев. Дополнительно предлагалось заключить торговые соглашения на поставки нефти, леса, металлолома и военной техники. Эти предложения вызвали некоторый интерес у японцев, но все застыло на требовании вернуть принадлежащие им по праву северные территории...

Заседание Генро и Правительства в присутствии Императора было бурным. Конечно с европейской точки зрения, было очень спокойно. Сидевшие в зале пэры Японской империи использовали самые вежливые обороты речи, тщательно дозируя тон и содержание, но за внешней спокойной оболочкой срывалось бурлящее море противоречий. Если перевести все эти «гири» и «гиму»¹¹ на более простой и понятный язык, то сразу становилось понятно, что столкнулись две почти непримиримые точки зрения. Представители первой стояли за войну с Россией, нагло нарушившей все международные договора, захватившей северные территории в виде Южного Сахалина и Курил, уничтожив при этом гарнизоны и население этих районов, да еще и предъявлявшей претензии на Рендзюн (Порт-Артур). Вторые резонно указывали, что недавние инциденты Хасана и Номонгана показывают невозможность для императорской армии бороться с сухопутными войсками русских, что более заманчивыми целями будут богатые ресурсами страны Юго-Восточной Азии, особенно практически бесхозные колонии Голландии и Франции, разбитых немцами. При этом они упирали на новости из Европы, сообщавшие о крупных неудачах немецких войск в борьбе с русскими.

Но сторонников северного варианта оказалось больше, к тому же чашу весов в их пользу склонили два неожиданных сообщения. Министр иностранных дел Иосуке Мацуока сообщил о предложении американцев включить Японию, как страну, подвергшуюся агрессии, в программу ленд-лиза. А с самым неожиданным сообщением выступил военный министр Империи Х. Тодзио. Он сообщил о задержании в Китае судна, прибывшего из Владивостока, но из Владивостока 1953 года. Экипаж судна состоял из китайцев — коммунистов и был передан береговой охраной в кемпейтай. Из материалов допросов выяснилось, что война с САСШ привела к полному военному краху Империи, причем в конце войны русские коварно разорвали договор о нападении и разбили Квантунскую армию. Для этого они использовали войска, освободившиеся после разгрома Германии. Следовательно, в настоящее время войска на Востоке должны быть ослаблены, поэтому необходимо срочно усилить Квантунскую армию и принять разработанный Коку Томбу¹²

¹¹ Приставки-глаголы в японском языке, символизирующие, насколько помнится автору, разные степени почтительного обращения к собеседнику.

¹² Коку Томбу — Ставка Главного Командования Сухопутных Войск.

план Кан Току Эн¹³.

После завершения заседания морской министр адмирал К. Оикава вроде бы случайно встретился на узкой дорожке дворцового парка с генералом Х. Тодзио. Вежливо, но с явным намеком на иронию, поклонившись, Оикава спросил Тодзио, вежливо втягивая воздух в себя:

— Не скажет ли уважаемый Хидэки — сама, как получилось, что экипаж китайского корабля оказался вместо военно-морской разведки в кемпейтай¹⁴? Наверное совершенно случайно?

— О, что вы, уважаемый Касиро-сама, просто командир корабля береговой охраны высоко оценил профессионализм и компетентность кемпейтай в борьбе с коммунистической заразой в Китае. Поэтому он и передал задержанных в местное отделение кемпейтай, — ответил Тодзио.

— Да, конечно, сотрудники кемпейтай весьма компетентны в борьбе с китайскими бунтовщиками, но распространяется ли их высокий профессионализм на столь нелегкий вопрос, как оценка сил и способностей русских на Дальнем Востоке, — снова поклонившись, продолжал Оикава, причем тон его высказываний был весьма близок к оскорбительному: — Уверен ли высокоуважаемый министр в точности полученных ими сведений? До меня, например, дошли сведения о высокой боеготовности русских из-за идущей в их времени войны в Корее.

— Ну что вы, Касиро-сан, эти сведения весьма преувеличены. Русские по полученным сведениям, не только не укрепляли армию и флот на Востоке, а уделяли больше внимания Европе. Эти сведения выдали сразу несколько допрашиваемых. А про их флот они прямо сказали, что он практически не усиливался с довоенных времен, — с намеком ответил Араки.

— О, русский флот меня волнует меньше всего. Меня больше волнует, что получит Империя от этого предприятия. Кроме леса и незначительного количества нефти на Северном Сахалине, конечно, — проигнорировать полностью намек Симада не смог, и тон его стал ледяным.

— Что вы, что вы, согласно полученным сведениям, русские нашли на Дальнем Востоке множество полезных ископаемых. И их добыча попадет в наши руки, послужив к усилению мощи Империи, — ответил не менее ледяным тоном Тодзио.

— В таком случае да поможет нам Аматерасу Оми-ками! — резко, на грани оскорбления, прервал разговор Оикава.

Советник премьер-министра принца Коноэ г-н Одзаки встретился с германским журналистом и лучшим другом немецкого посла Рихардом Зорге (он же лучший советский разведчик на Дальнем Востоке Рамзай) в небольшом, но солидном, ресторанчике в районе Гиндза. Наслаждаясь великолепной едой и напитками, два солидных господина вели, судя по внешнему виду, неторопливую деловую беседу. Вечером же, Рамзай вне графика посетил своего радиста, передав в Москву срочное сообщение. Он и не надеялся получить ответ и был очень удивлен, когда при следующей встрече с радистом получил не только подтверждение полученного сообщения, но и новые инструкции по организации работы резидентуры.

А в Японии прошла скрытая мобилизация. Более полумиллиона человек призванных по всей стране, отправились в гарнизоны Хоккайдо и Маньчжурии. На советско-германской границе поспешно разворачивались новые дивизии, в порты Японии один за другим приходили американские суда с пушками, пулеметами, минометами, иногда даже с танками

¹³ Кан Току Эн — «Особые маневры Квантунской армии — план нападения на СССР. Разработан в марте 1940 г., дважды переработан в 1941 г.

¹⁴ «Кемпейтай» — японская военная политическая полиция.

и самолетами. Одновременно было отменено эмбарго на ввоз металлолома и вовсю задымили японские металлургические и военные заводы. Флот, так же призвав резервистов, проводил большие маневры в районе Южно-Китайского моря.

Лифляндский котел. Польское генерал-губернаторство

После начала наступления русских от батальона Винцера осталось чуть больше роты. Снабжение оказавшихся в котле войск пытались наладить люфтваффе с помощью воздушного моста, но русские регулярно охотились за транспортными самолетами и лишь отдельные счастливицы проскакивали их заслоны. Становилось ясно, что долго окруженные не продержатся. А тут еще в Берлине началась что-то непонятное, связанное с гибелью фюрера. Дравшимся между собой не на жизнь, а на смерть за власть заговорщикам, стало не до войск, тем более таких, которые вместо поддержки сами требуют помощи. Осознав ситуацию, командующий окруженной группировкой генерал Гот приказал прорываться на Запад. Пока русские еще не достаточно укрепили внутреннее кольцо окружения, из котла сумели вырваться посаженные на автомобили и танки, заправленные остатками горючего, небольшие части немецких войск. Среди них оказалась и остатки противотанкового батальона Винцера.

Бруно, оценив обстановку, приказал двигаться проселками, избегая населенных пунктов и местного населения. Это решение спасло батальон и присоединившиеся к нему две пехотные роты. Имея три бензозаправщика, которые они прихватили на разгромленном русскими аэродроме и несколько десятков грузовиков, они сумели проскочить в промежутке между первым и вторым эшелоном наступающих русских войск и, через найденный разрыв в их построении, выйти ночью к своим. Во время марша группа Винцера потеряла несколько машин, разбомбленных и расстрелянных с воздуха русскими штурмовиками, а еще несколько — во время столкновения с отрядом вооруженных польских партизан и во время прорыва через промежуток в русском фронте.

Радостные и довольные солдаты группы Винцера, вышедшие к своим, обнаружили, что на наспах оборудованных позициях оборону держит прибывшая из Бельгии 227 пехотная дивизия. Часть противотанковых рот дивизии была перевооружена вновь поступившими 75 мм противотанковыми орудиями, имелись противотанковые самоходные установки — 47 мм бельгийские легкие установки с незначительным боезапасом и противопульной броней. Минометное вооружение представляло собой набор из бельгийских и французских образцов. На вооружении артиллерийского полка, по словам офицеров, состояли польские, чешские и немецкие гаубицы.

Пехотинцев командир полка сразу же определил в строй, а оставшихся артиллеристов Винцера он направил в штаб дивизии. Небольшая колонна с единственным уцелевшим 5 см орудием отправилась в тыл под прикрытием пары броневику «Пежо» 178. На вопрос Бруно, зачем им еще и броневики, командир полка Отто фон Кнобельсдорф ответил, что впереди наступающих русских войск действуют группы диверсантов. Оказывается в каждой русской армии имелаась специальная рота, предназначенная для разведки и диверсионных действий в тылу противника. Вооруженные автоматическими карабинами, ручными пулеметами, гранатометами, снайперскими винтовками, минами и бесшумным оружием, они наводили авиацию на штабы и склады, минировали дороги, уничтожали небольшие колонны немецких войск. Обычно они действовали в глубоком тылу, но поскольку сейчас все перемешалось, вполне можно было наткнуться на них и вблизи передовой. Поэтому командир дивизии приказал сопровождать все колонны броней, благо в дивизии был целый отряд голландских и французских броневику.

Итак, небольшая колонна, в сопровождении броневику добралась к утру до штаба дивизии, благополучно избежав налетов и русской авиации, и русских диверсантов. Командир дивизии, высокий сухощавый пруссак, генерал принял Винцера радушно и

предложил ему должность заместителя командира противотанкового дивизиона. Генерал заметил, что ему как раз очень не хватает опытных артиллеристов-противотанкистов и прибытие Винцера с пополнением весьма кстати. Дивизион в его дивизии был усилен по опыту войны и включал две роты самоходок — одну 47 мм бельгийских и одну 47 мм на базе Pz-I, две роты 75мм и 47 мм противотанковых орудий и роту 88 мм зениток. Такой пестрый, но мощный состав, заметил генерал, позволит успешно бороться с русскими Т-34. Бруно не стал разубеждать оптимистически настроенного генерала.

После довольно обильного завтрака, показавшегося Бруно и его солдатам после лишений окружения райским, они отправились в расположение штаба противотанкового дивизиона. Дорога проходила через густой лес и несмотря на сопровождение броневика, русские диверсанты все же напали на нее. Подбив идущий впереди броневик из противотанкового гранатомета, они обстреляли сгрудившиеся автомобили из установленных в лесу немецких же пулеметов МГ 34. Как только немцы открыли ответный огонь, они скрылись в чаще, бросив пулеметы. Потери были велики — броневик, несколько сгоревших автомобилей, убитые и раненые. Поймал две пули и Бруно Винцер. И опять война сменилась для него белыми стенами госпиталей, которые к тому же эвакуировались все дальше и дальше на запад. В результате Бруно оказался в Бельгии как раз в тот момент, когда командовавший войсками в Бельгии генерал фон Фалькенгаузен, присоединившись к заговорщикам, объявил о перемирии с англичанами и призвал их «помочь в построении новой, подлинно дружественной Германии, борющейся против мирового коммунизма». По приказу генерала Фалькенгаузена все военнослужащие, находящиеся в Бельгии, сводились в армейскую группу вермахта «Запад». Переброшенные в Бельгию войска армии резерва, выздоравливающие из госпиталей и командированные в Бельгию армейцы также должны были подчиняться командованию армейской группы.

Слышу голос из прекрасного далека... **Июль-август 1941/53 года.**

Франция. Тюйес-ле-Бен — Пор-Вандр — Виши.

Высланное из Виши полпредство (посольство) СССР во Франции обосновалось в небольшом курортном местечке Тюйес-ле-Бен на испанской границе. Живописный ландшафт горной долины, поросшей сосновым лесом, опрятные корпуса водолечебницы, стоящей на берегу бурлящей горной речки, вся феерическая красота этого места отнюдь не успокаивала ни посла Богомолова Александра Федоровича, ни сотрудников посольства. Все они переживали чувства беспокойства и заброшенности. От тяжелых мыслей и неизвестности немного отвлекали только занятия, организованные по решению посла для всех сотрудников посольства, а так же их детей. Сам посол читал лекции по истории и философии. Несмотря на постоянную слежку жандармов и шпиков в штатском, правительство Петена похоже забыло о советском посольстве, даже сопровождающий их протокольник давно уже не получал никаких распоряжений от министерства иностранных дел.

Скудное питание, неизвестное будущее, отсутствие вестей с Родины, не мешало трем сорванцам из посольства, среди которых был и сын посла Сергей, вести себя как всем мальчишкам во все времена — играть в лесу, ездить на велосипедах по городу и берегу реки, купаться и часами следить за форелью, выпрыгивающей из воды.

Конечно, они не были совсем уж беззаботными, но детство есть детство. В то же время они внимательно присматривались ко всему, происходящему вокруг, пытались общаться с местными подростками, узнавать новости. Мешал этому и языковой барьер, и жандармы. Но, несмотря ни на что, мальчишки сумели подружиться со своими сверстниками. Так им удалось первым узнать, что в России происходит что-то странное, а позднее один из живших

в Тюйесе испанцев (бывших республиканцев, бежавших во Францию после победы Франко) сумел незаметно для следящих жандармов рассказать на ломанном русском о крупных победах Красной Армии над немцами. Прибежав к отцу, Сергей рассказал ему эту новость, встреченную всеми с радостью и некоторым недоверием.

Впрочем, косвенное подтверждение этому они получили довольно скоро — появившийся протокольный, полноватый человек с баронским титулом и кислым выражением лица, сообщил послу, что получены новые инструкции и посольство снова переедет в Пор-Вандр. Богомоллов заметил, что трехдневное пребывание в вагонах на станции этого городка отнюдь не самое приятное воспоминание. На это барон де Арк ответил, что приняты все меры и для них уже выделены специальное здание в городе, а для переезда будет прислан специальный состав. Кроме того, в Пор-Вандр ожидается приезд советского дипкурьера, который должен прилететь в Виши на самолете.

Новости были неожиданные, но приятные. Понятно было, что дела немцев очень плохи, раз Петен согласился на прилет советского самолета и перебазировать посольство поближе к своей столице. Правда, не совсем понятно было, неужели для прилета всего лишь курьера наши используют какой-то новейший самолет, способный преодолеть огромные расстояния над захваченной врагом территорией. Значит, случилось что-то действительно важное.

На следующий день на станцию был подан состав из сравнительно новых, сравнительно удобных вагонов так называемого международного класса. Таких вагонов у Виши было очень мало и этот состав, а так же резко изменившееся отношение жандармов еще раз подтвердили полученные новости. В пути предупредительные проводники чуть ли не бегом выполняли любую просьбу, а на одной остановке в вагон посла принесли ворох газет — французских, а так же (о, чудо!) швейцарских и даже несколько более старых американских. Особенно поражали сведения из Германии о гибели Гитлера, крупном наступлении русских и борьбе между различными группировками немецких войск. Чтение газет настолько всех увлекло, что никто и не заметил прибытия в Пор-Вандр. Там их ждало еще несколько сенсационных новостей — ожидавший их специальный представитель министерства иностранных дел сообщил о возвращении их в Виши, а в городе их уже ждал курьер советского министерства. Вскоре подъехал и он с напарником. Вышедший из машины курьер заставил побледнеть и зашептаться почти весь женский состав посольства, да и многих мужчин. Из машины вышел человек, до неприличия похожий на сына посла, повзрослевшего лет на 10–15.

Посол, казавшийся абсолютно спокойным, встретил его у своего вагона. Но и он, как и окружающие его сотрудники, не смог удержать изумленного возгласа, когда курьер представился:

— Богомоллов Сергей Александрович, специальный дипломатический курьер Министерства Иностранных Дел СССР.

Разговор продолжился уже в купе посла, где два Сергея практически неотрывно смотрели друг на друга. Полученные от курьера сведения были настолько фантастическими, а само потрясение от встречи с точной копией сына, повзрослевшего на 12 лет, настолько сильным, что послу пришлось пить успокоительное. Но еще большим потрясением для него было узнать о будущем, которого уже не будет, и о себе самом, занимавшем важный пост в МИДе.

Да уж, дополнительная проверка, проведенная по приказу Берии удалась на славу...

Прибыв в Виши, посольство СССР разместилось уже не в маленьком, еле вмещавшем, все кабинеты здания (из-за чего прежде совещания часто приходилось проводить на квартире посла), а в специально освобожденном для них комплексе одного из санаториев. По всему было видно, что Петен и его окружение, просчитав все возможные варианты, решили сделать ставку на немецких сторонников восточного направления и СССР. Первые же встречи с новым министром иностранных дел Виши генералом Антуаном Бетуаром, сменившим адмирала Дарлана, полностью подтвердили эти догадки. Он сказал, что в

правительство приглашен Жорж Бидо, популярный французский левокатолический политик, после освобождения из плена проживавший на оккупированной территории, а также знаменитый журналист д» Астьер де ла Вижери. Оба они были известны послу, как противники мира с Германией.

Еще одним потрясением для посла и его сопровождающих стал огромный четырехмоторный самолет Ту-70, с трудом размещенный на считавшемся первоклассным военном аэродроме неподалеку от Тулона. Богомоллов поехал туда, чтобы проводить улетающих в Советский Союз курьеров, везущих ответ посла, часть персонала посольства и всех детей. Кроме советских граждан, с этим же самолетом улетали трое поляков — коминтерновцев, пожилая пара и молодой человек, которых посол сумел при отъезде из Виши внести в списки сотрудников посольства.

В послании, отправленном А. Богомолловым на Родину, сообщалось, что правительство Виши, напуганное изменениями обстановки в мире, отнюдь не горит желанием восстанавливать отношения с англичанами, помня об операции Катапульта. Конечно, вишисты предпочли бы сговориться с САСШ, но они великолепно понимают, что американцы ничем им помочь не успеют. К тому же, практически очевидная победа просоветских сил в Германии, с которой вишисты наиболее сильно связаны, также подталкивает их в этом направлении. Исходя из анализа обстановки во Франции и мире, а также полученных инструкций, посольство СССР во Франции будет оказывать влияние на правительство Виши с целью создания на его базе правительства народного фронта, с удалением наиболее реакционных элементов и постепенной замене их прогрессивными силами.

Берлин. Дом генерала Паулюса — Принц Альбрехт Штрассе, 8.

Первый обер-квартирмейстер Генерального штаба генерал-лейтенант Паулюс, только что приехавший домой службы и планировавший немного отдохнуть вместе с семьей, был раздосадован раздавшимся в прихожей звонком. Горничная, отправившаяся открывать дверь, что-то задерживалась и Паулюс, раздраженно ворча, стал подниматься сам. В этот момент в кабинет ворвались несколько эсэсовцев с пистолетами и автоматами наизготовку. Вслед за ними вошел оберштурмбанфюрер СС.

— Генерал Паулюс? Согласно распоряжения бригаденфюрера Шелленберга вы арестованы за сотрудничество с коммунистами и пораженческие настроения. Вот ордер, — сказал он, даже не представившись.

«Что!! Какое сотрудничество, что за выдумки!» — крикнул Паулюс, попытавшись подойти к телефону. Однако эсэсовцы были настороже и схватили его раньше. Практически не сопротивлявшегося генерала на глазах у заплаканной жены вывели из дома и усадив в одну из прибывших машин увезли на Принц Альбрехт Штрассе.

Там генерала ждала камера в повале и долгие предолгие допросы у следователя. На них Паулюс узнал, что он оказывается выступает по большевистскому радио из Москвы, рассказывая о поражении Германии в войне с Россией, о полном разгроме вермахта, об установлении в Германии социалистического строя и о хорошем отношении русских к пленным, чему он якобы является наглядным примером. На все возражения, что он никак не может оказаться в России и это какая-то провокация русских, следователь либо смеялся, либо грязно ругался. Правда, санкции на третью степень допроса у него похоже не было и никаких пыток к Паулюсу не применяли. Но чувствовалось по поведению следователя, что такие меры уже на подходе.

А однажды, следователь еще раз получив в ответ на все вопросы очередную порцию заверений в полной невиновности, вызвал кого-то из коридора. В кабинет втолкнули страшно изуродованного человека. Следователь объяснил, что это — матрос из экипажа судна «Ганс Вольф», коммунист, свидетель по его делу. Обреченно глядя на Паулюса,

человек, кривясь от боли и пришепetyвая из-за выбитых зубов рассказал, что попав в плен к русским генерал-фельдмаршал Паулюс стал сотрудничать с ними и комитетом освобождения Германии, а так же преподавать в русской академии Генштаба

Паулюс попытался возразить, но следователь, приказал увести свидетеля, и, повернувшись к Паулюсу заорал:

«Ты, свинская собака! Не виноват, да?! Ты и такие как ты ухитрились проиграть войну, предать Германию и фюрера, перейти на сторону врага! Ты сдал русским под Сталинградом трехсоттысячную армию и вместо того, чтобы застрелиться, трусливо сдался сам. Пусть этого еще не произошло, но нам уже известна твоя гнилая требуха! Не может быть, чтобы такое произошло внезапно. Наверняка с тобой связаны еще многие предатели! И ты о них нам выложишь всё! Или добровольно или после обработки как и этот «герой». А иначе мы не только изуродуем и расстреляем тебя, но и отправим в концлагерь всю твою семью! Ты...еврей затаившийся! Понял или нет!» — затем следователь вызвал конвой и приказал увести Паулюса в камеру, добавив что даст ему подумать несколько дней.

Видимо у следователя было множество иных дел, потому что несколько дней растянулись надолго. И это стало спасением для Паулюса, хотя он, сидя на нарах и переживая за семью, об этом еще не знал. Время тянулось медленно — медленно, разбиваемое на части только подъемом-завтраком-обедом-ужином-отбоем. Кормили отвратительно, но терзаемый кошмарными мыслями Паулюс почти не замечал, что он ест и мало спал, ворочаясь по полночи.

Все переменялось одним прекрасным вечером. У дверей камеры слышались звонкие шаги подбитых гвоздями армейских сапог и в открытую дверь камеры вошли двое старых знакомых — генерал Фромм и майор Отто Ремер в сопровождении нескольких солдат, вооруженных чешскими винтовками. Генерал Фромм рассказал Паулюсу последние новости об убийстве Гитлера, о раздорах среди заговорщиков и создании в Берлине правительства национального спасения во главе с президентом Беком и канцлером Лебером. Это правительство объявило амнистию всем левым партиям, а так же призвало к сотрудничеству всех «настоящих национал-социалистов, не забывших, что вторым в названии партии стоит слово социализм». Одновременно ими были опубликованы несколько брошюр, в которых доказывалась социалистическая направленность как самой партии, так и раннего Гитлера и признавалось что его обманули ближайшие соратники. Этот гениальный ход позволил «левым» не только захватить власть в Берлине, но и получить поддержку большинства армии и чиновников. Гиммлер, сохранивший верность старым принципам и его «правительство» держались пока в Мюнхене, а сторонники союза с Британией — в Бельгии и частично в генерал-губернаторстве, Греции и Югославии. Но в трех последних местах они были заняты выживанием, борясь против Советской Армии и местных партизан. Правда ходили слухи, что англичане все же высадили в Греции какие-то войска, но вряд ли многочисленные, так как итальянцы пока на мирные переговоры не соглашались.

Северо-Американские Соединенные Штаты. Нью-Йорк.

Сэм Браун, клерк «Бэнк оф Нью-Йорк», хороший специалист и семьянин, высоко ценимый начальством, имел только одну слабость, которая не нравилась, однако лишь его жене. Нет, он не был не бабником и не пьянствовал в свободное время. Он был радиолюбителем. На мансарде его дома была оборудована радиостанция, которой могли позавидовать самые продвинутые радиолюбители того времени. А его гордостью были подтвержденные связи с экспедицией Папанина, радиолюбителями в Австралии и особенно, с радиостанцией в русском городке на Волге, с почти непроизносимым названием Чебоксары. Для патриотов столицы республики Чувашия сообщая, что развитие Чебоксар началось лишь во время войны, после эвакуации в него нескольких заводов. До войны же, это была маленькая полудеревня, которую часто сравнивали с Кушкой. Так что такой сеанс

радиосвязи был экзотикой похлеще связи с радиостанцией в джунглях Африки. Его старинный друг и соперник по этому хобби, Лайонель Крэбс из Чикаго, завидовал Сэму черной завистью, но никак не мог добиться подобного.

Но с 22 июня связь с радиолюбителями в России стала весьма затруднительной. Похоже, что после нападения немцев, им запретило выходить в эфир их политическая полиция, как ее, гепеу, кажется. А связь с Чебоксарами всегда была неустойчивой, потому, что у тамошнего радиолюбителя был очень слабый передатчик. Но в одну прекрасную ночь, когда проходимость радиоволн была великолепной и Сэму удалось связаться с Веллингтоном, неожиданно в несколько ином диапазоне он поймал сильный и устойчивый сигнал с знакомыми позывными. Это был старый знакомец из Чебоксар. Небольшой сеанс, разговор ни о чем... И только его окончание заставило Сэма вновь связываться с корреспондентом. Отмечая время разговора, тот поставил несуществующую дату в 1953 году! Дальнейший разговор походил на театр абсурда. Оказывается в России была весна 1953 года, умер их вождь Сталин и они были очень удивлены новым нападением немцев разбитых союзниками — СССР, США и Англией в 1945 году.

Не удержавшись, Сэм поделился свалившейся на него сенсацией с Лайонелем. Он же не знал, что тот был одним из пишущих редакторов «Чикаго Трибюн» и очень интересовался неподтвержденными сообщениями о прибытии американских кораблей из СССР 1953 года...

На следующий день газета «Чикаго Трибюн» вышла с сенсационными заголовками на первой странице:

«СССР перебрало к нам из будущего. Божья воля или дьявольский расчет?»

«Что скрывает Рузвельт?»

«Почему общественность ничего не знает о судьбе экипажа «Валгаллы»?».

Газета расходилась «на ура» и к полудню пришлось допечатывать дополнительный тираж.

Возможно, ФБР удалось бы вовремя пресечь утечку информации, но как впоследствии докладывал Гувер президенту, совпало сразу несколько взаимосвязанных причин. Начальник отделения и его заместитель были в разъездах, а офицера, имевшего допуск к теме темпорального переноса, неожиданно положили в больницу с приступом аппендицита.

Так что газета разошлась беспрепятственно, вызвав море откликов, в том числе и по радио. Сенсационная новость разошлась по всей стране, оттеснив на время все остальные. Но и команда Рузвельта сумела воспользоваться вроде бы неудобным для нее обстоятельством, организовав сброс информации о переносе, будущей конфронтации с СССР и предотвратив возможности утечки информации о возможной войне с Японией.

В результате поправка к закону о ленд-лизе, распространяющая его действие на Японию, прошла через палату представителей и сенат большинством голосов. Ее поддерживали и сторонники, и противники президента, объединенные ненавистью к проклятым русским большевикам, которым оказывается Америка помогала в войне с немцами и которые после победы, предрешенной высадкой англо-американцев в Европе, так неблагодарно выступили против своих союзников.

Расследование же обстоятельств, вызвавших утечку информации привело к принятию закона о контроле за радиостанциями и другими средствами связи, потенциально способными использоваться в шпионских целях. Так что радиостанции мистеров Сэма Брауна и Лайонелла Крэбса в числе других были опечатаны, из них были изъяты лампы выходного каскада усилителя и теперь ни один из них не мог уже предаваться своему опасному для будущего Америки занятию.

Интерлюдия.

Да, это была сенсация из сенсаций, на время оттеснившая с передовиц газет даже новости о вспыхнувшей второй русско-японской войне и о положении на русско-германском

фронте. Очередной выкинутый русскими фортель поистине не лез ни в какие ворота. Суметь перенестись всей страной из будущего прямо в день начала войны, да еще и обмануть при этом почти весь мир. Да, поистине на это способен либо бог, либо его извечный антагонист. Такое потрясение не выдержали многие человеческие умы, особенно из числа глубоко религиозных.

В Калифорнии (САСШ) некий Иеремия Джозеф Мэйдмен стал называть себя Джозефом Стиллманом и объявил, что ему открылась истина: Ленин и Сталин суть новые воплощения Мессии, а коммунисты строят царство божие на Земле. Все же непокорные и неверившие будут стерты с лица земли оружием, способным уничтожать миллионы и разрушать города. Первоначальный снисходительный тон сообщений о новоявленном пророке быстро сменился на нейтрально-уважительный, а число приверженцев новой секты стало исчисляться сотнями тысяч как в США, так в других странах после сообщений о применении русскими сверхмощных бомб, уничтоживших немецкие войска на балтийском острове и японский десант на Курилах. Новая церковь получила название Адептус Коммунизмус.

Исчадиями ада и пособниками Сатаны объявила всех русских, попушением божьим и вмешательством темных сил перенесенных из будущего, церковь адвентистов седьмого дня. В некоторых городах САСШ полиции пришлось разгонять многолюдные драки между адвентистами и сторонниками Адептус Коммунизмус.

На этом фоне почти незамеченными прошли сообщения о мирных советско-германских переговорах и о заключении перемирия на Дальнем Востоке. Впрочем, несмотря на переговоры, русские продолжали продвигаться по Европе и лишь англичане в попытке спасти все что можно высадили войска в Бельгии, Норвегии и Греции.

Муссолини в одной из своих очередных исторических речей заявил, что между итальянским фашизмом и русским коммунизмом нет непримиримых противоречий. Он подчеркнул, что Италия в 30-х годах плодотворно сотрудничала с большевистской Россией и никакие идеологические противоречия им не препятствовали.

Папа Римский пока хранил молчание, но представитель римской курии при итальянском правительстве кардинал Споллето неофициально заявил, что курия не находит в данном явлении ни дьявольского, ни божественного вмешательства. Это просто природное явление, отметил кардинал, разговаривая с корреспондентами газет «Оссерваторе Романо» и «Нью-Йорк Таймс».

Польша. Полевой аэродром 927-го истребительного полка.

Наступление Советской Армии продолжалось и 927 истребительный перелетел вслед за наступающими войсками на новый аэродром.

Несколько раньше на этот же аэродром был переброшен 126 истребительный полк на самолетах И-16 из Белостокского выступа. Эти практически безнадежно устаревшие истребители использовались как штурмовики и легкие бомбардировщики. Благо часть из них была вооружена 20 мм пушками, а в подготовку истребителей Советских ВВС всегда входило и обучение атакам наземных целей. Впрочем, часто эти машины использовались и в качестве приманки для уцелевших истребителей люфтваффе. При этом И-16 сковывали Мессеров боем, а реактивные МиГи атаковали их с пикирования. Жаль, что такие возможности были все более и более редкими — после выхода из войны Румынии и разгрома основных сил люфтваффе в приграничных сражениях немецкие истребители были в воздухе не меньшей редкостью, чем бабочки в начале весны. Да и И-16-х осталось не так много — для вооружения одного полка по полному штату пришлось собирать машины со всей 9-й смешанной авиадивизии.

Эти мысли, кружившие в голове Петра Логичева, совсем не мешали ему проделывать привычную, выполняемую на рефлекс, работу при посадке МиГа. Правда, садиться в этот

раз приходилось не на привычный бетон, а на выложенную БАО¹⁵ взлетно-посадочную полосу из железных плит. Но погода стояла холодная и сухая, поэтому плиты лежали прочно и никаких осложнений при посадке не возникло.

К зарулившим на стоянку МиГам уже сбегались летчики и техники 126 истребительного полка. Конечно, они уже видели эти серебристые скоростные машины в воздухе, а некоторые и на земле. Но какой же авиатор откажется от удовольствия посмотреть, а то и потрогать новый, невиданный ранее самолет. Тем более такой, для людей сорок первого года представлявший не меньшую фантастику, чем приземлившаяся на аэродроме 21 века летающая тарелка.

И вот когда уже большинство летчиков приземлившихся МиГов покинули свои машины, один из летчиков из 126 полка вдруг бросился к командиру 2-й эскадрильи с криком:

— Колька, ты?!! — А тот, побледнев, смотрел на подбегавшего, как на привидение. — Колька, Колька, вырос, чертяка! — обнимая все еще не пришедшего в себя капитана Буланова, приговаривал летчик из сорок первого.

— Михаил, ты... вот встреча! — наконец смог выговорить Буланов.

Из последующего разговора выяснилось, что в этот летчик — старший брат Николая Буланова, пропавший без вести в прошлом 1941 году. Вечером по этому поводу командиры 927 и 126 полков устроили совместный праздничный ужин всего личного состава, за исключением летчиков и техников дежурных эскадрилий.

А через две недели в квартиру Булановых в старинном русском городе Вологда пришло сразу два письма. Поседевшая и постаревшая Надежда Ивановна Буланова наконец-то дождалась долгожданного письма от своего первенца. В глубине души, несмотря ни на что, она ждала от него весточки, не веря в его гибель. Дождалась и радость со слезами пополам поселилась в еще одной семье. Много таких семей было по Союзу. И много было таких, горе которых стало еще глубже. Ибо стало понятно, что своих потерявшихся в войну им уже не увидеть. А война шла снова, требуя новых и новых жертв...

Теперь два полка взаимодействовали не просто как две части одной армии, а как два побратима. Командование же, словно поняв эту истину, почти постоянно использовало их совместно. И летели наземь пытавшиеся сопротивляться фашисты от напора дружбы и огня. А Петр Логичев подружился со своим ровесником из сорок первого — командиром звена лейтенантом Муравьевым. Молодой, но уже седой, лейтенант, как и Логичев, имел в жизни только одну главную страсть — полеты. Он, спокойный и даже несколько заторможенный на земле, в небе преображался, принимая мгновенные решения. Ювелирный пилотаж, великолепное знание самолета и отличная реакция помогли ему выжить в первых боях. И теперь он считался, как и Петр, одним из лучших летчиков полка.

Польская Народная Республика. Краков

Освобожденный советскими войсками Краков ликовал. С восторгом, хотя и настороженно, встречали поляки русские войска. А при известии о решении открыть в мало пострадавшем замке Вавель съезд всех польских политических сил для организации правительства освобожденной Польши, восторг перешел в ликование. Жаль конечно, что Варшаву пока освободить не удалось, но зато жителям древней столицы Польши было приятно возвращение ей, пусть и не надолго, прежнего статуса. Несколько недель ушло на согласование организационных вопросов, сбор делегатов и перелет представителей лондонского правительства в изгнании. К началу съезда русские преподнесли сюрприз, доставив из Москвы нескольких сотрудников посольства Польской Народной Республики.

¹⁵ БАО — батальон аэродромного обслуживания. ВПП — взлетно-посадочная полоса.

Собравшиеся на заседание съезда представители польских антифашистских сил были в приподнято-изумленном настроении, разглядывая представителей польского посольства из Москвы и нескольких коммунистов-подпольщиков, похожих друг на друга, как две капли воды. Правда, прибывшие из Москвы товарищи были старше своих дублей на двенадцать лет, но тяжелые условия жизни как известно отнюдь не омолаживают, а наоборот внешне старят человека. Так что и подпольщики, и поляки пятьдесят третьего выглядели абсолютно похожими.

У некоторых делегатов заседания, настроенных отнюдь не прокоммунистически, мелькали при этом и другие мысли. Слишком уж явным было сходство и слишком большое преимущество оно давало созданной недавно коммунистической Польской Объединенной Рабочей Партии. Все предложения по организации власти, по составу правительства, по конституции освобожденной Польши и даже предложенное ими название — Польская Народная Республика — проходили «на ура». Большинство делегатов считало, что раз эти люди действительно прибыли из будущего, то они уже знают наилучшие решения вопросов для блага польского народа. Ведь они то уже пережили все эти события — и поражение в войне с Германией и освобождение Польши русскими, и послевоенное восстановление. Конечно, представители из Лондона и многие АКовцы были отнюдь не в восторге, но часто были вынуждены идти вслед за большинством. А большинство с восторгом внимало каждому слову «гостей из будущего».

Нет, этот съезд был разыгран русскими как по нотам. И это отнюдь не прибавляло радости представителю Коммунистической партии и Советского правительства на съезде товарищу Хрущеву. Он великолепно понимал, что этот успех, полученный в результате предложений Берии и вопреки его и Булганина предложениям о созыве чисто коммунистического съезда, работает на авторитет Лаврентия Павловича. Осознание этого еще больше злило Никиту Сергеевича, чувствовавшего как, словно вода сквозь пальцы, утекает из его рук власть. Все, что он делал для продвижения к заветной цели, уничтожалось какой-то неведомой силой. Все его предложения казалось бы логичные и направленные не только на повышение его авторитета, но и на усиление роли партии, на построение настоящего коммунистического общества, опирающееся на незыблемый авторитет классиков марксизма, не принимались товарищами или проваливались при выполнении. А все, что выдумывал этот обер-палач, этот паршивый интеллигент в пенсне, проходило без сучка и задоринки. Поэтому власть, та власть, которую Хрущев уже видел своей, понемногу ускользала. А ведь поначалу все было так хорошо. Как и Сталин когда-то, Никита Сергеевич занял вроде бы незначительную, такую техническую должность — секретаря ЦК КПСС. Но ведь она давала множество невидимых остальным рычагов влияния, самое главное — на подбор и расстановку кадров. А этот змей ухитрился вырвать из рук самый важный инструмент воздействия — под предлогом войны и Катаклизма назначением на должности стали заниматься ГКО и Совет Министров, а ЦК лишь подтверждал их выбор задним числом. Тем временем Лаврентий договорился до того, что вообще предложил оставить за партией только идеологическое воспитание. Нет, он точно не коммунист и даже не марксист...

Мрачные мысли Никиты Сергеевича, несостоявшегося Генерального и «кукурузника», прервал гром аплодисментов. Так делегаты отреагировали на оглашение результатов голосования по составу переходного правительства ПНР. Большую часть постов в нем заняли члены ПОРП и их союзники. Правда попал в правительство и Миколайчик, и даже Бур-Коморовский. Вот это уже Хрущеву понравилось, так как давало повод для критики предложений обер-палача, как ведущих к захвату власти в Польше контрреволюционными силами. Конечно, аргумент был слабый, все главные посты в правительстве достались коммунистам, но все же с паршивой собаки хоть шерсти клок.

Через несколько дней, после завершения съезда для высокого гостя из Москвы устроили экскурсию по Кракову. Сопровождавший Хрущева в качестве гида переводчик польского посольства Марек Бжезский не столько рассказывал о различных

достопримечательностях, сколько удивлялся небольшим разрушениям в городе по сравнению с тем, что запомнились ему. Впрочем, Хрущев, сохраняя приветливый вид, практически и не слушал добровольного гида, погруженный в свои расчеты.

Вечером, на устроенном в честь окончания съезда банкете Никита Сергеевич попытался прощупать отношение к возможной смене Берии. И к своему недовольству, узнал, что поляки в восторге от придуманного Берией хода с включением АКовцев и лондонской делегатуры в правительство. Ведь таким путем нейтрализовалось сопротивление отрядов АК, которые в прошлой жизни попортили немало крови правительству ПОРП.

В общем, несмотря на успешное завершение миссии, улетал Никита Сергеевич из Кракова в очень скверном настроении.

Москва. Кремль. Зал заседаний ГКО

Назначенное на этот день заседание ГКО должно было решить ряд технических вопросов. Планировалось обсудить протокол завершения испытаний «Системы-25» и принятие ее на вооружение, заслушать министра авиационной промышленности о ходе развертывания производства самолетов Ту-85 и самого главного конструктора — о работах по доводке самолетов Ту-16 и Ту-95. Кроме того, должны были обсуждаться программы создания бронетанкового и артиллерийского вооружения. К началу заседания все были извещены, что дополнительно будут рассмотрены работы по проектам СКБ Королева. Конечно, все эти вопросы были важными, но так сказать текущими и поэтому большое удивление вызвало приглашение на него всех членов Политбюро.

Будничное начало и медленное, обстоятельное обсуждение положения дел с испытаниями зенитно-ракетного комплекса С-25, в артиллерийской, танкостроительной и авиационной промышленности сменились неожиданно бурными дебатами о перспективах развития ракетной техники. Каганович и Булганин после доклада Королева выступили с предложениями о закрытии этих проектов, как требующих слишком больших ресурсов при недостаточно понятных результатах. Как заявил Каганович, при сложившемся превосходстве СССР нет необходимости в сомнительных экспериментах. Достаточно увеличить производство существующих вооружений и не позволить вероятным противникам развивать свои. Булганин же отметил, что превосходство СССР в авиационной технике настолько велико, что нет необходимости тратить деньги на непонятные ракетные проекты. Надо просто перебросить сэкономленные на средства на увеличение производства реактивных стратегических бомбардировщиков. Это по опыту *былых* сороковых — начала пятидесятых годов вместе с превосходством в сухопутных войсках позволит достичь необходимой степени безопасности СССР от внешних угроз.

С возражениями выступили Хрущев и Берия. Первый заметил, что опыт Великой Отечественной войны показывает, что ракеты являются абсолютно неуязвимым оружием, необходимым для оснащения вооруженных сил. Берия же начал свои возражения с того, что без развития ракетной техники невозможно освоение космоса, которое в перспективе имеет большое военное, народно-хозяйственное и научное значение. Тут уже на него обрушились сразу трое: Хрущев, Булганин и Каганович. Все они считали, что непредсказуемые будущие перспективы освоения космоса не оправдывают крупных расходов, которые страна должна нести сейчас, в период новой войны.

Маленков, кажется, начал уже склоняться на сторону этой тройки и даже предложил Берии поставить на голосование два возможных решения — либо о полном прекращении финансирования разработок ракетной техники, либо о завершении разработки ракет Р-5 с дальнейшим прекращением финансирования разработок ракет.

И тут Лаврентий Павлович бросил в бой тяжелую артиллерию. Он напомнил, что создание перспективной тяжелой ракеты — это в первую очередь возможность нанесения внезапных неотразимых ударов спецбоеприпасами по вероятному противнику практически в

любой точке Земли. Кроме того, Берия вызвал Королева и задал ему несколько вопросов о возможностях перспективной ракетной и космической техники. Королев заметил, что после незначительной доработки ракеты возможен запуск на околоземную орбиту обитаемой космической орбитальной станции. А с ее помощью — проведение разведки, в том числе фотографической из космоса и точного сброса с орбиты спецбоеприпасов. И ответы Генерального Конструктора перевесили все доводы оппонентов. Возможность разведки и нанесения ударов по любой территории на Земле из космоса стала решающим аргументом в пользу выделения дополнительных средств на ракетную программу.

После окончания заседания ГКО в зале остались только члены Политбюро. Председательствующий на нем секретарь ЦК Хрущев объявил, что, по мнению некоторых товарищей необходимо решить два вопроса: о повышении роли КПСС и о возможности объединения должностей Председателя Совмина и Председателя ГКО.

По первому вопросу слово взял Булганин. Он отметил, что последнее время с легкой руки некоторых товарищей заметно снизилась организующая и направляющая роль коммунистической партии. Это недопустимо, особенно в условиях после Катаклизма. Именно партийное руководство стало фундаментом всех побед Советского государства и народа, в том числе и в Великой Отечественной войне. Поэтому ослабление роли партии, особенно в деле подбора и расстановки кадров — недопустимо. Необходимо восстановить в полном объеме действие положение о номенклатуре ЦК и ввести в изменения в конституцию, законодательно подтвердив руководящую роль КПСС.

Похоже, что заседание было хорошо подготовлено, потому что сразу после выступления Булганина с его полной поддержкой выступили Каганович, Ворошилов, Хрущев и Суслов. Казалось бы, положительное решение вопроса было у закулисы в кармане. Но неожиданно против выступил Молотов. Он заметил, что никто не отрицает решающей роли КПСС в руководстве Советским Союзом. Но никакой необходимости закреплять этого законодательно он не видит. По его мнению, вместо непосредственного управления, которым занимается Правительство и, в военное время, ГКО, партии необходимо сосредоточиться на идеологическом воспитании, на мобилизации нравственных сил советского народа на решении стоящих перед страной трудных проблем. Молотова поддержали Берия, Маленков и внезапно передумавший Ворошилов. В результате было решено, что КПСС будет заниматься только идеологией и контролем за работой партийцев в государственном аппарате (как полушутя, полусерьезно сказал Берия, чтобы не занимались приписками).

Второй вопрос занял еще меньше времени — против слияния постов выступили почти все. При этом Микоян заметил, что раз при нынешнем положении вещей все идет нормально, то незачем затевать никаких реорганизаций.

Разъехались члены Бюро после заседания поздно. И опять Хрущев уехал в одной машине с Булганиным. Но теперь вместе с ними уехал Маленков. Несмотря на всю скрытность опытного аппаратчика, можно было заметить, что принятое решение второго вопроса было ему не по душе.

Германия. Берлин СССР. Москва

Настроение берлинцев, живущих в полуокруженном русскими городе, было ничуть не лучше настроения упомянутого высшего партдеятеля. Несмотря на активно идущие в Стокгольме переговоры, русские продолжали продвигаться на Запад. Бронетанковые клинья русских давно уже вошли в Германию как нож в масло, а теперь к ним добавились и выбрасываемые с неба десанты. Территория Европы напоминала слоеный пирог из русских, немецких, польских, французских, английских и прочих войск. По последним полученным сведениям, русским уже сдались Румыния и Болгария. Еще сильно пугали обывателей отряды вервольфа — объединившиеся СС-овцы, чины армии и люфтваффе, которые

боролись с новыми властями, стремясь восстановить старый порядок, попутно грабя добропорядочных бюргеров.

Справедливости ради надо заметить, что подобные настроения разделялись далеко не всеми. Уцелевшие коммунисты и социал-демократы были в куда лучшем настроении, хотя и у них полной уверенности в благоприятном ходе дел не было. Все великолепно помнили события 30-х г.г. и не могли предсказать — не повторят ли русские все, что проделали в своей стране, и в Германии. Но эти вопросы обычно всплывали только во время, свободное от забот, а уж последних у всех было выше крыши. Вот и сейчас минуты отдыха для рядового Отто Гронера из первой роты батальона майора Ремера, охранявшей аэропорт Темпельгоф, были безжалостно прерваны сигналом тревоги. Солдаты дежурного взвода лейтенанта Шмундта вместе с легким пулеметным броневиком были брошены на прочесывание близлежащего леса, в котором были замечены неизвестные вооруженные лица. Тем, кто смотрит на немецкий лес со стороны, кажется, что он полностью просматривается от опушки до опушки. Но, несмотря на несхожесть с тайгой или джунглями, это тоже лес и в нем всегда можно укрыться или найти место для засады. Вот в такую засаду и попал взвод Шмундта. Грамотно организованная засада и дисциплина огня показывали наличие в составе банды опытных солдат, возможно фронтовиков. Против них в бой вступил взвод, принадлежащий к армии резерва и состоявший из призывников и всего лишь нескольких фронтовиков, попавших в него после госпиталя. Поэтому бой начался для них неблагоприятно. Пропустив броневик, вервольфовцы выстрелили ему в корму из винтовочного гранатомета. 30 мм противотанковая кумулятивная граната большой мощности огненной струей легко пробилла противопульную броню, тело одного из членов экипажа и двигатель. Раздался громкий взрыв и веселый треск горящего бензина, заглушивший крик стрелка, не успевшего покинуть машину. Явно это были не простые бандиты, ведь выпуск таких гранат только начинался и даже фронтовики их еще не получали.

Потеряв броневик и несколько человек, Шмундт запросил по рации подкрепление, одновременно развертывая взвод и пытаясь охватить засаду с флангов. Второе отделение он оставил на месте и приказал связать заднюю часть огня и имитацией атаки в лоб. Прикрывая друг друга огнем винтовок и пулемета, солдаты пытались продвигаться по подлеску. Но сильный и меткий огонь противника быстро заставил их залечь. Не повезло при этом и Отто Гронеру. Он успел почувствовать сильную и резкую боль в груди, словно что пыталось вырваться из тела наружу, увидел вдруг наклонившееся небо, рассеченное ветками деревьев и его затопила все поглощающая темнота...

Шифровальщик представительства Восточной Оккупационной Зоны Германии, член СЕПГ с 1946 года, Отто Гронер с утра чувствовал непонятное недомогание. Время от времени кружилась голова, перед глазами вставали лица его друзей по армии резерва, о которых он раньше почти не вспоминал. Порой ему казалось, что его руки сжимают старый, испытанный карабин, прошедший с ним всю войну. Осмотревший его доктор представительства нашел только повышенное давление, но на всякий случай посоветовал прилечь и дал выпить какой-то резко пахнущей настойки. После нее Отто стало лучше, но все равно временами появлялись прежние непонятные ощущения.

Вдруг он вскочил с кровати, напугав сидящую рядом медсестру. Перед его глазами стояла четкая картина чистенького, явно немецкого леса, горящего на дороге броневика и бегущих рядом с ним солдат в форме вермахта с одноглавым орлом со свастикой в лапах на груди. Кто-то командовал, но слов Отто практически не слышал. Прибежавшие по вызову доктор, шофер вместе с медсестрой пытались успокоить находящегося явно не в себе Гронера, порывающегося куда-то бежать и в бреду кричащего о бое. Отто никак не успокаивался, но вдруг резко обмяк, схватившись за грудь, и потерял сознание. Очнулся он уже в приемном покое больницы Склифосовского, чувствуя себя абсолютно здоровым, и даже собирался уйти. Попытавшимся его остановить русским медсестрам он по-немецки пытался объяснить, что здоров. Появившийся немецкий доктор разрешил недоразумение, но

Гронеру все равно пришлось пройти полное обследование, занявшее весь остаток дня и еще следующий. Несмотря на то, что ничего обнаружено не было, доктор продолжал регулярно проверять состояние Отто еще целую неделю.

Польша. Полевой аэродром 927-го истребительного полка СССР г. Липецк. Центр переучивания

Петр Логичев прощался со своим другом лейтенантом Муравьевым, как и весь 927-й полк — с друзьями из 126-го полка. 126-й полк по приказу министра Василевского выводился из Польши и, после передислокации в Белоруссию, переформировывался в штурмовой. Часть же летчиков, среди них и Муравьев, подавших рапорта и подходящих по здоровью для реактивной авиации, улетала переучиваться на реактивные истребители.

Прощание происходило в столовой, где собрались весь личный состав полка, за исключением дежурного звена. Веселье продолжалось допоздна, но на утро истребители 927-го были как всегда готовы к полетам. И боевая тревога не заставила себя ждать. На перехват появившихся в воздухе немецких самолетов вылетела пара Петра Логичева, с утра заступившая на боевое дежурство.

Набрав высоту и выйдя на цель, Логичев от изумления даже выругался. Навстречу МиГам его пары летели незнакомые двухмоторные реактивные самолеты¹⁶, судя по размерам и небольшой кабине — истребители. Восемь самолетов шли на высоте 6000 метров, строем клина. Подвесок на них не было, так что вероятнее всего летели они на разведку или свободную охоту.

Заметив русские самолеты, немцы попытались перестроиться. Практически сразу у пары самолетов отказали двигатели. Выбросив черные выхлопы, двигатели одного из самолетов встали и, кажется, совсем не собирались запускаться вновь, судя по тому, что самолет резко снижался, не пытаясь маневрировать. На втором самолете вдруг вспыхнул двигатель на правой консоли крыла и пилот резко бросил самолет в пики, видимо надеясь сбить пламя. Остальные самолеты расходились двумя группами, форсируя моторы в стремлении набрать высоту и скорость. Похоже, они собирались попробовать взять пару Логичева в клещи. Но скороподъемность немецких самолетов была на глаз вдвое ниже МиГа. Поэтому МиГи Логичева и напарника на максимальном режиме двигателя, в наборе высоты, снизу вверх прорвали строй звена из четырех немцев, обстреляв их короткими очередями пушек. Один самолет, получив повреждения, задымил и, беспорядочно кувыряясь, устремился к земле. Второму достался, по-видимому, 37 мм снаряд, мгновенно превративший его в облако раскаленных осколков. Пара оставшихся самолетов резко вильнула в сторону и еще у одного, кажется, отказал двигатель — он начал снижаться и пилот выбросился из него с парашютом.

Логичев с напарником боевым разворотом устремились ко второй паре немцев, но опоздали. Их уже атаквала вторая пара дежурного звена. Еще один немец резко просел, выбросил пламя и из него вывалился пилот. Увы, спастись ему было не суждено — раскрывшийся было парашют мгновенно вспыхнул.

Зажав оставшийся самолет и диктуя ему направление трассами очередей, дежурное звено повело неизвестный реактивный истребитель немцев на аэродром. При посадке и у этого самолета отказал левый двигатель, самолет вынесло вбок от полосы. Хорошо, что везение этого пилота пока не кончилось — самолет попал в противопожарную канаву, сломал шасси, но не загорелся. Приземляясь, Логичев видел, как со всего аэродрома к

¹⁶ «Хейнкель» Хе280 — опытный реактивный истребитель Хейнкеля. Первый полет совершил в апреле 1941 г. Отсутствие в то время в Германии возможностей выпуска надежного двигателя не позволило довести самолет до серии. Разумеется, автор понимает, что вряд ли могла сложиться ситуация, когда в бой бросили бы опытные машины, к тому же к июню их построили всего 3, а 6 было в постройке. Но ради обострения сюжета...

севшему немцу бегут технари и солдаты роты охраны.

Позднее командир полка довел, что посаженный немецкий самолет — опытный реактивный истребитель Хейнкеля Хе-280. Оказывается такой самолет взлетел в Германии еще в апреле 41-го и только ненадежность двигателей помешала немцам запустить его в производство. Про ненадежность его движков Логичев мог многое сказать по личным наблюдениям, но то насколько, оказывается, немцы обгоняли Советский Союз в сороковых годах, его здорово потрясло.

А победу Петру так и не засчитали. Сбитый самолет упал на нашей территории, однако он оказался снят на ФКП ведомого, который и получил эту победу. Второй же, взорвавшийся, в снимок не попал и засчитан Логичеву не был.

Впрочем, долго переживать по этому поводу ему не пришлось, через неделю он рассчитывался с полком и прощался с друзьями, получив назначение в Центр переучивания летного состава в Липецк.

Несмотря на войну, железные дороги Союза работали как часы, что было и понятно — никаких угроз с воздуха, перевозки войск минимальны, только снабжение. Поэтому дорога заняла не слишком много времени и Петр прибыл в Липецк.

Здесь его ждал сюрприз — оказывается он попал на тот же курс подготовки, что и его друг из сорок первого лейтенант Муравьев. Пока он и еще несколько человек из сорок первого проходили дополнительную подготовку и вывозные полеты на реактивных истребителях. А Логичев и другие летчики из пятидесят третьего приступили к теоретическому курсу переучивания на новый самолет — дальний всепогодный истребитель сопровождения Ла-200Б. Самолет предназначался для длительных полетов в любых метеоусловиях и на огромные дальности для сопровождения стратегических бомбардировщиков. Кроме того, на нем планировалось установить новейшую прицельную радиолокационную систему, а в дальнейшем — систему дозаправки в воздухе.

Переучивание и жизнь в мирном, гостеприимном Липецке нравились Петру, но временами он тосковал по своему полку и своим боевым товарищам и жалел, что переучивание не проходит как обычно, всей частью. Инструкторы Центра, которых он спрашивал по этому поводу, сказали, что выбор обучаемых шел по медицинским показаниям. Выбирались летчики — истребители, по медицинским обследованиям способные переносить длительные полеты в тесной кабине.

Самолеты поступали в Центр прямо с завода. Новенькие, блестящие дюралем, огромные по сравнению с привычными МиГами, они все же больше напоминали Логичеву легкие бомбардировщики, а не истребители. Он даже подумал, что надо бы написать рапорт о переводе назад в полк, но решил все же дождаться первого полета.

Гремя огнем, сверкая блеском стали, пойдут машины в яростный поход Июнь-август 1941/1953 г.

Белоруссия и Белостокский выступ

Командир 261 танкосамоходного полка 27 гвардейской механизированной дивизии 7 Механизированной армии полковник Иван Васильевич Котляров прошел всю Великую Отечественную, как говорится от звонка до звонка, начав ее младшим лейтенантом в седьмом танковом полку четвертой танковой дивизии. Дважды горел в танке, выходил из окружений и сам окружал, закончил войну майором, командиром гвардейского тяжелого танкового полка. Сейчас он командовал одним из лучших полков 7-й армии, но, увы, сокращенного состава, как и вся армия. Поэтому главной заботой Котлярова была приемка пополнения и сколачивание подразделений. Повторное нападение немецко-фашистских войск не стало для Ивана Васильевича сильным потрясением — с начала Корейской войны он жил в постоянном ожидании какой-нибудь очередной пакости американцев и их

союзников. Война обострила его интуицию на всякие неприятности. Как он говорил иногда: «Болванка еще и полметра до танка не долетела, а я, старый сталинский танкист, уже в канаве».

Поэтому он был вдвойне зол, получив предписание оставить полк на заместителя и прибыть в штаб армии. Всякий, кому приходилось оставить на полдороге начатое весьма важное дело, передав его в чужие руки легко его поймет. Да еще и интуиция его дала осечку, вот Иван Васильевич и сердился. Нет, конечно его заместитель был неплох, других в 261 полку не держали, но бросать свой полк в разгар подготовки к решающему наступлению ужасно не хотелось. Боевого опыта у заместителя не было, а Котляров хорошо помнил, как резко меняются люди под огнем. Жалко было людей, с которыми сросся как с родными, ведь Котляров, со своим опытом, добытым кровью, мог бы помочь им обстреляться, пережить первые, самые трудные бои, предотвратить ошибки, совершаемые от недостатка реального боевого опыта. Но приказ есть приказ и вот уже «козлик» комполка повез его в сторону штаба армии, расположенного недалеко от Борисова. Части 7 МА пока продолжали оставаться в районах расквартирования.

В пути машина была несколько раз остановлена и проверена войсками охраны тыла фронта, а перед самым штабом они выехали на пост охраны. Видимая часть поста включала двух солдат и сержанта, экипированных по-боевому и лишь опытный взгляд с небольшого расстояния обнаружил бы хорошо замаскированные окопы и две пулеметные огневые точки в дзосах. Настроение полковника заметно повысилось, когда он все это обнаружил. Это вам не сорок первый, когда штаб Западного фронта располагался как в мирное время в бывшем поместье, охраняясь выставленными в открытую патрулями, блистая свежеподсыпанными песчаными дорожками и свежесрубленными грибками для часовых. Говорят, немцы несколько дней не могли поверить результатам воздушной разведки, подозревая хитрую ловушку, и только потом разбомбили штаб.

Котлярова и еще нескольких прибывших в штаб офицеров приняли заместитель командующего армией генерал Горбатов. Когда офицеры расселись в небольшом тесноватом кабинете, он рассказал, что после Катаклизма в районе предвоенного Белостокского выступа остались части предвоенной РККА. Недавно вышестоящее командование установило связь с ними и теперь они полностью подчиняются командованию Белорусского фронта. Но как сами офицеры помнят, в сорок первом ни командный, ни личный состав, ни подготовка армии не соответствовали требованиям войны. Поэтому командующий Белорусским фронтом маршал Тимошенко приказал перевести часть офицеров Белорусского округа, имеющих опыт войны, и назначить их на командные должности вместо отозванных в тыл командиров.

После инструктажа и получения документов, обеда в столовой штаба фронта, их всех отвезли на аэродром где уже ждал готовый к полету Ил-12. После полета в сопровождении звена Як-9У, самолет приземлился на полево аэродроме. Здесь их уже ждали несколько эмок и полторок с охраной. Все прилетевшие с Котляровым офицеры были назначены в полки четвертой танковой, а его назначили командиром этой дивизии. «Интересно, — подумал Иван: — при назначении наверняка внимательно смотрели мое личное дело. Надо будет попробовать узнать у Сергея». Сергей Юрченко имел звание майора и служил в отделе кадров округа. Подружились они с Котляровым еще во время войны, когда сержант Юрченко служил в дивизионной строевой части и вместе с Иваном выходил из окружения под Смоленском.

Части дивизии, как и помнил Котляров, понесли большие потери от бомбежек в первые дни войны. Но в отличие от прошлого, выступ отрезан не был, в безнадежные атаки на последних каплях горючего никто не ходил. Отведенные в тыл части дивизии восстанавливали боеспособность, кроме того им по возможности подвозилась танковая техника россыпью — снятые с хранения Т-34-ки. На машинах сорок первого года демонтировались двигатели В-2 первых выпусков и заменялись новыми, с большим ресурсом и более надежными. Но часть танковых рот, имевших старую технику, все же

передали для усиления оборонявшихся стрелковых дивизий.

Знакомство с дивизией после принятия дел, Котляров начал с 3-го батальона 7-го танкового полка. Собранные на поляне, оборудованной под столовую, офицеры внимательно и сосредоточенно смотрели на нового командира дивизии. Некоторые при этом оглядывались на сидевшего сбоку младшего лейтенанта с перевязанной головой, похожего на полковника как брат-близнец. Полковника Котлярова представил начштаба дивизии, вызвав еще большее оживление среди офицеров. Дождавшись, пока гул голосов утихнет, Котляров сказал:

— Ну, здравствуйте товарищи. Здравствуйте, мои боевые друзья. Разрешите еще раз представиться — бывший младший лейтенант 3-го батальона 7-го танкового полка, полковник Иван Васильевич Котляров. Будем продолжать совместную службу...

Калининградская область и Польша

Командующий Прибалтийским Военным Округом маршал Баграмян был, в отличие от Булганина, старый солдат, не знавший слов любви, к тому же очень хитрый (впрочем, фамилия обязывала). Поэтому сразу после Катаклизма он, не дожидаясь директив из центра, вывел на боевые позиции войска 11 армии. На все запросы и директивы из центра он посылал спокойные донесения о неясности обстановки, о стычках разведчиков и пограничников, о попытках налетов немецких ВВС. Особенно интересным стало донесение о нескольких десятках истребителей и бомбардировщиков люфтваффе, приземлившихся ночью 5 марта на некоторых аэродромах Калининградской области.

Пока разведчики Ил-28Р и Ту-4Р пытались вскрыть систему обороны противника, маршал не спеша, но и не затягивая, провел доукомплектование и развертывание войск. Конечно, его войскам было немного проще, чем остальным — кроме крупной группировки на левом фланге, включавшей танковые и пехотные части, перед ними стояли лишь несколько отдельных групп войск противника силой до дивизии. Однако разведчики засекли эшелоны с резервами, подтягивающиеся к фронту. По ним с успехом отработали бомбардировщики Ил-28 четырнадцатой воздушной армии. Одновременно бомбоштурмовые удары Илов, как двадцать восьмых, так и штурмовых десятков, обрушились на наступающую левофланговую группировку немцев.

И вот спустя несколько дней на жидкий фронт левого фланга немецких войск обрушился мощный огневой удар. Стреляло все — от 76 мм самоходок, 45, 57 и 85 мм пушек до 152 мм корпусных пушек-гаубиц и самоходок, 203 мм гаубиц, 240 мм минометов и «катюш». Огненный шквал пронесся по немецким войскам, уничтожая узлы сопротивления, окопы, пулеметы, солдат и укрытия, в которых они прятались. Не успел он затихнуть, как над передовой появились уже виденные немцами ранее, но не в таком количестве, русские штурмовики «Чёрная смерть», увешанные ракетами и бомбами, ошестинившиеся пушками и практически неуязвимые в своей броне. За ними сплошным потоком (так, по крайней мере, казалось уцелевшим немецким наблюдателям) шли неуязвимые для 3,7 см «колотушек» русские тяжелые и средние танки. Их огромные орудия выплевывали снопы огня, подавляя всякую мысль о сопротивлении у выживших немецких солдат. К концу дня от обороны, спешно созданной подтянутыми ближайшими резервными дивизиями, остались только небольшие островки, омываемые половодьем русского наступления как застрявшие весной на реке куски льдин. И так же, как эти льдины быстро тающие...

А вглубь польских земель устремились введенные в прорыв танковые и механизированные дивизии, прикрытые сверху истребителями, сопровождаемые штурмовиками Ильюшина и высылающие впереди себя смертоносные стаи его же бомбардировщиков. Эти маневренные крестообразные в плане машины со скоростью почти не уступающей скорости русских реактивных истребителей, вооруженные носовыми пушками и подвижной пушечной установкой в хвосте, оказались практически неуязвимы для

люфтваффе. И неудивительно, в нашей реальности вплоть до снятия их с вооружения эти бомбардировщики считались самой трудной целью для реактивных истребителей, не имеющих ракетного управляемого оружия.

Русские показывали немцам свой блицкриг. Танки, за ними пехота на бронетранспортерах и грузовиках повышенной проходимости, легкие и тяжелые самоходки, все это прикрывается с воздуха и зенитками разных калибров. За передовым эшелоном также в основном на автомобилях и частично пешком двигаются стрелковые дивизии, со своими танками и самоходками. Артиллерию русских тянут отнюдь не лошади и наскоро приспособленные автомобили, а специальные тягачи, в том числе и бронированные.

Большим сюрпризом для немцев стала высаженная неподалеку от города Млава 104 воздушно-десантная дивизия с легкими самоходками¹⁷ и безоткатными противотанковыми пушками, перехватившая сразу две железные дороги, по которым к немецким войскам поступали снабжение и подкрепления. Атака поспешно брошенной на уничтожение десанта 286 охранной дивизии, усиленной батальоном трофейных французских танков «Рено» R.35 была отбита русскими с потрясающей воображение легкостью. Они словно отмахнулись от комара. Группы из четырех десантников с автоматами и пулеметами, используя как транспорт маленькие, практически прижимающиеся к земле противотанковые самоходки, быстро выдвинулись на угрожаемые участки. Умело организовав взаимодействие между пехотой и броней, русские остановили и уничтожили атакующих. Мощные пушки авиадесантных самоходов пробивали корпуса «Рено» насквозь, как картонные, а высаженная вместе с десанниками артиллерия и минометы внесли посильный вклад в бой, добив все, что пыталось стрелять, в том числе и дивизион 105 мм гаубиц.

В результате спешившие к незащищенному участку фронта войска, снимаемые с Западной Европы и других участков фронта, вынуждены были под ударами авиации высаживаться в чистом поле.

Отметился и русский Балтийский флот. Уничтожив огнем корабельной артиллерии несколько торпедных катеров и потопив устаревший линкор «Шлезвиг-Гольштейн» атаками реактивных торпедоносцев с реактивными же торпедами, русские высадили в Эльбинге десант морской пехоты. Высадку десанта поддерживали своим огнем броненосец береговой обороны «Выборг» и крейсер «Чкалов». Десантники выбили оборонявшиеся части немцев из города.

Навстречу наступающим с севера войскам одиннадцатой и вновь создаваемой в ходе наступления двенадцатой армий нанесли удар и части десятой армии из белостокского выступа. Но немецкая танковая армия Гота смогла не только отразить их удар, но первоначально даже продвинуться дальше на восток. Все же советские войска образца сорок первого, даже с частично измененным составом офицеров сильно уступали войскам образца пятьдесят третьего. Впрочем, успех немцев был недолог, им пришлось ослабить наступающие войска для отражения наступления с севера.

Прибалтийский фронт неукротимо двигался по польским землям на Познань...

Белостокский выступ

Иван Васильевич Котляров, что бы не говорили про него молодые офицеры, отнюдь не был сухарем. Он тоже любил, но только службу и танки. Ему на всю жизнь запомнились первые дни войны, тогдашнее чувство собственного бессилия переломить сложившуюся

¹⁷ Легкая воздушно-десантная самоходно-артиллерийская установка АСУ-57 с противотанковой 57 мм пушкой весом всего в 3,35 т и противопульной броней. Экипаж 3 человека, макс. скорость 45 км/ч. Кстати, именно она привела к тому, что в советском парашютно-десантном отделении 7 бойцов. При использовании АСУ на нее сажали еще четырех десантников в перегруз и они, спешившись, создавали своеобразный штурмовой отряд, действовавший на учениях весьма успешно.

ситуацию. Он помнил горящие избы и расстрелянных с самолетов беженцев, повешенных партизан и подпольщиков. И стремился всегда сделать все, чтобы это не повторилось. Кроме того, ему нравились эти многотонные машины, это сочетание брони, огня и мощи двигателей, при помощи экипажа становившиеся единым разумным существом, бьющимся с противником. Ему нравился даже тот коктейль из воздуха, паров топлива, выхлопных и пороховых газов, которым приходилось дышать танкистам во время боя. И он злился, когда сталкивался с офицерами, спустя рукава или пассивно относящимся к своим обязанностям. Помнилось ему, что в сорок первом таких безынициативных, ждущих указаний и боящихся принять самостоятельное решение было много. Приняв же дивизию, он внезапно обнаружил, что его полустершиеся воспоминания не отражали полностью того, с чем ему пришлось столкнуться. Он мотался по частям дивизии, которой уже пришлось отойти восточнее, не зная ни сна, ни отдыха. Приходилось лично контролировать, исправлять и подгонять, приходилось материться и грозить расстрелом, приходилось снимать с должности и срочно искать замену из тех, кто вспоминался как более подготовленный. Иногда воспоминаний не хватало и тогда Иван Васильевич действовал по наитию.

Обучение шло усиленными темпами, днем и ночью. Поэтому к моменту наступления из Прибалтики, дивизия, насколько возможно была готова к боям. Но и эта подготовка оказалась слабоватой. Бои между брошенными в наступление частями седьмой дивизии и 10-й дивизии немцев, к сожалению, часто заканчивались успехом последних. Новые, отличные танки в руках недостаточно опытных экипажей не всегда справлялись с многократно уступающими им немецкими Панцеркампфвагенами-Три и — Четыре. Иван Васильевич, наблюдая за боем с КП, просто физически ощущал эту разницу. Как-то неуклюже и медленно передвигающиеся тридцатичетверки, надолго останавливающиеся перед каждым выстрелом и почти мгновенно реагирующие на любое изменение обстановки, вкладывающие чуть ли не снаряд в снаряд трешки. От больших потерь дивизию спасали встречный характер боя, пошедшего не по немецкому канону «танки с танками не воюют» и слабое вооружение немецких танков. Оснащенные короткоствольным 50 мм орудием, тройки могли подбить Т-34 только при очень благоприятных условиях, а при удачном попадании от 85 мм снарядов не спасала ни боковая, ни лобовая броня. Все больше и больше танков с крестами на башнях замирало на поле, вспыхивая чающим дымом. Но напор немцев не ослабевал.

Пришлось вводить свой последний шанс — резервный полк, раньше намеченного времени. Котляров лично возглавил атаку, находясь на острие удара. Как и один из противостоящих ему немецких генералов, Иван Васильевич считал что место танкового командира — впереди своих подразделений. Ввод резерва переломил обстановку и немногочисленные уцелевшие немецкие танки, продолжая огрызаться огнем, стали отходить, стараясь не подставлять бока огню советских танков.

Осматривая позднее поле боя, Иван Васильевич заметил часто посещающее его ощущение дежавю. Некоторые участки боя и стоящие на них подбитые немецкие танки казались ему знакомыми, хотя он точно здесь не был. Позднее, привязав увиденное к карте, он обнаружил, что в этих местах прошла рота под командованием младшего лейтенанта Котлярова (Котлярова из сорок первого года).

Наступление десятой армии, в которую входил и шестой механизированный корпус, немцам первоначально удалось остановить. Но тяжелое положение на левом фланге вынудило немцев перебросить часть войск против частей одиннадцатой армии и войскам десятой армии удалось прорвать фронт. Механизированный корпус, в том числе и седьмая танковая под командованием теперь уже генерал-майора Котлярова, вошел в прорыв и двинулся в направлении Млавы. И опять под прикрытием авиационного зонтика двинулись, перемалывая в пыль землю своими гусеницами, советские тридцатьчетверки. Сопровождали их небольшие части пехоты на автомобилях, всех, которые удалось высвободить от тыловых задач, и конники шестой кавалерийской дивизии. Конечно, эти войска выглядели не так внушительно, как наступающие с севера, но и им немцам противопоставить было нечего. А в тылу у немцев всюду стреляли польские партизаны, как призраки ниоткуда внезапно

появлялись части советского спецназа, а с неба на их войска и обозы сыпались бомбы и ракеты советских самолетов.

Поэтому Котляров не особо удивился, узнав о заговоре и убийстве Гитлера. Теперь продвижение войск ускорилось, так как немцы отступали, не принимая боя. Наши войска преследовали отступающих, также не стреляя первыми. По поступающим из штаба армии сведениям такая обстановка складывалась практически по всему фронту. И тем более неожиданным стало упорное сопротивление варшавской группировки немцев.

Генерал-губернаторство (Польша)

Части 2 танковой дивизии, находившейся в резерве, получали новую технику. Неожиданное превосходство русских заставило немецких конструкторов ударно поработать над совершенствованием немецких танков. Героические усилия конструкторов, рабочих, а главное, железнодорожников и тыловиков, протолкнувших эшелон с первой опытной партией бронетехники, позволили второй дивизии получить около девяноста новейших танков и самоходок.

Гауптман Вили Хенске, командир роты средних танков второго батальона третьего танкового полка, с радостью рассматривал новые, с длиной 7,5 см пушкой панцеры-4 и оснащенные той же пушкой противотанковые самоходки. Его друг гауптман Ганс-Ульрих Нисовски, получил танки типа 3 с длинноствольной 5 см пушкой. Теперь они считаются с этими облагевшими русскими большевиками!

Командир дивизии, генерал-лейтенант Рудольф Файель, был скорее недоволен получением этих танков. Ведь, кроме новых пушек, да наваренных дополнительных листов брони они ничем не отличались от тех, которые никак не могли справиться с русскими монстрами. И незначительное улучшение характеристик отнюдь не могло, по мнению Файеля помочь в решении этой задачи. В тоже время перевооружение его дивизии наверняка натолкнет кого-нибудь из штабистов на «гениальное» решение бросить ее в самое пекло. Можно сразу отметить, что генерал был прав. При первых же известиях о наступлении русских его дивизия была брошена на север. Так как русские бомбардировщики бомбили железные дороги, Рудольф Файель решил продвигаться по-походному, под прикрытием зенитной артиллерии и преимущественно ночами.

Но он и не подозревал, что за его дивизией из окружающих лесов и развалин следят зоркие глаза разведывательной группы из роты спецназа 5 Механизированной Армии. Поэтому первая же колонна танков наткнулась на взорванный на ее пути мост. Пока поспешно вызванные саперы пытались любым путем восстановить мост, а собравшиеся вместе командиры обсуждали возможные пути объезда, наступило утро. Тем временем собравшихся на дороге войск становилось все больше. Танки и автомобили пытались рассредоточиться, но было уже поздно. С характерным свистом над колонной пронеслись первые «фляйшеры» и не успели они скрыться, как на танках, грузовиках и просто на земле расцвели огненные кусты разрывов. Небольшие, полутоннаковые кумулятивные и стокилограммовые фугасные бомбы проредили колонну, как пулеметный огонь прореживает пехотный строй. При попадании кумулятивных бомб танки загорались, часть из них взрывалась, разлетающиеся горячие осколки уничтожали окружающих солдат и поджигали автомобили. Взрыв всего боекомплекта одного из танков панцер-4 отбросил его башню на несколько метров в сторону. Летящая над колонной башня с болтающейся пушкой стала незабываемым зрелищем для всех уцелевших немцев.

Зенитные орудия, стоявшие на позициях, попытались открыть огонь, но практически сразу были атакованы новой группой фляйшеров и флигендесроров. А над колонной внезапно появились винтовые шварццотды. Прицельным огнем из пушек и реактивными снарядами они дополнительно обстреляли позиции зенитных орудий, а пролетая над колонной, высыпали дождь кумулятивных и мелких осколочных бомб. Каждый штурмовик

нес до сотни таких бомбочек, внесших свой вклад в царящий на земле ад.

Грохот взрывов, оглушительный рев пламени, крики раненных и умирающих людей сливались в единой симфонии разрушения. Первый батальон танкового полка дивизии практически перестал существовать.

Генерал Файель приказал оставшимся частям дивизии двигаться вперед ротными колоннами. Но русская авиация не прекращала своих атак. Каждый лес, способный служить укрытием для войск, бомбили фляйшеры. При этом они похоже использовали радиолокационные прицелы, так как маскировка не всегда спасала. К тому же дороги на пути колонн часто оказывались заминированы и партизаны при любом удобном случае обстреливали автомобили и уничтожали отставших.

Поэтому и генерал, и все оставшиеся в живых его подчиненные с огромным облегчением узнали о заключении негласного перемирия с русскими. Часть войск, попав под удар Седьмой Механизированной Армии русских, сдалась в плен, часть рассеялась, а остальные без сопротивления отступили в Германию, сопровождаемые шедшими за ними без единого выстрела танковыми и механизированными колоннами русских.

Офицеры арьергарда с завистью рассматривали в бинокль танки русских с приплюснутыми, залиzanными башнями и мощными длинноствольными орудиями, механизированную пехоту, полностью посаженную на колесные бронетранспортеры идвигающиеся в их порядках тяжелые самоходки с орудиями как минимум 15 см калибра.

Германия. Остров Узедом

На тихом, малонаселенном острове, в довоенные времена часто бывшим местом отдыха, а позднее ставшим знаменитым благодаря местечку Пенемюнде, шли упорные бои. Высадившиеся в районе Крослина и Мелдекопфа, продвигающиеся в сторону полигона Пенемюнде десантники 234 и 237-го полков 76 гвардейской парашютно-десантной дивизии еще не успели получить новое вооружение, поэтому у них были только 45-мм пушки и 82 мм минометы. Противостоящие им эсэсовские части были оснащены куда лучше, имея не менее дивизиона 105 мм гаубиц, противотанковые и полевые 75 мм пушки и даже роту танков. Правда, танки оказались всего лишь легкими двоечками, но и они нанесли десантникам потери, пока один за другим не получили в ответ кумулятивные гранаты РПГ-2 или 45 мм бронебойные снаряды. Разведка очередной раз проморгала крупные силы противника. Увы, на войне такое бывает чаще, чем думают читатели шпионских приключенческих романов.

После нескольких неудачных атак стало ясно, что десантники ничего не могут поделать с заранее подготовленной обороной немцев. Морской десант мог подойти на следующее утро, к тому же главная его ударная сила, крейсер «Максим Горький» поймал торпеду, выпущенную немецкой подлодкой, и вернулся в Лиепаю. Ночью же главные немецкие специалисты вполне могли эвакуироваться на подводной лодке, чему пока противодействовали патрулировавшие побережье в районе Пенемюнде противолодочные самолеты с эскортом истребителей Ла-11.

Командир полка, полковник Пономаренко, только матерился, наблюдая за очередной неудачной атакой своих солдат. Повернувшись к радисту, он потребовал передать для авиации условную фразу: «Бабушка сильно больна». Затем по всем атакующим частям было отправлено приказание прекратить атаки и укрыться. Удивленные этим немцы также постепенно перестали стрелять, пытаясь понять какую же пакость приготовили им эти русские.

В это время круживший на большой высоте в стороне от острова бомбардировщик Ту-4А, получив условный сигнал, развернулся на боевой курс. Его командир, внимательно поглядывая на приборы, перевел самолет в пологое снижение, стараясь точнейшим образом вывести машину в заданную точку.

После того, как самолеты, патрулировавшие прибрежную зону, словно стая

испуганных птиц, устремились на восток, на поверхность моря в районе, называемом немцами Хафен Ейн, то есть «Гавань один», всплыла подводная лодка. С нее в сторону гавани был подан световой сигнал. Стоящим на мостике лодки было видно, что на пристани началось шевеление. Конечно, лодка могла и причалить, но ее командир, ежеминутно ожидающий возвращения русских самолетов, счел это недопустимым риском. Крик наблюдателя, увидевшего одиночный русский самолет, и рокот мотора катера донеслись до капитана цур зее Приста одновременно. Самолет, большой русский бомбардировщик, пролетел на значительной высоте и от него отделилась одна единственная бомба, над которой раскрылся парашют. Капитан, несколько мгновений проследив за ее снижением, перевел бинокль на приближающийся катер... и в этот миг яркий свет, затмивший Солнце, залил все вокруг...

Оглушенные ударной волной, потрясенные видом поднявшегося в районе завода и полигона гриба, немцы еще не собирались сдаваться. Нет, они уже понимали, что их оборона напрасна, но все они были эсэсовцами и имели свою корпоративную гордость. Поэтому на переданный русскими призыв о сдаче они ответили огнем. Не желая терять своих бойцов в напрасных атаках, командовавший сводной группой полковник Пономаренко снова вызвал авиацию. На этот раз вид и шум подлетающих реактивных Илов вызвал вполне понятную реакцию немцев. По всей длине обороны, даже там где самолеты еще не были видны, начали появляться белые флаги. Правда, в некоторых местах они сопровождались взаимной перестрелкой у немцев, кое-где самых упорных все же пришлось добивать десантникам. Но большинство все же не выдержало и сдалось, опасаясь стать жертвой дьявольского оружия русских.

Допросы пленных проводили прилетевшие одновременно с десантниками сотрудники особой группы МВД и ГРУ. Из полученных сведений стало ясно, что главного конструктора Вернера фон Брауна в Пенемюнде не было. Незадолго до покушения на Гитлера он был вызван в Берлин и теперь никто не знал, где он находится. В Пенемюнде же находились конструктор ракет Вальтер Ридель, генерал Дорнбергер и еще несколько ученых и инженеров. Все они планировали эвакуироваться вместе с документацией в Англию. Войска же получили приказ держаться до прихода боевых кораблей, которые должны были вывезти их на остров Борнхольм.

Теперь вся разведывательная сеть ГРУ и МВД в Европе получила указание разыскивать фон Брауна. Советское руководство отнюдь не горело желанием дать вероятным противником шанс на быстрое развитие столь грозного оружия, как ракетное.

Радиоактивные же осадки после взрыва части ветром отнесло в сторону моря и лишь незначительная часть из них достигла острова Борнхольм. Десантный конвой Балтийского флота, после сброса бомбы перенацеленный на Борнхольм, не успел высадиться до выпадения осадков. Ни о чем не подозревавшие жители и немецкие солдаты в районах выпадения осадков получили дозы облучения и после высадки советских войск на острове был развернут специальный госпиталь. Прибывшие вместе с моряками врачи и части химзащиты объехали весь остров и проводили дезактивацию в пораженных районах. Все претензии местных жителей записывались, представители советского командования обещали выплатить компенсации всем пострадавшим.

Интерлюдия.

Советская Армия, обходя узлы сопротивления, обгоняя отступающие без боя пехотные части немцев, устремилась на Запад. Впереди наступающих войск мчались на легких БТР-40 разведчики, за ними сплошным потоком текли колонны танков и мотострелков, за ними под охраной БТР и танков пылили грузовики снабжения и дальше не торопясь двигались на автомобилях и изредка пешком стрелковые дивизии. Они создавали вокруг продолжавшихся сопротивляться немецких частей кольцо окружения, подтягивали артиллерию усиления и

«сталинские кувалды» вместе со «сталинскими органами» показывали немцам, что такое современный бог войны.

Англичане, поскребя по сусекам, высадили в Бельгии три пехотные дивизии, бригаду морской пехоты и две танковые бригады, и теперь поспешно устремились навстречу русским. Попытка высадки во Франции была отбита немцами и добровольцами из французов, еще не забывшими и не простившими коварному Альбиону операцию «Катапульта». Впрочем, англичанам и войскам «Свободной Франции» удалось закрепиться в Кале.

В Греции, где также высадились три английские дивизии, началась народная греческая забава — кто кого. Забыв об отступающих немцах, горячие греческие парни из Национального Фронта Освобождения начали резать таких же парней из прокоммунистического Фронта Национального Освобождения. Последние не преминули ответить той же монетой, но поскольку первых поддерживали англичане, а вторых было больше, стало ясно, что заварушка затянется надолго. Немцам, надо признать, это помогло мало, так как в соседней Югославии их с нетерпением поджидали не менее горячие партизаны Тито и мигом перекрасившиеся в антифашистов усташа. А в Румынию и Болгарию уже входили части Второго Украинского фронта под командованием маршала Жукова, от которых немцы тоже не могли ждать ничего хорошего.

Маршал Петен тем временем думал горькую думу, стремясь выбрать наиболее правильный дуб, к которому ему следовало прислониться, как березе из русской народной песни. Впрочем, об этой песне он не знал, а решения принимал, изрядно подумав и, кажется, даже приняв для храбрости национальный, пахнувший клопами напиток из провинции Коньяк.

В Норвегии же образовался слоеный пирог. Бравые егеря генерала Дитля, продолжая бессмысленное сопротивление, отступали под натиском стрелковых дивизий Северного фронта, а на юге уже высадились части королевской норвежской армии, усиленные английскими и польскими частями. Они начали очищать от сопротивлявшихся и сдававшихся в плен немцев территорию Норвегии, выдвигаясь на север.

В Финляндии, горячо молясь на мудрого Маннергейма, сумевшего удержаться на грани вступления в войну и простив русским захваченный ими район Петсамо, народ с нетерпением ждал русской официальной делегации. Часть деловых людей, уже дождавшись выгодных предложений, поспешно закупала через свои конторы в Канаде и Аргентине зерно, и грузила его на пароходы. Увы, получить свои прибыли им не удалось — пришло известие о введенном на поставки зерна англо-американском эмбарго.

Франция. Виши. Район Кале.

Маршал Петен внешне выглядел невозмутимо. И только бросаемые им время от времени взгляды в сторону раскрытой на столе газеты «Матен» и лежащие рядом с ней бумаги выдавали его внутреннее состояние. Все шло абсолютно наперекосяк, все его расчеты оказались неверны и теперь оставалось только торговаться за приемлемые условия. Даже неудачи немцев на востоке и смерть Гитлера не так напугали маршала, как полученные сегодня известия. Все предыдущее вполне укладывалось в старую поговорку «на войне, как на войне» и не могло особо взволновать старого вояку, не дрогнувшего в период огромных потерь под Верденом в первую мировую и твердой рукой взявшего власть после поражения армии. Но сведения о применении русскими невиданного по мощности оружия сломали старого бойца. Он наглядно представлял силу современного огня, но одна бомба, уничтожившая целый район, не укладывалась в его мировоззрение. Это было нечто запредельное, нечто адское и страна, владевшая таким оружием, могла делать в мире всё что хочет. Именно эта беспредельная сила, не имеющая преград, приближалась сейчас к границам его милой, его родной Франции. Чтобы не говорили и не писали его противники,

маршал был патриотом. Просто он считал, что Франция может сохраниться и процветать только под его руководством, двигаясь по предначертанному им пути. И важнейшими принципами его политики была дружба с Германией и борьба с коммунизмом. Теперь эти принципы рухнули, теперь рухнуло дело всей его жизни, так как коммунисты попущением божьим стали всемогущи. И ОН, человек начинающий все документы подобно французским королям словами: «Мы, Филипп Петен, маршал Франции...», он считавший себя равным Наполеону, сейчас с нетерпением ждет русского посла, чтобы узнать установленную для него кем-то в далекой варварской стране судьбу.

Прибывший в сопровождении министра иностранных дел А. Бетуара советский посол А.Ф. Богомолов был немногословен и сух. После обмена приветствиями и небольшого вводного разговора он вручил Петену меморандум правительства СССР с предложением о помощи Франции против незаконного вторжения английских империалистов и для обеспечения вывода германских войск. Петен, давно ожидавший нечто похожее, сразу согласился.

И вот, через несколько дней по всей территории Франции на военных аэродромах и посадочных площадках начали высаживаться десантники 105, 106 и 11-й парашютно-десантных дивизий. Передовые отряды высаживались или посадочным способом, или на парашютах, а вслед за ними садились транспортные самолеты Ил-12, Ил-14, Ту-4Т, Ту-4Д и Ту-75, а также буксируемые ими транспортные планеры Як-14. С них на французскую землю выползали легкие самоходные установки с длинноствольными пушками, автомобили, с прицепленными к ним пушками и минометами. Для усиления огневой мощи 38-го воздушно-десантного корпуса ему придали два минометных полка, один со 160 мм минометами, а второй — смешанный, с дивизионом 240 мм минометов. Встречающие русских немецкие и французские солдаты с изумлением рассматривали незнакомые крупнокалиберные минометы, буксируемые автомобилями и низкие, небольшие, но маневренные самоходки. Часть десантников размещаясь прямо на самоходках, другая часть на своих, немецких и французских автомобилях, выезжали в предписанные районы. Около Кале, занятого англичанами, высадилось два полка 11-й гвардейской воздушно-десантной дивизии — 51-й и 137-й. Они начали менять на позициях только немецкие части, оставив части 16-й французской дивизий. Кстати, командир корпуса потребовал немедленно освободить от домашнего ареста генерала Латра де Тассиньи, бывшего командира 16-й дивизии, отказавшегося воевать вместе с немцами против войск «Свободной Франции». Сначала Латр де Тассиньи не собирался вернуться на должность, но после длительной беседы с генералом Г. И. Хетагуровым, закончившейся распитием нескольких бутылок шампанского, снял все возражения. О чем они беседовали никто никогда так и не узнал, на все вопросы журналистов и коллег генерал отвечал усмешкой и междометиями.

Первоначально англичане и солдаты бригады «Свободной Франции» не обращали внимания на перемещения на той стороне фронта. Их радовало прекращение обстрелов и возможность без помех усовершенствовать оборону, пока немцы заняты своими делами. Но неожиданно над Кале появились русские реактивные самолеты, а место немецких войск в окопах заняли русские десантники и французские пехотинцы. К тому же на позиции англичан и их союзников обрушились тонны... листовок. В них французам напоминалось об операции «Катапульта», о фактическом предательстве англичан, эвакуировавших свою армию из-под Дюнкерка вместо поддержки французских войск и сообщалось о заключении договора о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи с СССР. На английском же кроме сокращенного варианта этого текста, шли рассуждения о трудностях эвакуации армии морем и сообщалось, что СССР заключив договор с Францией, уже освободил ее от немецкой оккупации.

Несколько дней ничего не происходило, затем командовавший 38 воздушно-десантным корпусом генерал Г. И. Хетагуров связался с генералом Леонардом МакДауэллом, командовавшим британскими войсками в Кале, и в ультимативной форме потребовал в недельный срок эвакуировать войска с территории Франции. Иначе, говорилось в послании,

советские и французские войска будут вынуждены силой выдворить британские войска с захваченной ими французской территории.

Англичане вынуждены были эвакуировать войска из Кале, причем каждый корабль, приходивший в порт, обязательно облетывался русскими реактивными бомбардировщиками, часть из которых несла подвешенные торпеды. После же окончания эвакуации выяснилось, что в бригаде «Свободной Франции» не хватает половины личного состава.

Норвегия. Район г. Нарвик.

Понесшие большие потери, но окончательно не разбитые части немецких горнострелковых дивизий второй, третьей и «Норд», 169 пехотной дивизии поспешно окапывались в районе города Нарвик, ожидая очередного удара Северного фронта маршала Конева.

После первоначального замешательства из-за непонятных явлений, армия «Север» начала наступление и даже смогла захватить окраину Петсамо. Несмотря на сильное сопротивление, русские явно уступали наступающим в численности. Но немецкие успехи были непродолжительными. Первоначально авиация русских затруднила снабжение и передвижения немецких войск, затем к ним подошли подкрепления и, используя превосходство в технике, они отбросили упорно оборонявшихся горных стрелков на исходные позиции. Позднее же положение стало ухудшаться по возрастающей. Снабжение становилось все хуже, финны вместо обещанной поддержки объявили нейтралитет, а русские все усиливались и усиливались. Их реактивная авиация захватила полное господство в воздухе, флот обстреливал немецкую оборону в прибрежных районах, а армия, уничтожая узлы немецкой обороны артиллерийскими обстрелами, при поддержке танков и самоходок постепенно оттесняла армию «Север» вглубь норвежской территории. Потом русские, подтянув дополнительные силы, провели наступательную операцию, захватив Киркенес и Вадсё, а остатки немецких войск вынуждены были отступить к Сейде. Попытки немецкого флота обстрелять русских пересекались противодействием той же авиации и неожиданно сильной береговой артиллерией. Оказалось у русских имелись специально разработанные 100 и 130 мм подвижные береговые орудия, которые передвигались за передовыми частями.

Затем русские, подтянув дополнительные силы армии и авиации, нанесли еще один страшный удар по практически не получающим снабжения немецким войскам. Прикрываясь с воздуха реактивными торпедоносцами, используя катера в извилистых, не дающих преимущества крупным кораблям фьордах, русские высаживали морские десанты в ключевых точках побережья, рассекая на части оборону немцев. Последние попытки флота противодействовать русским были прекращены после потопления эсминца Z-24 русскими управляемыми ракетами, запущенными с двух тяжелых бомбардировщиков. Две попавшие в него ракеты (еще одна прошла мимо, а одну зенитчики эсминца все же сбили) отправили его на дно вместе с третьей экипажа и представителем ОКМ адмиралом Гроссом на борту.

И вот теперь остатки немецких войск и флота окапывались в районах Нарвика и Тронхейма, собираясь подороже продать свои жизни. Странно, но ни русские, ни англо-норвежские войска не спешили с наступлением, как будто что-то выжидая. А затем внезапно пришло известие о подписании мирного договора между СССР и Германией. Генерал фон Фалькенхорст, подписав приказ о капитуляции своих войск, застрелился. Часть немцев сдалась англо — норвежцам, часть — русским. Среди сдавшихся русским был и знаменитый «папаша Диттль», командовавший 4 горноегерской дивизией

Медленно продвигавшиеся на север норвежцы из двух вновь сформированных бригад встретились с советскими войсками неподалеку от Нарвика. Оказывается, заняв его и приняв капитуляцию немцев, русские дальше не двинулись. Настороженно настроенные, норвежцы были удивлены дружеским отношением русских, подозревая непонятную ловушку. Как оказалось, зря, потому что после установления контактов в передовые части приехал лично

маршал Конев и в Нарвике состоялись переговоры между ним и представителем норвежского королевского правительства.

Конев с военной прямоотой потребовал, чтобы Королевское Норвежское правительство выдворило со своей территории войска англичан и подписало с СССР договор о дружбе и взаимопомощи. Норвежец, старый опытный дипломат, настолько опешил, что даже не сразу нашелся, что сказать. Ситуацию удалось разрулить специальному посланнику советского МИД Богомолову А.Ф. В результате долгих и трудных переговоров было решено, что английские и русские войска будут выведены из Норвегии одновременно. До завершения вывода они останутся на тех позициях, которые занимают сейчас. При этом они не могут вмешиваться во внутренние дела Норвежского королевства, не могут увеличиваться в численность более согласованных сторонами в данном соглашении. После завершения вывода войск Норвегия обязуется принять на себя статус нейтрального государства, гарантами чего выступают СССР, Швеция и Великобритания. Договоренность по этому поводу с Великобританией Королевское Норвежское правительство берет на себя. В результате в Бергене, Ставангере и Лиллехамере появились английские гарнизоны численностью по пехотной бригаде каждый, а в Нарвике, Тромсе и Вадсе гарнизонами встали полки 77 гвардейской стрелковой дивизии.

САСШ. Канада. Бухта Арджентия.

Третьего августа сорок первого года, в воскресенье, поезд президента САСШ покинул Вашингтон и отправился в сторону Нью-Лондона. Согласно переданным газетам официальным сообщениям, президент вместе с группой друзей отправился на рыбалку. Пересев в Нью-Лондоне на яхту «Потомак», президент отправился в море. Полученное сообщение о начале русско-японской войны не повлияло на его планы. На следующее утро у Саут-Дартмута на борт яхты приняли норвежскую принцессу Марту с двумя дочерьми и шведского принца Карла со свитой. Оттуда, под приветственные крики собравшихся на берегу зевак, яхта отправилась в залив Баззардс. Там президент и его гости весело проводили время, рыбака с кормы яхты. Вечером яхта вернулась в Саут-Дартмут, президент, лично управляя лодкой, отвез своих гостей к яхт-клубу. На следующий день зеваки, следящие за яхтой, видели, как она, с президентом на борту ушла на север. Они были бы очень удивлены, узнав правду. На самом деле президента на борту яхты не было. Он и его советники еще вчера вечером, пока яхта крейсировала у берегов острова Мартас-Виньяра, пересели на борт тяжелого крейсера «Августа», который в сопровождении 6 эсминцев на всех парах спешил к побережью Ньюфаундленда. Через два дня отряд кораблей вошел в небольшую бухту Арджентия, где на борту линкора «Принс оф Уэллс» Рузвельта ожидал Уинстон Черчилль.

Секретность, на которой настаивал Рузвельт, привела к тому, что подготовка к ней была скомкана и настолько поспешна, что не было даже согласована повестка дня. Военных известили о ней в последний момент, даже секретарша президента Грейс Талли не имела никаких сведений о ней.

Ранним утром сэр Уинстон поднялся на борт крейсера, где его уже ждал Ф.Д. Рузвельт, а оркестр играл гимн «Боже храни короля».

«Наконец-то мы встретились» — первое, что сказал Рузвельт.

После обмена приветствиями и взаимного представления участников, проведения ряда протокольных мероприятий, в числе которых было и торжественное богослужение на борту линкора «Принс оф Уэллс», участники приступили к делу.

Обсуждения и беседы в течение трех дней велись как непосредственно между первыми лицами, так и военными делегациями параллельно.

Новости с полей русско-японской войны не радовали. Становилось понятно, что русские настолько сильны, что могли громить одновременно и Германию, и Японию. А такой расклад сил требовал дополнительного осмысления, особенно учитывая

невозможность для Рузвельта проявить инициативу в развязывании войны. Усиление сторонников изоляционизма и пацифизма в США требовало от него очень осторожной политики в этом вопросе. Хотя недавно ему и удалось провести через Конгресс и Сенат законы об усилении вооруженных сил и разрешение на ввод войск в Южный Вьетнам, но дальнейшая эскалация военных усилий могла быть заблокирована его противниками.

Черчилль же настаивал на проведении жесткого курса по отношению к России. Он предлагал президенту подписать совместную декларацию с предупреждением Москве, что «дальнейшие территориальные притязания России и продвижение ее войск в Европе и Азии» приведут к ситуации, когда Англия и США «будут вынуждены принять ответные меры, даже чреватые осложнениями между ними и СССР». Было заметно, что Черчилль опасается серьезного конфликта, в котором ослабленная предыдущей войной Англия останется один на один с русскими захватившими Европу.

Рузвельт отнесся к этому сдержанно. Он отметил большое военное превосходство Советов и внутривнутриполитические причины, затрудняющие его действия. Он не меньше чем Черчилль желал ограничения влияния русских, но если премьер-министр предлагал простой и эффектный способ конфронтации, то президент предпочитал тактику затягивания времени, переговоров, сдерживания русских. Рузвельт предполагал отодвинуть любой прямой конфликт до момента, когда армия и флот США станут сильнее, а общественное мнение — более восприимчивым к его аргументам.

В поисках непрямого воздействия на СССР в расчет было принято мнение экспертов, что при Переносе СССР должен понести серьезные потери в сельском хозяйстве, так как для него лето сильно сократилось, и от разрыва налаженных экономических связей. Тогда, по предложению Черчилля, было принято решение о введении экономического эмбарго для принуждения СССР к принятию англо-американских предложений.

После споров и дебатов по поводу декларации, возможного пути развития мировых отношений и возможности создания международной организации, обе стороны пришли к соглашению и подписали 11 августа Атлантическую хартию о целях англо-американского сотрудничества и обращение к правительству СССР о прекращении агрессивных действий. Кроме того, было подписано соглашение о введении «экономического эмбарго агрессивных стран». Соглашением устанавливалась зона действия обеспечивающих эмбарго сил: район Атлантического океана, включая прилегающие моря и заливы, Средиземное море, районы Индийского океана, районы Тихого океана, а также зоны ответственности ВМС США и Англии.

Перечень стран попавших под эмбарго был длинным, кроме СССР, Германии и Италии в списке присутствовали их союзники, включая Финляндию, оккупированные страны, африканские колонии Франции, Италии и всех оккупированных стран. Судам прочих стран, следующим через районы действия эмбарго, независимо от порта назначения, предписывалось заходить для проверки наличия контрабанды. Прилагался список этих портов и список контрабандных товаров, в первую очередь продовольственных. Отмечалось, что суда, уклоняющиеся от проверки, могут быть конфискованы вместе с грузом или потоплены. Предупреждалось, что любое нападение на корабли ВМС США, участвующие в обеспечении эмбарго, будет считаться актом агрессии.

Как сама Атлантическая Хартия, так и остальные документы, принятые на встрече, вызвали неоднозначную реакцию в мире. Особенно резкие протесты правительствам Великобритании и САСШ по поводу эмбарго вручили советские послы, после чего отбыли для дальнейших консультаций в Москву.

ПНР. Район г. Варшава.

Преобразованный в Восьмую Механизированную Армию бывший шестой механизированный корпус составлял резерв войск, осаждавших город Варшаву. В районах

города Вышкуп части 7 и 4 танковых дивизий и приданных им для усиления частей пехоты 2-й стрелковой и 29 механизированной дивизий отрабатывали действия штурмовыми группами из одного-двух танков, самоходного орудия, минометного или орудийного расчета и пары отделений пехоты.

Тем временем части четвертой и двадцать восьмой армий укрепляли кольцо окружения вокруг варшавской группировки немецких войск. По железнодорожной колее, спешно перешиваемой на русский стандарт, подтягивались орудия резерва главного командования — сверхтяжелые пушки, мортиры и гаубицы.

Иван Васильевич Котляров, организовывая учебу, не забывал об охране и обороне частей дивизии и приходящих к нему эшелонов. Очень уж неприветливо и настороженно встречали советские войска поляки. Конечно, и в ту войну не все из них хорошо относились к русским, но такого неприкрытого отторжения не было. Видимо, немцы еще недостаточно их научили «русских любить» всего за два года оккупации.

Котляров старался лично присутствовать на большинстве занятий. Он помнил о больших потерях танков в городских боях в «ту» войну и знал, что они резко снижались при слаженных действиях в составе штурмовых групп. Признаться честно, ему ужасно не хотелось бы бросать своих солдат в такие бои. Об этом он прямо сказал командующему Прибалтийским фронтом маршалу Баграмяну, приехавшему вместе с новым командующим Восьмой Механизированной Армии генералом П.П. Полубояровым. Баграмян ответил, что он вполне разделяет точку зрения Котлярова и отправил в Москву предложение осадить немцев и просто дожидаться пока они сдадутся. Так как снабжением группировки никто из берлинского правительства заботится не будет, то максимум через пару месяцев немцам наверняка будет нечем стрелять и нечего есть. Но возможно, что будет принято решение на штурм, так как обрекать на голод мирное население Варшавы никто не хочет. Конечно, при штурме возможны некоторые потери среди мирных жителей, но вероятнее всего, они будут намного меньше. Короче куда ни кинь — всюду клин. Остается надеяться на благоразумие немецко-фашистского командования, об отсутствии же какового у этого командования Иван Васильевич наверняка помнит по собственному прошлому опыту.

После отъезда начальства Иван Васильевич с еще большей энергией принялся муштровать подчиненных, не давая ни им, ни себе не малейшей поблажки. Он-то твердо усвоил на опыте безусловную верность старого солдатского правила: «Тяжело в ученье, легко в бою». Как всегда, в процессе подготовки выявились и пробелы в системе вооружения армии. Несколько штурмовых групп в качестве орудия сопровождения получили трофейные 75 мм пехотные пушки. В ходе пробных стрельб в полуразрушенном и потому ненаселенном квартале Вышкупа выяснилось, что они в городском бою намного эффективней как 76 мм полковых пушек, так и минометов. Имея свойства пушки, гаубицы и мортиры, вдвое легче советской полковой пушки образца 27 года, они позволяли обстреливать практически любые цели. Иван Васильевич для себя отметил этот факт и решил подать наверх записку по этому вопросу. Его поддержал и командир артиллерийского полка дивизии полковник Артамонов, с которым они обсуждали возможные улучшения в оснащении штурмовых групп.

Через несколько дней Котляров в составе рекогносцировочной группы армии приехал на участок фронта седьмой стрелковой дивизии. По дороге они проехали позиции артиллерийского полка резерва главного командования и артиллерийской дивизии прорыва. Огромные 210 мм пушки, установленные на бетонированных площадках, сменялись стоящими чуть ли не колесо к колесу 152 мм пушками-гаубицами и 203 мм гаубицами, а затем «катюшами». На одной из позиций «катюш» группа задержалась и офицеры осмотрели новые, только что с завода, установки БМ-24. Эти машины стреляли 240 мм турбореактивными снарядами с увеличенной мощностью заряда по сравнению с обычными установками. Вся эта мощь должна была обрушиться на передовые части окруженной группировки, не давая им ни минуты покоя.

Осматривая с наблюдательного пункта оборону немцев, Иван Васильевич отметил, что организована она грамотно и по всему видно, занята опытными и фанатичными солдатами,

готовыми сражаться до последнего. И еще раз подумал, что разгром этой группировки будет стоить большой крови.

Несколько дней наша артиллерия вела пристрелочный и беспокоящий огонь, а на позиции обороняющихся с самолетов вместо бомб летели листовки. Немцы вяло отвечали, стараясь сберечь боеприпасы и не демаскировать систему обороны. Затем это относительное спокойствие сменилось грохотом почти непрерывного и беспощадного артиллерийского обстрела. Несколько дней такого обстрела и немцам пришлось покинуть передовую линию обороны, превратившуюся в лунный ландшафт.

Казалось, что и дальше все будет происходить по этому сценарию, но внезапно советские войска получили приказ приготовиться к наступлению. Выяснилось, что командование вражеской группировки, состоящее в основном из эсэсовцев, приказало не только прекратить снабжение варшавского гетто продовольствием, но и окружив его кольцом дозоров, полностью прервало любые связи между гетто и городом. Пытавшихся прорваться в город евреев расстреливали на месте, расположенные рядом дома взрывали или сжигали вместе с жителями. Отчаявшиеся жители гетто подняли восстание, но слабо вооруженные и организованные, не смогли противостоять атакам карателей. Польские подпольщики, на помощь которых надеялись восставшие, помогать «этим евреям» отнюдь не спешили. Нескольким посыльным восставших удалось все же прорваться сквозь немецкие войска с просьбой о помощи и советское командование приняло решение о начале наступления.

После сокрушительной артподготовки, завершившейся залпом реактивных систем залпового огня, в атаку под прикрытием танков Т-34 и ИС-3 пошла советская пехота. Уцелевшие немцы в некоторых местах отбили атаку, но в остальных пехотинцы ворвались в окопы и после непродолжительной рукопашной устремились дальше. Как точно заметил один из советских военных классиков «при двухстах орудиях на километр фронта о противнике не докладывают. Докладывают о достижении намеченных рубежей и запрашивают о дальнейших задачах».

Увы, столь благоприятные условия для пехоты продолжались не слишком долго, немцы дрались изобретательно и упорно. Танки натывались на фугасы, обстреливались из зенитных и полевых пушек, в том числе польских семидесятипятимиллиметровок, забрасывались гранатами. Конечно, потери противника были очень велики, но затормозить наступление первых эшелонов атакующих ему удалось. Тогда советское командование ввело в бой второй эшелон, в том числе и восьмую механизированную армию.

Взвод лейтенанта Ивана Котлярова, прорвался на улицу Варшавы, не потеряв ни одного танка. Несколько оставшихся по дороге пехотинцев, убитых или раненных, вполне укладывались в армейское выражение «незначительные потери». Выйдя на окраину города, взвод разделился на две штурмовые группы. В первую вошел танк самого лейтенанта Котлярова и приданный БТР-152А, оснащенный счетверенной установкой 14,5 мм зенитных пулеметов Владимирова, два неполных отделения пехотинцев, группа сапер, огнеметчик с помощником и 7,5 мм немецкая пехотная пушка с расчетом, буксировавшаяся тем же бэтэром. Вторая группа из двух оставшихся танков, отделения пехотинцев, сапер, минометчиков и огнеметчика сразу выдвинулась вперед, затем перейдя на параллельную улицу. В самом городе немцев было меньше, чем на передовых позициях. В основном небольшие группы пехотинцев с гранатами и пулеметами, занимая оборону в каменных домах пытались создать опорные пункты с круговой обороной и огневыми мешками для атакующих. Штурмовая группа Котлярова: впереди пехотный дозор, за ним посередине улицы танк, настороженно поводящий из стороны в сторону громадным орудием, пехотинцы с двух сторон улицы вдоль домов и за танком, последним — также контролирующий стволами своих пулеметов верхние этажи БТР с прицепленным орудием, без боя прошла почти квартал. Внезапно с верхнего этажа каменного дома на перекрестке двух улиц по штурмгруппе начал стрелять пулемет, а в сторону танка и БТР полетели ручные и винтовочные гранаты, с оглушительным грохотом рванувшие на броне «тридцатичетверки»

и перед резко тормознувшим БТРом. С БТР в ответ не менее оглушительно загремела крупнокалиберная счетверенка. Нити трассеров потянулись к окнам, из которых вырвались огоньки выстрелов. Одновременно рывкнула 85 мм пушка танка, разнеся окно второго этажа. Но угол возвышения танковой пушки был маловат для обстрела верхних этажей здания, из которого в дополнение к первому, открыл огонь второй пулемет. Поэтому, прикрываясь огнем зенитного БТРа и его броней, артиллеристы лихорадочно разворачивали 75 мм пушку. Пара минут, два упавших артиллериста — и в окне верхнего этажа вырос первый огненный куст. За ним второй, третий... Под прикрытием огня пушки уцелевшие пехотинцы ворвались в подъезд, из здания глухо доносились резкие выстрелы мосинок и маузеров, стрекот очередей пистолетов-пулеметов, разрывы ручных гранат. Пару раз с шипением сработал огнемет, из двух окон верхнего этажа вырвалось ничем не сдерживаемое пламя.

Пока шла зачистка здания, к штурмовой группе подошли пехотинцы из седьмой стрелковой дивизии. Судя по количеству, этот взвод почти не понес потерь. Однако из разговора с командиром выяснилось, что это остатки роты. Присоединив их к своей группе, Котляров двинулся вперед. Соединившись со второй штурмовой группой на перекрестке, потерявшей по дороге танк, он остановил продвижение и переформировал группы одну. Увы, БТР под охраной экипажа пришлось оставить на месте — одна из гранат все же повредила двигатель. Теперь обстреливать верхние этажи могла лишь 75 мм пушка, которую тащил второй танк, дополнительно нагруженный ящиками со снарядами и зарядами к ней. Двигаясь прежним порядком, штурмовой отряд разбил еще три точки обороны немцев. Как оказалась позднее, одна из них была командным пунктом сектора обороны и при ее захвате в плен попал бригаденфюрер СС....

Котлярову можно сказать повезло, его танк получил повреждение пушечного ствола только в последней стычке перед встречей сдвигающимися навстречу войсками 28 армии. Второй танк был поврежден незадолго до этого, получив несколько гранат в моторный отсек.

Взятие Варшавы, потери, понесенные в этой операции, вызвали неоднозначную реакцию среди руководства, как СССР, так и Польши. Если первые спорили по необходимости наступления, которое сопровождается такими потерями, то в руководстве ПНР возник серьезный кризис. Пролондонские круги выразили протест против необоснованных разрушений столицы, потребовали выплаты денежных компенсаций, полного разоружения всех отрядов, кроме Армии Крайовой, переброски из Англии польских вооруженных сил и передачи всей полноты власти в Польше «законному» правительству из Лондона.

Лейтенант Котляров после операции был вызван в штаб дивизии, где второй раз встретился со своим двойником — генералом.

Введенный в кабинет генерал-майора начальником строевого отдела дивизии, он увидел сидящего за столом двойника и расположившихся сбоку двух офицеров в форме ГБ. «Неужели арест?» — промелькнула и исчезла непрошенная мысль. Но тут генерал поднялся с улыбкой и, жестом отпустив начстра, познакомил его с капитаном и лейтенантом ГБ, а затем предложил Ивану сесть и доложить о действиях его взвода в Варшавской операции.

Докладывая о прошедшем, лейтенант все время пытался понять, что же нужно этим гебэшникам и почему они его внимательно слушают. Причем пару раз генерал по еле заметному кивку капитана ГБ просил подробнее рассказать о том, что думал и чувствовал Иван в самые опасные моменты боя. После почти получасового доклада генерал поздравил Ивана с награждением, и сообщил, что по новому закону о двойниках они считаются родственниками. Поэтому лейтенант Котляров переводится в 4-ю танковую дивизию командиром роты.

Так и осталось тайной для недоумевающего лейтенанта почему его лично принимал командир дивизии, да еще в присутствии особистов.

Румыния. Около г. Плоешти.

Недалеко от всё еще горящих после налетов советских бомбардировщиков нефтяных приисков в районе Плоешти, в расположенной вдали от центральных магистралей деревне Фикк-Найтешь, располагался зенитный взвод локотенента Вальтера Марочиняну — две 75 мм зенитки Бофорса, 2 тяжелых пулемета «Гочкис», четыре десятка солдат и унтер-офицеров и два офицера. Один из тех разбросанных вокруг основного богатства Румынии батарей и взводов, которые по мысли умников из Генштаба, должны были прикрыть этот район от налетов русской авиации. Да, конечно, «прикрыли». Неуязвимые скоростные русские безвинтовые бомбардировщики так пропахали все, что Марочиняну, первоначально бесившийся из-за того, что его взвод загнали в эту чертову дыру, начал молить бога, чтобы командование о нем не вспоминало. И, похоже, молитвы таки сработали. Про взвод забыли. Забыли так крепко, что, когда недавно прервалась связь по полевому телефонному кабелю, никто даже не озаботился ее восстановить. Справедливости ради надо сказать, что связь рвалась довольно часто, так как эти темные крестьяне ну никак не могли не урвать себе кусочек такой необходимой в хозяйстве вещи, как стальная проволока, брошенная военными без присмотра прямо в лесу. Но обычно ее сразу же восстанавливали, а сейчас видимо произошло что-то очень серьезное и очень нехорошее. Поэтому Вальтер и его сублокотенент Влад Цепеску, еще в училище называемый за глаза «вурдалаком», причем не только за сходство имени и фамилии, а еще и за внешний вид — худой как скелет, с впавшими глазами, торчащими в разные стороны зубами, сидели в самой богатой хижине деревни, ибо другого слова этот домишко не заслуживал, и пили местный отвратный самогон. Последние новости недельной давности глухо сообщали о каких-то затруднениях с первоначально победным наступлением в Россию. Не надо было быть сильно умным, особенно после наглядных уроков русских бомбардировщиков, чтобы понять, что «затруднения» добрались уже и до Румынии. В горницу неожиданно вбежал аджудан-шеф авиации Стефанеску и, вытянувшись, доложил о появлении на дороге русских танков и бронемашин. Спотыкаясь о неожиданно неровный пол, офицеры неторопливо вышли во двор, сразу уже уткнувшись взглядом в остановившийся против заборчика громадный русский танк с такой крупной пушкой, что от одного взгляда на уставившийся на них срез ствола оба офицера моментально протрезвели. Из-за танка вывернули и остановились напротив замерших офицеров штабной автомобиль и БТР со счетверенной установкой крупнокалиберных пулеметов. Из автомобиля не торопясь вышел крупнотелый, грозного вида русский офицер в высоком генеральском чине, судя по количеству сопровождающих офицеров и охраны. Оглядевшись, он жестом подозвал одного из адъютантов и что-то сказав, послал его в сторону офицеров. Подойдя поближе, русский улыбнулся и на отличном румынском спросил офицеров, кто они и что это за деревня. Локотенент Марочиняну от неожиданности икнув, ответил. В ответ представившийся лейтенантом Молдаванеску русский офицер осведомился, неужели господа офицеры не слышали о заключенном между Румынией и СССР перемирии и вводе в нее советских войск. Далее он попросил выделить проводника для сопровождения их заблудившейся колонны, добавив, что они спешат в Бухарест. Тут внимание всех присутствующих отвлек непонятный звук, похожий на стрекотание мотора легкого самолета, но сопровождающий странным свистящим звуком. Внезапно из-за крыши ближайшей хаты появился странный летающий аппарат, с вращающимся над корпусом винтом и вторым на хвосте, неожиданно застыл в воздухе и в открывшуюся сбоку дверцу вывалилась веревочная лестница. По ней вниз спустился офицер, придерживавший правой рукой фуражку. Он, пригибаясь, подбежал к русскому генералу и начал что-то докладывать. До румынских офицеров донеслось громкое слово похожее на «маршал». Влад, от всего свалившегося на них, видимо слегка растерявшийся и забывший о субординации, спросил русского переводчика, что это за летающая кофемолка и неужели они видят русского маршала. Улыбнувшись, русский лейтенант объяснил, что зависший над деревней летающий аппарат по-русски называется вертолетом, а маршал которого они видят — командующий советским Вторым Украинским фронтом знаменитый советский

полководец Жуков.

Может быть, он и был знаменит у себя в СССР, но румынам его фамилия ничего не говорила, а вот звание... Оба офицера, переглянувшись, решили удалиться. Но лейтенант напомнил им о проводнике. Тогда Вальтер приказал адъютан-шефу привести знающего местность унтер-офицера. Тот, козырнув, рысью побежал к позиции зениток, а румынские офицеры, предупредив лейтенанта, пошли в хату. Не успели они сделать пару шагов, как раздался рык русского маршала. Русский лейтенант криком попросил их вернуться, а сам стремительно пошел к маршалу. Вернувшись, он пояснил, что маршал некуда их не отпускает пока не появится проводник. К счастью для офицеров, подошел адъютан-шеф с капралом Романешту. Последний и был представлен русским как проводник. Русские быстро снова сформировали колонну и отправились в сторону большой дороги. А офицеры, облегченно вздохнув, позвали с собой третьим адъютан-шефа и продолжили пьянку.

Маршал Жуков, прибывший в Бухарест с большим опозданием, был ужасно зол. Если бы это было в ту войну, то начальник колонны комендант штаба капитан Жмуриков уже рассматривал бы направленные на него стволы винтовок.

Увы, попытки таких действий были на корню пресечены членом военного совета фронта Георгадзе, млять, законником. Словно и не был он раньше сотрудником НКВД, бериевским жандармом, его м... Как можно командовать войсками, не имея возможности расстрелять труса и паникера, неудачника и дурака, более вредного своим войскам, чем противнику? Мысли Жукова были написаны на его лице крупными мазками и комендант постарался сразу скрыться с глаз разгневанного шефа. Ему это не слишком помогло и уже через два часа он собирал вещи, получив назначение в передовой отряд фронта.

Германия. Берлин.

Собравшиеся на Унтер-ден-Линден берлинцы молча и внимательно следили за проходящими по улице частями Советской Армии. Только вчера был окончательно подписан мирный договор и согласно его условиям в Берлин входили части 5-й механизированной армии Белорусского фронта. Впереди проехали несколько легких бронетранспортеров с разведчиками, затем подъехали и заняли свои места русские регулировщики. За ними проследовала длинная колонна танков и бронетранспортеров. Впереди каждого подразделения двигалось несколько легковых вездеходов с солдатами и офицерами. После, казалось, нескончаемых колонн танков и мотопехоты, появились автомобили и тягачи с орудиями. Зрители, видевшие ранее на парадах части вермахта, были поражены порядком и четкостью прохождения колонн русских войск. За несколько часов прохождения ни одна машина не отказала, ни один танк не остановился из-за технических неполадок. Но больше всего поразили немцев русские танки. Огромные, со сплюснутыми гладкими башнями, из которых торчали длинные крупнокалиберные орудия, непередаваемо мощные даже на вид, танки шли на расстоянии не более полуметра борт от борта. Это шла сила, равной которой немцы никогда не видели, шла красиво и грозно, напоминая, что бороться против нее бесполезно.

Зрители, молча или тихо перешептываясь, стояли, пока не прошел последний автомобиль. А в здании рейхстага тем временем русскую делегацию встречали представители немецкого правительства и привезенные из санатория, куда их поместили после освобождения из тюрьмы, сотрудники советского посольства. Вместе с командующим Белорусским фронтом маршалом Тимошенко, другими генералами и представителем Советского правительства министром иностранных дел Молотовым в Берлин из Москвы прибыл Эрнст Тельман. Немалую сенсацию вызвал приехавший вместе с ним Паулюс, постаревший на 12 лет и в мундире генерал-фельдмаршала. Он тотчас же занял должность военного министра переходного правительства.

Через несколько дней в Берлине же состоялся учредительный съезд новой

Национальной Социалистической Единой Партии Германии. В ней объединились коммунисты и большая часть социал-демократов, а также большинство членов распущенной национал-социалистической партии. Отколовшаяся часть бывшей социал-демократической партии воссоздала Социал-Демократическую Партию. Вообще в течение нескольких месяцев число партий в Германии достигло десятка, но реальной силой из них стали всего лишь три — НСЕПГ, Христианско-демократический союз и Социал-демократическая национальная рабочая партия. Временное правительство обещало, что после окончательного решения вопроса с «Мюнхенскими изгнанниками», как стали называть правительство Гиммлера, и «вервольфами» в стране пройдут демократические всеобщие выборы.

Но кроме этих двух осложнений внезапно возникло еще одно...

Германия. Рур.

Англичане, усилив высаженную в Бельгии и Голландии группировку еще пятью пехотными и одной танковой дивизией, перешли границу и начали наступление на Рур. Дезорганизованные немецкие войска, к тому же часто находившиеся под командованием сторонников нацистов и англичан, оказывали слабое сопротивление.

Из советских войск только один 104-й полк 76-й воздушно-десантной дивизии, разбросанный отдельными группами почти по всей территории Рура, мог попытаться задержать наступление англо-немецких войск до подхода подкреплений. Одиннадцатая рота полка успела занять позиции в городе Дюрен, через который проходили железнодорожная и автомобильная дороги на Кельн, пересекавшие в этом месте Маас. Усиленная тремя самоходками АСУ-57 и полувзводом немецких горных егерей из армии резерва с двумя 75 мм горно-пехотными пушками, рота должна была контролировать пограничный с Бельгией район и двигалась в сторону Ахена. Согласно полученным ориентировкам, в Бельгии высадились англичане с подчиненными им бельгийскими войсками, немецкие оккупационные войска перешли на их сторону. Поэтому командир роты капитан Верещагин не очень удивился, получив от встреченных им беженцев на автомобиле сведения о занятии Ахена и деревни Ламмерсдорф частями англо-немецких войск.

Как часто в это необычно холодное лето, погода быстро портилась и скоро вообще могла стать нелетной. Но все равно, связавшись со штабом полка, капитан запросил авиаподдержку и подкреплений, учитывая вероятную возможность боя. Как ему сообщили из штаба полка, авиаторы поддержку обещали, одновременно выслав разведчик Ил-28Р. А вот подкреплений у командира полка не было, хотя он и обнадежил Верещагина возможным прибытием в течение суток передовых эшелонов 28 общевойсковой армии на вокзалы Кельна. Поэтому он просил задержать продвижение англо-германцев на сутки, не начиная первым боевых действий.

Задача была еще та. Особенно учитывая, что по сведениям разведки на Дюрен наступала как минимум английская дивизия. Что же, цели ясны, задачи поставлены, за работу, товарищи.

Первый взвод, усиленный немецкими егерями и пушками, занял оборону на тет-де-поне¹⁸, второй несколькими отделениями прикрыл его фланги за мостом на окраинах города. Третий, вместе с самоходками, оставленный в резерве, предусмотрительно создавал опорные пункты для круговой обороны. На всякий случай, немцев распределили отделениями по позициям взвода, а немецкий командир остался вместе с Верещагиным. Десантники и егеря трудились как проклятые, роя окопы, маскируя огневые точки, приспособливая дома к обороне. Обывателей просили укрыться в бомбоубежищах или эвакуироваться по возможности. К счастью, противник двигался неторопливо, поэтому

¹⁸ Тет-де-пон — укрепление, обороняющее въезд на мост (переправу).

почти все было готово, когда на дороге появились несколько английских и немецких броневиков и мотоциклисты.

Их встретил лейтенант Зорич, командовавший первым взводом, с двумя солдатами, стоя на дороге. Броневики притормозили, затем из одного из них вышли английский офицер и солдат. Неся белый флаг на штыке винтовки, они подошли к группе десантников. Английский офицер с удивлением осмотрел советских солдат и по-немецки заявил, что он от имени командующего Союзными силами генерала Монтгомери и командира 3-й пехотной дивизии генерала Демпси требует капитуляции всех войск, находящихся в городе. На это Зорич через ефрейтора Шмидта, поволжского немца, ответил, что советские войска, занявшие город по договору с законным немецким правительством, не находятся в состоянии войны с британскими войсками и никоим образом капитулировать не собираются. Ошеломленный англичанин сумел только сказать, что должен проконсультироваться с командованием.

Через час англичанин появился снова и заявил Зоричу, что командование Союзных сил считает: «Русские войска должны не вмешиваться в действия союзных войск, находящихся в состоянии войны с немцами, обязаны пропустить эти войска для оккупации ими территории и в качестве гарантии обязаны разрядить оружие и сдать союзникам боеприпасы и тяжелое оружие под охрану».

На эти требования Зорич ответил, что его командование считает их абсолютно неправомерными, оккупация немецкой территории уже произведена советскими войсками, а требование сдачи боеприпасов и разряжания оружия вообще беспрецедентно и не может быть принято. В ответ англичанин заявил, что в случае отклонения требований командования Союзных сил они будут вынуждены применить силу. На размышление дается еще полчаса, потом будет открыт огонь. Вина же в этом случае падет на упрямство некоторых командиров, не желающих видеть очевидного.

Через полчаса на позиции десантников обрушился огневой налет 25 фунтовых пушек-гаубиц. Под его прикрытием в атаку устремились несколько броневиков, пара немецких «троек» и цепи английской пехоты. Подпустив их поближе, десантники открыли плотный автоматнo-пулеметный огонь, в треск которого вплелись более громкие выстрелы германских винтовок 33/40 и резкие хлопки стреляющих РПГ. Через несколько мгновений один танк уже пылал, два броневика замерли неподвижно и лежащие неподвижно или дергающиеся тела убитых и раненых устилали землю перед позициями. Опять повторился огневой налет, опять атака и снова десантники отбили ее.

Постепенно из-за потерь огонь обороняющихся ослабевал и они вынуждены были оставить разбитые артиллерийским огнем передовые окопы. Оба орудия подбиты, потери среди егерей были не меньше, чем среди десантников.

Верещагин перебросил через мост еще два отделения и одну самоходку. Одновременно англичане попытались форсировать реку правее позиций, но их лодки были потоплены огнем АСУ.

К вечеру к разгорающемуся побоищу англичане подтянули полную 185 пехотную бригаду и еще один дивизион полевой артиллерии. Но в короткий период лётной погоды русские вызвали бомбардировщики, сумевшие нанести атакующим и особенно их артиллерии большой урон. Попытки английских «Спитфайров» прикрыть свои войска окончились полной неудачей. Бомбардировщики легко ушли от них, даже не форсируя моторов, да еще и сбили несколько своими пушками. Мощное пушечное вооружение и маневренность русских бомбардировщиков не дали английским истребителям, вооруженным только пулеметами, никаких шансов.

Ночь прошла под грохот английских орудий, а с утра опять пошла в атаку английская пехота. Бои шли за каждый дом, за каждую квартиру. Англичане несколько раз отступали и смогли полностью овладеть городом после ввода резервного батальона Королевского Норфолкского полка. Командир батальона, майор Питер Барклай был вынужден лично подгонять идущих в атаку пехотинцев, так подействовало на англичан открывшееся им

кровавое зрелище.

Среди горящих домов, валяющихся трупов и взрывов гранат семеро оставшихся десантников и последняя оставшаяся самоходка с экипажем из наводчика и заряжающегося держались против атакующих англичан целый час. Но вот у них кончились патроны, самоходка была подбита из ПТР Бойс и атакующие английские солдаты столкнулись с четырьмя оставшимися в живых десантниками. Недолгая рукопашная схватка, пара взрывов гранат... и гордые англичане тащат своему командиру последнего оставшегося в живых израненного русского десантника.

А с восточной дороги в это время донесся глухой рокот движущихся танков...

В эту ночь решили самураи перейти границу у реки Август 1941/53 г.

Японское море. СССР. Район г. Владивосток.

По старой русской традиции зима и война в России всегда начинается внезапно, особенно в местностях удаленных от Центра и слабо контролируемых начальством. Пока Главнокомандующий Дальневосточным направлением Р.Я. Малиновский находился во Владивостоке, бдительность подчиненных ему войск была на высоте, но его отъезд в Читу привел к всеобщему расслаблению. Даже сведения от патрулировавшей в Японском море патрульной летающей лодки ГСТ обнаружившей прошлым вечером неизвестный конвой не вызвали особой тревоги. Посланные проверить эти сведения два Ту-14 вернулись из-за отказа радиолокатора на одном и проблем с двигателем на втором самолете. Командующий ТОФ адмирал Пантелеев Ю.А. решил перепроверить их несколько позже, отправив днем в этот квадрат еще два Ту-14.

На командном пункте 76-й дивизии ПВО царила предутренняя сонливость. Неоднократные накачки по поводу угрозы японского нападения, как в той поговорке про волка, привели к обратному результату. Первоначальная бдительность сменилась усталостью и апатией, а отсутствие явных признаков нападения подводило всех к мысли, что японцы никогда не атакуют. Все утешали себя мыслью, что получив сведения о разгроме немецко-фашистских войск, японцы не смеют и думать о нападении. Поэтому на крейсере «Калинин» начали ремонт системы управления зенитным огнем, а крейсер «Лазарь Каганович» вообще планировали на следующий день ставить в сухой док.

Вот и на КП царило обычное предвкушение конца дежурства, так как дежурные смены сменялись в семь утра. Уставший после бессонной ночи дежурный по связи капитан Василий Мелешко предвкушал, как вернется домой и завалится спать на весь день, благо жена сегодня не на работе по случаю выходного и даже завтрак греть самому не придется. Внезапно помещения КП заполнил рев сирены. Боевая тревога! Радиолокационный пост и обнаружил приближающиеся многочисленные воздушные цели! С КП немедленно ушел приказ на подъем по тревоге истребительных полков. Загудели сирены в домиках дежурных звеньев, побежали к самолетам летчики и механики.

Адмирал Тюити Нагумо, стоя на мостике авианосца «Акаги», молча смотрел на разворачивающуюся в предрассветном сумраке, слегка подсвеченным палубными огнями, суету на полетной палубе. Поднятые из ангара торпедоносцы и бомбардировщики, облепленные суесящимися как муравьями людьми, один за другим занимали предписанные места, готовясь к взлету. Авианосец плавно завершил разворот на курс, идущий против довольно свежего ветра, увеличил скорость хода и первый бомбардировщик, ревя мотором, тяжело оторвался от палубы. Один за другим тяжело нагруженные одномоторные самолеты типов 97 и 99 отрывались от палубы, становясь в круг над авианосцем, сбивались в стаю, готовую обрушить на этих северных варваров, вероломно нарушивших недавно заключенный договор о ненападении, стальной дождь возмездия. Тенно хейка банзай! Один

раз японцы уже проучили их, но им мало, и теперь они вынуждают дать им еще один урок. Но в глубине души, тщательно скрываемая от всех, адмирала не покидала уверенность, что все это неправильно. Не буди северного медведя, лучше накажи хитрых заморских гайдзинов, держащих Ниппон за горло своими ресурсам. Особенно беспокоили адмирала сообщения от истребителей, полученный накануне вечером, об ускользнувшей от них неизвестной гигантской летающей лодке. Ведь если русские их обнаружили, внезапного удара не получится. Но сигнал, принятый недавно «Восходите на гору Ниитака 1238» требовал выполнения плана.

Шесть тяжелых авианосцев «Акаги», «Кага», «Хирю», «Сорю», «Дзуйкаку» и «Секаку» подняли для удара по Владивостоку 193 самолета первой волны под командованием капитана 2 ранга Мицуо Футида. Впереди шли группы истребителей Мицубиси тип Ноль, предназначенные для доразведки целей, за ними клиньями, подобно птичьим стаям, летели пикирующие бомбардировщики и бомбардировщики-торпедоносцы, часть из которых несла торпеды.

Ускользнув от поднятых в воздух самолетов дежурного звена и первой эскадрильи, на аэродром Сухая речка неподалеку от Владивостока сумела прорваться часть вражеских самолетов, идущих на малой высоте. Аэродром, закрытый после конфуза с атаковавшими его во время Корейской войны американцами. Но сейчас на нем снова базировался развернутый резервный истребительный полк на самолетах Як-9У.

Вынырнув из-за сопки, маленькие маневренные истребители сразу начали обстреливать аэродром и позиции охраняющих его зенитчиков. Вслед за ними появились одномоторные легкие бомбардировщики, свалившиеся в пикирование на стоянки самолетов. Но зенитчики встретили их ливнем свинца из счетверенных зенитных пулеметов, навстречу налетчикам потянулись частые трассеры 37 мм зениток, а по взлетке, огибая воронки, один за другим вырливали и поднимались в воздух остальные самолеты полка. И все, только что намечавшийся успех закончился практически разгромом. Набирая высоту, истребители русских успевали нагнать и обстрелять противника. Пятнадцатая ударная эскадрилья с авианосца «Секаку», возглавляемая капитаном третьего ранга Какуичи Такахаси, придумавшего этот неожиданный и почти удавшийся маневр, пыталась избежать полного разгрома, но даже уистребители русских атаковали их с пикирования, набирали высоту и опять атаковали. 5-я истребительная эскадрилья капитан-лейтенанта Тадаши Канеко безуспешно пыталась противостоять русским — все шесть ее самолетов один за другим были сбиты. Не помогла отвлекающая атака 16-й эскадрильи с «Дзуйкаку», зря капитан-лейтенант Акира Сакамото повел ее на верную смерть.

Атака на Владивостокский порт эскадрилий под командой капитана второго ранга Футида прервалась, даже не начавшись. Советские истребители безнаказанно расстреливали пытавшихся уйти на полной скорости бомбардировщики и торпедоносцы. Даже легкие и маневренные истребители тип Ноль, известные в нашем мире под англоязычным названием Зеро, ничего не могли поделать против неожиданно атакующих пушечным огнем с большой дистанции и мгновенно уходящих от огня вертикальным маневром летающих труб. Понесшие большие потери японцы спаслись потому, что русские внезапно вышли из боя. Японцы не знали, что боекомплект советского Мига составлял всего лишь сорок тридцати миллиметровых и сто шестьдесят (по восемьдесят на каждую) двадцати трех миллиметровых снарядов для пушек. Неопытные летчики стреляли слишком длинными очередями, боекомплект заканчивался относительно быстро и офицеры управления приказали летчикам выходить из боя.

А с аэродрома Воздвиженка уже спешили тяжелые крылья возмездия. Отряд опытных самолетов Ту-4КС, переброшенных на Дальний Восток после получения известий о возможности японской агрессии, впереди которого летели несколько дальних разведчиков Ту-4Р, нес под крыльями сюрприз для ничего не подозревающих японцев. Для поддержки их атаки морские авиаторы подняли и 567 минно-торпедный авиаполк. 38 его «тушек» несли по 2 торпеды, часть из которых была реактивными.

СССР. Граница в районе г. Хабаровск.

Повышенная боеготовность, введенная после получения информации о возможности японского нападения, не могла поддерживаться долго. Вот и в расквартированных под Хабаровском в Волочаевске 35-й стрелковой и 3 гвардейской механизированной дивизиях жизнь постепенно входила в прежнее спокойное русло, когда командующий 5 гвардейским стрелковым корпусом получил от пограничников сведения о непонятных шевелениях по ту сторону границы. Одновременно из штаба округа в Хабаровске прибыл начальник политотдела с задачей проверки готовности корпуса. Поэтому, не дожидаясь дополнительных указаний, генерал-полковник Павловский тихо поднял дивизии по тревоге и вывел в районы рассредоточения. Вот так и получилось, что на участке отвлекающего наступления 24-й пехотной дивизии на Хабаровск ее уже ждали готовые, накаченные до потери пульса и заинструментированные до потери сознания войска, только и ждущие возможности пострелять по коварному врагу.

Лейтенант Игорь Шимский к своему собственному удивлению был совершенно спокоен. Обычно накануне и во время любого учебного боя его буквально трясло от волнения, а сейчас, перед реальным, грозящим гибелью, он абсолютно невозмутим. Его взвод, усиленный расчетом ротного пулемета, занял позиции в тайге. В 35-й дивизии практически все взводы имели современное вооружение, но взвод Шимского был перевооружен еще не до конца. Поэтому вместе с современными СКС и РПД у него во взводе еще имелся ДПМ и пистолеты — пулеметы ППС взамен положенных по штату АК-47. Признаться, лейтенант был даже рад этому, поскольку АК считались секретными и бумажная возня с оформлением их приемки — выдачи была ужасной. А если не дай бог, потеря или захват противником — это вообще полный беспредел. В лесу же ППС почти не уступал АК, несмотря на более слабый патрон.

Начало наступления было стандартным для японской армии на лесистой труднопроходимой местности. Пока артиллерия огнем пыталась подавить оборону противника на участке сковывающего наступления, небольшие группы пехотинцев и кавалеристов из разведывательного полка просачивались через тайгу, стремясь проникнуть вглубь обороны русских. Пробирающиеся через густые заросли кустарника, переплетенного лианами лимонника, среди высоких кедровых стволов, по густой чаще дальневосточной тайги, по проходимости немногим отличающейся от джунглей, японские отряды внезапно наткнулись на убийственный пулеметный огонь русских засад. Казалось, каждый русский имел на вооружение ручной пулемет, такой была плотность огня. Даже попытки дойти до рукопашного боя пресекались русским огневым шквалом и гранатами. Иногда пехотинцы пытались использовать свои легкие 50 мм минометы типа 11 и 98, но среди деревьев их мины часто взрывались, задевая ветки и не долетев до цели, представляя опасность для самих стреляющих.

Взвод Шимского, расположенный, казалось бы, на местности, не слишком подходящей для наступления оказался как раз на пути одного из просачивающихся взводов японской пехоты. Пока часть японцев огнем пытались обнаружить и сковать позиции Шимского, несколько их отделений устремились в обход. Но не на тех напали! Левый фланг взвода прикрывал практически непроходимый овраг и попытавшиеся пробраться по нему японцы были легко расстреляны секретом из снайпера с винтовкой Мосина и двух солдат с СКСами. На правом же фланге все подходы перекрывали грамотно расположенные засады из нештатных, организованных лейтенантом, троек. Обычную тройку составлял автоматчик и два стрелка с СКСами. Кроме того в некоторых местах обороняющиеся успели установить противопехотные мины, которые лейтенанту удалось получить по блату на складе артвооружения полка.

Сковывающая атака, проводимая 89-м пехотным полком на более открытой местности

севернее, ближе к железной дороге, тоже не привела к успеху. Несколько танкеток тип 94 пытавшихся поддержать наступающую пехоту, с трудом преодолев тяжелую таежную местность, подорвались, наткнувшись на противотанковое минное поле, или были подбиты огнем русских противотанковых пушек. Атакующая пехота залегла под огнем множества пулеметов, в том числе и крупнокалиберных и артиллерии. Японский же 42-й полевой артполк, имевший на вооружении только 75 мм пушки был быстро подавлен огнем превосходящей русской артиллерии. Еще бы, по его позициям стреляли 85 и 100 мм пушки, 122 мм гаубицы двух дивизионных артполков и 152 мм пушки-гаубицы корпусного артполка.

Довершил дело налет штурмовиков Ил-10М из 26 гвардейского полка. Простурмовав тылы и артиллерию дивизии, они случайно накрыли и перемешавшийся ближе к боевой линии штаб дивизии. Большинство штабных офицеров так и остались среди горящих машин «Куроган», среди них и командир дивизии генерал-лейтенант Наяши Гицу. Он получил свое почетное место в храме Ясукуни.

Лишенная управления, понеся большие потери, дивизия не смогла противостоять контратаке русских и была рассечена на десятки мелких групп. Но каждая группа дралась до последнего. Солдаты и офицеры доблестной Квантунской армии точно следовали духу бусидо, предпочитая почетную смерть в бою презренному плену. Приходилось буквально выковыривать их с позиций, применяя огнеметы и огонь прямой наводкой танков и самоходок. Неплохо показали себя и трофейные 70 мм батальонные пушки. Их применяли для стрельбы прямой наводкой на танконедоступной местности. Одну из таких пушечек с боезапасом захватили и солдаты лейтенанта Шимского. Лейтенант лично и еще один сержант стали расчетом пушки, с успехом расстреляв из нее не одну пулеметную точку, замаскировавшуюся в тайге.

Бои продолжались даже когда основные силы русской армии уже дошли до Пекина. Некоторые группы японцев сдались уже после капитуляции всей Квантунской армии.

Японское море.

Развернувшиеся для встречи возвращающихся самолетов против ветра, авианосцы шли курсом на север, приближаясь к цели нападения. Так облегчался обратный путь и посадка самолетов. В данном случае адмирал Нагумо не был уверен в правильности этого маневра, но и не отдавал приказа о смене курса. Судя по радиодонесениям летчикам сильно досталось над целью, поэтому, несмотря на возможность неожиданных действий русских, Тюити Нагумо приказал всего лишь усилить наблюдение за морем и воздухом, поднял в воздух дополнительные группы истребителей из неотправленного второго эшелона и продолжил движение ударной группировки. Конечно, у этих русских могли оказаться еще какие-нибудь непредвиденные козыри в рукаве, но спасти элиту морской авиации сейчас было важнее. Остатки первого эшелона уже садились на авианосцы, пропуская вперед поврежденные или с малым остатком топлива самолеты, когда всплывшие подводные лодки завесы доложили об обнаруженных скоростных воздушных целях.

Барражирующие на удалении 20 миль истребители Мицубиси Ноль обнаружили приблизившегося противника слишком поздно.

— Это воздушные торпеды¹⁹! Перехват невозможен — слишком велика скорость! —

¹⁹ Обычное в фантастике 30-40-х г.г. название управляемых крылатых ракет. В данном случае имеются ввиду крылатые ракеты (самолеты-снаряды по тогдашней терминологии) КС. Дальность пуска по полигонным данным 60–65 км, максимальная 80 км. Наводились по лучу самолетной РЛС, при этом самолет сближался с целью на расстояние до 40 км. Каждый Ту-4КС мог нести по две такие ракеты, но первоначально осуществлялись пуски лишь одной ракеты на одну цель, чтобы не было взаимных помех головкам самонаведения. Но в бою, как известно, наставления легко забываются.

Первый пуск предсерийной ракеты КС с Ту-4КС состоялся 22 ноября 1952 г экипажем капитана

успел доложить комэска четыре капитан-лейтенант Сумио Ноно. Тотчас же в корабли начали попадать маленькие скоростные летающие бомбы, а тяжелые четырехмоторные бомбардировщики русских уже отворачивали, увеличивая скорость и высоту.

Авианосцы пытались рассредоточиться. 1-я эскадра и 7-й дивизион эсминцев открыли зенитный огонь в сторону приближающихся воздушных торпед, стремясь создать барраж на их пути и прикрыть авианосцы и линкоры «Хийей» и «Киришима». Оказавшийся прямо на пути полета воздушных торпед легкий крейсер «Абукума» пробовал увернуться, развивая зенитный огонь максимальной плотности. Но, к несчастью, было уже поздно. Одна из воздушных торпед, словно притянутая кораблем, отмечая свой след видимым факелом ракетного двигателя, спикировала прямо в центр его корпуса. Через секунду в районе кормовой надстройки вырос столб взрыва от попадания еще одной воздушной торпеды. Другая воздушная торпеда взорвалась в море неподалеку от эсминца «Татикадзе», похоже поврежденная его зенитками. Еще несколько воздушных торпед прошло мимо целей или было сбито и повреждено зенитным огнем. Но и оставшихся было достаточно. Сразу несколько из них вошли под разными углами в борт и палубу авианосца «Дзуйкаку», вызвав своими взрывами пожары, детонацию топлива и боеприпасов подготовленных самолетов второго эшелона и возгорание севших на палубу и даже убранных в ангары самолетов первого эшелона. Еще одна повредила авианосец «Сёкаку», вызвав пожар в хранилище авиатоплива. Две или три, сколько точно, никто так и не успел заметить, воткнулись в эсми́нец командира 7-го дивизиона капитан-лейтенанта Кана́ме О́ниши Акебо́но, превратив его в груды быстро тонущего железа. Но эта жертва оказалась не напрасной — эсми́нец прикрыл собой флагманский авианосец «Акаги».

Однако же расстояние, скорость и высота русских бомбардировщиков, были достаточны для перехвата истребителями Зеро. Но тут японцы обнаружили, что вооружение этих гигантских четырехмоторных бомбардировщиков куда лучше, чем у атакующих их истребителей. Русские открыли плотный пушечный огонь на таком расстоянии, что у японцев не осталось никаких шансов не то, чтобы подбить, но даже и попасть даже в эти огромные мишени. Даже несколько истребителей, которым до сбития удалось подобраться вплотную к русским самолетам сумели всего лишь нанести им незначительные повреждения.

Пытавшиеся перехватить русские бомбардировщики истребители пропустили другую опасность — с противоположных курсовых углов на небольшой высоте к японцам стремительно приближались несколько десятков скоростных ракетных торпедоносцев. Пока японские истребители пытались вернуться, а японские корабли — открыть огонь по внезапно появившейся новой опасности, русские снизились, и группами на разной скорости и высоте устремились в атаку на авианосцы и тяжелые крейсера. Скорость и высота летящих на малой высоте самолетов была достаточна для систем управления даже первой половины сороковых годов, поэтому атакующие самолеты шли сквозь огонь буквально как сорок восемь самураев, заслужив несколько одобрительных восклицаний японских офицеров. Но и зенитный огонь предельной плотности не мог остановить атакующие торпедоносцы. Потеряв несколько машин, они сбросили свои торпеды и с ревом пронеслись над палубами японцев, поливая их очередями снарядов из 20 мм курсовых и кормовых пушек. Один самолет, получив повреждение в последний момент, не смог выйти из атаки и врезался в борт линкора «Хийей». Поспешно переключившиеся на японские корабли имели шансы увернуться от обычных торпед, но русские и тут применили очередную новинку. Судя по сумасшедшей скорости, часть их торпед тоже имело реактивные двигатели. От этих торпед, после приводнения мчащихся на невероятной скорости, увернуться у громадных целей типа

Никольского, а в 1953 г систему «Комета» приняли на вооружение...Первые самолеты Ту-4КС поступили в авиацию ЧФ в 1953 г. Изучение возможностей «Кометы» началось в июне 1953, когда в авиации ЧФ на аэродроме Гвардейское сформировали отдельную специальную учебно-тренировочную часть²⁷. После того, как были получены положительные результаты, приняли решение спецчасть²⁷ развернуть в авиационный полк. Авиация и Космонавтика, N32, 1997 г.

авианосцев не было никаких шансов. Получив в борт не менее шести таких торпед, обреченно завалился тяжелый крейсер «Тикума». Поврежденный ранее «Секаку» тоже не смог увернуться и получив порцию торпед, начал тонуть. Попадания были и в оба крейсера. И только «Акаги», как заколдованный, продолжал оставаться практически невредим, имея лишь легкие повреждения от попадания примерно полусотни 20 мм снарядов.

Уходящие русские торпедоносцы развили полную скорость, молниеносно уходя в высоту от приближающихся истребителей. И лишь некоторым из них не повезло. Один из самолетов с двигателем, похоже поврежденным зенитным огнем, не смог развить большой скороподъемности. Успевший поймать его в прицел командир 1 эскадрильи с авианосца «Кага» капитан-лейтенант Ясуши Никейдо сумел отомстить за свой авианосец, поразив русского длинной, почти на весь боекомплект, очередью из всего бортового оружия.

Разгром был потрясающий. Адмирал Нагумо, чье истинное состояние можно было определить лишь по чуть более высокому тону голоса, которым он отдавал команды и побелевшим костяшкам вцепившихся в ограждение мостика пальцев рук, обдумывал наиболее удобный момент для совершения сеппукку. Конечно, что он всегда был против данной операции, но его честь не позволяла перенести такой разгромный результат живым. Недоверие к донесениям из Европы и данным разведки, проявленное военно-морским министерством стоило флоту лучших летчиков и кораблей.

Но сейчас более неотложными были спасение того, что осталось. А ведь менее чем через сутки метеорологи обещали сильный шторм, который в случае успеха стал бы дополнительным прикрытием отходящей группировки. Теперь же надо было успеть спрятать от него поврежденные корабли...

СССР. Южный Сахалин

В самом удобном для высадки десанта районе, между городками Анива и Корсаков, сразу после Катаклизма 23-я пулеметно-артиллерийская дивизия развернула, в дополнение к уже имевшимся, несколько позиций подвижных 100 мм береговых орудий и множество пулеметных точек. Для усиления противодесантной обороны были заминированы удобные пляжи. Готовясь к боям, командование выселило вглубь острова мирное население. В том, что бои будут, сомневающихся почти не было, особенно после сообщения о переносе в сорок первый год. Никому не надо было объяснять, что будут делать самураи, потеряв Южный Сахалин сразу после заключения договора о ненападении. Поддержанию высокой бдительности помогали частые попытки японских самолетов и кораблей прорваться к острову. Их отгоняли дежурные корабли и самолеты. Поскольку часть кораблей, бывшая в море, при Катаклизме исчезла, на патрулирование отправляли все, что возможно. Так среди патрульных кораблей оказались и спешно мобилизованные сейнеры с установленными на них со складов пушками и пулеметами. Большинство из них не имело даже сонаров. Зато доклад командованию о наличии патрульных сил выглядел внушительно. Вот и сейнер типа РТ-57, старой, еще довоенной постройки, получивший при мобилизации имя Буран, тоже бороздил просторы залива Анива. По планам предполагалось, что он составляет второй эшелон патрулирования. Но на корабле не знали, что патрульный корабль первого эшелона из-за внезапной поломки в машинах вынужден был вернуться в Корсаков, поэтому из-за увеличенного района патрулирования остальных кораблей японская подводная лодка И-10 прорвалась в залив. А сообщить об изменениях на Бурю почему-то никто не удосужился. Наблюдатели на корабле, следившие в основном за воздухом, пропустили в предутренней дымке мелькнувший бурун от перископа. Позже один из них заметил и перископ, и след торпеды, но было уже поздно.

Капитан И-10, Ясушика Кашихара, был доволен, обнаружив шедший на небольшой скорости русский корабль явно гражданских очертаний с военно-морским флагом. Подлодка уже выполнила свою задачу, осмотрев состояние гаваней Корсакова и Анивы и сейчас

должна была всплыть, чтобы передать их по радио.

— Приготовится к торпедной атаке. Первый, второй, третий аппараты товсь! — скомандовал он, получив сведения о завершении расчета торпедного треугольника:

— Стреляем носовыми, угол растворения один градус, интервал между выпуском шесть секунд, последовательность: первый, третий, второй... Пуск!

Из трех торпед в цель попала одна. Старенькому сейнеру вполне хватило мощности взрыва ее боеголовки, рассчитанной на поражение крупного военного корабля. Напрасно всплывшие подводники обшаривали взглядом морскую даль, стремясь заметить хотя бы какие-то признаки выживших русских — спасшихся не было.

Потеря связи с патрулировавшим «Бураном» не успела еще привлечь внимание командование, как от патрулировавшей летающей лодки ГСТ, а затем от СКР 230 пришли сообщения о конвое, направлявшемся в сторону Сахалина. Судя по донесению ГСТ, сбитой атаковавшими ее японскими истребителями, в конвое имелся как минимум один легкий авианосец и два-три тяжелых крейсера. СКР же донес о встреченном им охранении из трех эсминцев и легкого крейсера. Встреченный противник превосходил СКР по скорости и вооружению, но советский корабль принял неравный бой. Примерно через полчаса радисты на Сахалине приняли сообщение: «Погибаю, но не сдаюсь».

Подошедший к берегам Сахалина конвой, под командованием вице-адмирала Набутаке Кондо, включавший авианосец «Рюдзё», линкоры «Конго» и «Харуна», тяжелые крейсера «Могамы» и «Микума», легкий крейсер «Юбари» и эсминцы охранения, должен был высадить на берег 25-ю армию из двух дивизий под командованием одного из лучших японских генералов Ямасита Томоюки. Линкоры и крейсера предполагалось использовать для обстрела береговой обороны русских, авианосец нес группу истребителей для воздушного прикрытия. Кроме того, для бомбардировок с воздуха были выделены два бомбардировочных полка на новейших скоростных бомбардировщиках Накадзима «Донрю».

Но, как обычно во время войны, планы резко отличались от того, что получилось в итоге. Как отметил герой одного популярного фильма: «Это не факт. Это больше чем факт. Так оно и было на самом деле». На самом деле подходивший к берегу конвой был атакован реактивными бомбардировщиками. Конечно, бомбардировка движущихся кораблей не слишком эффективна, но и тут русские устроили еще один сюрприз. Их бомбардировщики (это были Ил-28) применили неожиданный прием бомбометания, сбросив бомбы на небольшой высоте и скорости не на сами корабли и суда, а неподалеку от их борта. Этот прием, известный под названием топмачтовое бомбометание, для сорок первого года был неожиданной новинкой. Скрикошетиравшие от воды бомбы летели прямо в борт корабля. Два судна и один миноносец, получившие попадания бомб, затонули. Повреждение получил и линкор «Конго». Истребители с «Рюдзё» тщетно пытались перехватить атакующие бомбардировщики русских. Один из летчиков, командир звена Сабура Сакаи невзирая на огонь, подобрался к бомбардировщику на прицельную дальность и повредил его. Ответным огнем был сбит ведомый, а на самолете Сакаи разнесено вдребезги остекление фонаря. Осколками остекления попавшими в лицо, Сакаи тяжело ранило, практически ослепило. Однако летчик сумел почти вслепую удержать свой «Ноль» в воздухе, вернуться и совершить посадку на авианосец.²⁰

Корабли, развив максимальный темп зенитного огня, сумели подбить и повредить несколько русских бомбардировщиков, которым приходилось для выполнения своего приема лететь на небольшой высоте и скорости.

²⁰ Реальный случай, происшедший с Сабура Сакаи в бою. Приняв, в горячке боя, «Даунтлесли» за «Уайлдкэты», Сакаи вместе со своим ведомым атаковал с задней полусферы восемь пикировщиков. Бортовые стрелки американских самолетов немедленно открыли ответный огонь. Пока Сакаи расстреливал один из бомбардировщиков, его самого тяжело ранило осколками в лицо, что повлекло почти полное ослепление. Однако летчик сумел почти вслепую удержать свой «Зеро» в воздухе, положить его на правильный курс и совершить обратный перелет — почти 600 миль над морем.

Попытка же налета японских бомбардировщиков закончилась очередной неудачей — русские истребители отбили их атаку. Максимальной скорости в 450 км/час и вооружения из одной 20 мм пушки и шести пулеметов оказалось недостаточно для того чтобы на равных противостоять русским реактивным истребителям. Потеряв почти половину самолетов, бомбардировщики безрезультатно вернулись на базу.

Приблизившие к берегу на 100 кабельтов тяжелые крейсера, линкоры «Харуна» и поврежденный, но не потерявший боевых возможностей «Конго», открыли огонь главным калибром по берегу, стремясь подавить огонь береговых батарей русских. Русские практически не отвечали. После непродолжительного обстрела корабли подошли на более близкое расстояние и сразу же были обстреляны русской береговой батареей. Но четыре 100 мм пушки не могли долго противостоять сосредоточенному огню четырех тяжелых кораблей и замолчали. Зато едва первая волна десантных лодок устремилась к берегу, как батарея ожила и вместе с открывшими огонь замаскированными и притаившимися полевыми батареями русских изрядно проредила атакующих. Лодки с десантом повернули назад. В это время над японцами вновь появились русские истребители и бомбардировщики, добавившие хаоса и разрушений. Стало ясно, что операция не удалась, к тому же погода, в точном соответствии с прогнозом, начала портиться и генерал Ямасира решил на отступление.

Еще несколько судов было потеряно от атак русских самолетов, получил повреждение крейсер «Юбари» и только нелетная погода спасла конвой от полного разгрома. Пробираясь сквозь шторм, конвой с трудом добрался до Хакодате.

СССР. Остров Полонского.

На этом близком к Японии острове дислоцировались всего рота и батарея из состава 9 пулеметно-артиллерийской дивизии, а также пограничная застава численностью до отделения пограничников. Большие силы держать на острове посчитали нецелесообразным, он не представлял особой стратегической ценности в отличие от более крупного, расположенного рядом Шикотана.

Но японцы, планируя возврат Курил, решили создать на этом острове опорную базу. С ее помощью они убивали сразу двух зайцев — рассекали оборону южных Курил на два изолированных участка и получали великолепный аэродром подскока и военно-морскую базу прямо в сердце русских позиций. Кроме того, на этом острове еще в начале сороковых был создан скрытый подземный аэродром. Имелась надежда, что русским обнаружить его не удалось.

Для захвата не слишком большого острова был выделен десантный отряд флота и усиленный полк из состава 7-й пехотной дивизии. Конвой в составе тяжелых крейсеров «Кинугаса», «Како», «Аоба» и «Фурутака», минного заградителя «Цугару» и двух транспортов в охранении четырех эсминцев, подошел к острову одновременно с атакой авиации на остальные острова Южных Курил. Поэтому над островом не было ни одного русского самолета, а эскадрилья японских бомбардировщиков безнаказанно отбомбилась по замеченным русским позициям. Но русские сумели хорошо замаскировать свою артиллерию и шесть их 85 мм пушек открыли огонь по приблизившимся к берегу кораблям. Они даже смогли нанести серьезные повреждения крейсеру «Аоба», добившись попадания в кормовую башню главного калибра и уничтожив катапульту. Конечно, долго продержаться против двадцати двух восьмидюймовок и шестнадцати стодвадцати миллиметровок крейсеров батарея не могла. Но одобрительный кивок от вице-адмирала Сигэёси Иноуэ героические русские артиллеристы заслужили.

После подавления батареи к берегу устремилась первая волна десантных катеров «Дайхатцу» с моряками Специальных Десантных Морских Частей. Одно из орудий ожило и до того как замолчало под сосредоточенным огнем крейсеров «Како» и «Фурутака», успело потопить один и повредить пару катеров.

Высаживающиеся моряки попали под внезапный и мощный огонь русских пулеметов и залегли прямо у кромки прибоя. Стоящие на катерах крупнокалиберные пулеметы и 25 мм пушки пытались подавить огонь русских, но создавалось впечатление, что пулеметами вооружены все русские солдаты. Поэтому высадившиеся вызвали огонь крейсеров и минного заградителя. Подойдя насколько возможно ближе к берегу и став на якорь, японцы открыли прицельный оружейный огонь. Понятно, что имелся риск потерь от дружественного огня, но иначе русских было не подавить. При поддержке артогня десантники сумели захватить несколько клочков берега, на них высадились дополнительные силы, в том числе пехотинцы и 70 мм батальонные пушки. Силы атакующих росли, русские продолжали сопротивление, постепенно слабевшее из-за потерь. Медленно и методично высаживающиеся японцы овладели всем побережьем, уцелевшие русские отошли в глубине острова. Их преследовали вновь высадившиеся роты, так как первый и второй эшелоны десанта понесли огромные потери. К концу дня практически все русские были убиты или ранены. Раненных, взятых в плен и молчавших во время допросов, из уважения к их мужеству убили офицеры морской пехоты и армии, зарубив катанами.

Трофеями японцев стали несколько десятков исправных пистолетов-пулеметов, самозарядных карабинов и пулеметов оригинальной конструкции. По одному образцу захваченного оружия и найденных боеприпасов отправили на десантном судне «Акитсумару», на который загрузили раненных, в метрополию.

Всю ночь пехотные патрули прочесывали остров. Несколько раз в полной темноте разгорались короткие, но жестокие перестрелки с уцелевшими русскими солдатами. Некоторые были убиты, двое подорвали себя гранатами, а трое были захвачены в плен. Один из встреченных патрулем русских попытался сдаться в плен, но был зарублен обозленным его трусостью унтер-офицером Кобаяси. Допрос и казнь пленных отложили на утро.

Утром погода испортилась и стало ясно, что ни самолетов, ни транспортов из метрополии ждать не стоит. Под штормовым ливнем японцы поспешно обустроивались, разворачивая палатки и раскапывая разрушенные землянки русских. Легче было тем подразделениям, которые ушли вглубь острова. Они смогли с комфортом расположиться в небольшом военном городке, оставшемся после русских. Корабли, которые должны были вернуться на базу, из-за шторма задержались около острова, укрываясь в его бухтах.

Утром третьего дня саперный отряд армейцев нашел-таки изрядно заросший вход в подземный аэродром. Оказалось, что вход был разрушен подземным взрывом и саперы начали тяжелые раскопки. Для ускорения работ им придали еще две пехотные роты. Шторм затих и предполагалось, что на следующий день самолеты уже смогут летать, поэтому часть саперов вместо раскопок приступила к расчистке посадочной площадки на равнине в центре острова.

Погода немного улучшилась и корабли поддержки уже могли отправляться в путь, но полученный приказ задерживал их у острова до прибытия транспортов с зенитными и береговыми орудиями. Общеизвестная слабость русского флота не могла помешать русским под прикрытием авиации, чьи силы испытали на себе уже все остальные группы японских войск, попробовать отбить остров, высадив морской или даже, чем не шутят западные демоны, воздушный десант. Поэтому группа кораблей должна была временно усилить оборону острова.

Работы на острове были в самом разгаре, когда над ним пролетело два русских скоростных и высотных самолета, очевидно разведчика. Однако после их пролета больше никаких действий русские не предпринимали. Позднее японцам стало вообще не этого, так как к острову подошли долгожданные транспорты с подкреплением.

А вечером, почти перед заходом солнца над островом появился огромный четырехмоторный реактивный бомбардировщик, сбросивший всего-навсего одну бомбу. Открывшие огонь 75 мм зенитки даже не могли по нему даже прицелиться, так велика была его скорость.

На уходивших от острова кораблях наблюдатели увидели вспышку ярче тысячи солнц,

внезапно возникшую в небе, настолько яркую, что все смотревшие на нее временно ослепли. Затем в том же районе вырос светящийся, напоминающий гриб, столб, а до кораблей долетел страшный, ураганной силы ветер и грохот, кажется совсем не ослабленный расстоянием. С земли к грибу тянулся черный на фоне закатного неба столб, а наверху, вокруг шляпки гриба появилось белое кольцевидное облако. Через некоторое время гриб начал терять форму и медленно опускаться.

Временно пропала радиосвязь, по всем каналам радисты прослушивали только скрежет и писк. После восстановления связи вице-адмирал Сигэёси Иноуэ приказал узнать, что с островом, но радисты так и не получили ни единого ответа ни от доставленных на остров, ни от установленных на транспортах радиостанций. После доклада командованию он получил приказ немедленно уходить от острова. Может быть и поздно, но полученная от китайцев информация по ядерному оружию была принята во внимание японским командованием. Они вспомнили о полученных характерных признаках взрыва и о невидимой смерти, разносимой после него ветром. К несчастью для адмирала, он узнал об этом лишь по возвращении на базу. Поэтому он отправил эсминец «Кикуцуки» к острову для спасения уцелевших. Команде эсминца удалось подобрать около сотни человек, в основном из команд подошедших судов. Все они, как и команда эсминца, попали в госпиталь.

Интерлюдия

Война и Катаклизм, внезапно свалившиеся на СССР, кажется заканчивались благополучно. Советская Армия за счет своего технического превосходства могла разбить и была всех агрессоров. Германия уже подписала прелиминарный мирный договор, война с Японией протекала успешно. С Италией велись переговоры, Румыния была уже оккупирована войсками СА. В Болгарии вспыхнуло очередное коммунистическое восстание, на помощь которому в страну вошли войска 2-го Украинского фронта под командованием маршала Жукова. После бойни в Дюрене на Великобританию оказали силовой нажим и англичане эвакуировали свои войска из Бельгии, Голландии и Норвегии. Вместе с ними в Англию эвакуировалась часть бельгийской бригады генерала ван Страдена и немецкие части под командой генерала фон Фалькенхорста.

Зато положение внутри страны было намного хуже. Вторая война, меньше чем через восемь лет после окончания первой, короткое лето, нехватка рабочих рук, призванных на фронт и новое переключение экономики на военное производство привели к недостатку продовольствия и нанесли очередной удар по сельскому хозяйству. В стране опять ввели карточки на хлеб и хлебопродукты, приходилось забивать часть скота, хотя кормов было в изобилии. Правительство приняло решение использовать часть государственных резервов, созданных в 1950 году. Но даже этих запасов могло не хватить. Поэтому решено было закупить зерно в Аргентине и Канаде через шведских и финских посредников, но тут препятствием стало американо-английское эмбарго. Несколько судов было задержано американцами, которые конфисковали груз зерна. Оставалось брать зерно в побежденной Германии в счет репараций. Еще планировалось после освобождения Маньчжурии получить зерновые и бобовые оттуда. После подсчета всех возможностей стало ясно, что до следующего урожая страна пусть и с трудом, но дотянет. Хуже будет с поголовьем скота, восстановление которого займет несколько лет при самых благоприятных условиях. Пока приемлемых решений найдено не было.

Еще одним, малозаметным со стороны, кризисом стал подспудный конфликт в руководстве СССР. Первоначальный триумvirат из Берии, Маленкова и Хрущева быстро превратился в дуумvirат из Берии и Маленкова. Естественно снижение роли КПСС и лично Хрущева последнему не понравилось и он предпринимал любые меры, чтобы занять прежнее место в триумvirате, а используя опыт Сталина — стать первым. Исподволь он пытался расколоть дуумvirат, перетянув на свою сторону Маленкова и запугав всех остальных

членов вновь созданного Президиума Политбюро возможностью установления единовластной диктатуры Берии. Маленков, рассчитывавший что Берия, возглавив ГКО, займется чисто военными делами, не учел особенностей военного времени, когда практически любая деятельность прямо или косвенно касалась обороноспособности. Поэтому все больше и больше рычагов власти переходило к ГКО, оттесняя на второй план правительство и соответственно самого Маленкова. Его это раздражало, заставляя больше прислушивался к словам Хрущева и Булганина. Переходу конфликта в прямое противостояние мешала война. Кроме того, военные, до этого настроенные критически к представителю карательных органов, так же как ранее ученые, задействованные в атомном проекте, оценили его организаторские способности. Умелое управление войной, способность опираться на компетентных и инициативных подчиненных, решительность, короче все то, что называется талантом управленца, импонировало военным, прекрасно осознававшим способности остальных вождей.

Отсутствие поддержки военных удерживало группу Хрущева от решительных действий. Но тайная, непрерывная борьба все же шла и постепенно до Лаврентия Павловича, ранее считавшего Хрущева своим другом, начинал доходить истинный расклад сил.

Жизнь же КБ, заводов и полигонов текла своим неизменным потоком:

— первый запуск ракеты Р-5 на дальность 270 км 15 марта/2 июля, потом пуск на предельную дальность 1200 км 6 июля, затем еще несколько успешных и не очень пусков.

— работа над сверхдальней и сверхтяжелой Р-7, рассчитанной на доставку термоядерных зарядов.

— успешные боевые испытания сахаровской слойки — термоядерной бомбы, мощностью 300 кТ, сброшенной с бомбардировщика М-4 и разработка новой схемы бомбы, предложенной им же на заседании ГКО.

— первые стрельбы танка Т-54 с системой стабилизации орудия.

— дополнительные средства, отпущенные на достройку линейных крейсеров «Сталинград» и «Москва».

— продолжение испытаний сверхзвукового истребителя СМ-2 и создание на его базе истребителя Миг-19.

Вот только то небольшое, что незаметно для всего остального мира, ковалось в недрах советского военно-промышленного комплекса.

На сопках Маньчжурии.

Если говорить честно, то Родиону Яковлевичу Малиновскому было скучно. Повторять уже выполненную один раз, причем в куда более неблагоприятных условиях операцию, хотя и очень красивую — ничего интересного. Конечно, войска, которые он мог двинуть в бой сейчас были численно меньше, чем первый раз, но и противник был почти вдвое слабее. А если учесть, что укрепленные районы, которые в сорок пятом японцы имели полностью построенными и готовыми к бою, пока либо строились, либо намечались к постройке, то самым сложным вопросом, которым занимался штаб Главнокомандующего Вооруженными Силами на Дальнем Востоке были вопросы снабжения. Конечно, эти вопросы и так занимают большую часть планирования, но теперь они были почти единственными. Решать эти вопросы было намного труднее, ведь практически никакого усиления транспортной авиации и автомобильных войск с европейской части страны дальневосточные войска получить не могли, приходилось опираться на собственные силы. Но развитие народного хозяйства за последние восемь лет, позволявшее мобилизовать множество автомобилей на месте, более сильная группировка военно-транспортной и гражданской авиации, новые, более грузоподъемные типы транспортных самолетов с разрешили все транспортно-снабженческие проблемы. Теперь дело оставалось за исполнением. Малиновскому же вместо решения новых, неожиданных задач предстояла рутинная работа по контролю за

выполнением плана. Так думал маршал и ошибался. Все же к сорок пятому году моральный настрой японцев был хуже, чем в сорок первом. Еще не сильно битые, считающие Хасан и Номонган лишь временными неудачными эпизодами, японские генералы и войска пытались изо всех сил переломить обстановку в свою пользу. Они даже попытались перейти в наступление на наиболее уязвимом участке Транссиба, около Хабаровска. Пятый гвардейский стрелковый корпус отбил атаку и сразу перешел в контрнаступление, которое развивалось медленно из-за тяжелой местности.

В остальном наступление развивалось точно так, как в сорок пятом. Даже переход в наступление начавшийся внезапно, без артподготовки, на Дальневосточном фронте проходил, как и в предыдущем варианте, под начавшимся ливневым дождем.

Созданные во всех дивизиях по прошлому опыту передовые отряды в первые же часы наступления преодолели полосу прикрытия противника. Проникая между обнаруженными узлами сопротивления, отряды нарушили систему обороны японцев. Обойденные узлы сопротивления блокировались и уничтожались огнем артиллерии и минометов.

Решительные действия и техническое превосходство передовых отрядов вызвали отход японцев на тыловые оборонительные рубежи, что позволило главным силам наших войск двигаться в колоннах, значительно повышая темпы наступления.

Первоначально из-за упорного сопротивления и тяжелой таежной местности медленно продвигались войска Дальневосточного фронта. Но и здесь им удалось прорвать оборону противника и создать условия для продвижения в глубину. Войска двигались сквозь тайгу, выдвинув вперед инженерную разведку, обозначающую трассу пути. За ней шли танки передовых отрядов, ломая деревья. Двигаясь уступом, танки прокладывали широкие колонные пути, а шедшая за ними пехота и саперы передовых отрядов растаскивали поваленный лес, расчищая дорогу.

В разгар наступления пришлось принимать решение на применение спецбоеприпасов, когда выяснилось, что захватившие остров Полонского японцы спешно готовят там укрепления. Решение было тяжелым, ведь на острове могли остаться наши солдаты, но необходимым. Из-за большой площади острова по нему применили опытную, только что изготовленную термоядерную бомбу. Результат превзошел ожидания — авиаразведка показала, что на острове не осталось никаких войск и укреплений, только у берега приткнулись несколько полустатонувших поврежденных судов.

Как и прошлый раз в будущем, упорное сопротивление японцы опять оказали на подступах к реке Мулинхэ и городу Муданьцзян. Получив разрешение ГКО Р.Я. Малиновский приказал отправить к оборонявшимся парламентаря с требованием сдачи. Ни одному парламентарю до японского командования добраться не удалось, несмотря на белый флаг, японцы открывали огонь на поражение. Тогда с бомбардировщиков были сброшены листовки на японском и китайском языках с предупреждением, что в случае продолжения сопротивления на оборону будут сброшены сверхмощные бомбы. После их применения местность будет заражена, поэтому предлагается всем жителям покинуть город. Одновременно такие же предупреждения передали по радио и через громкоговорители. Через сутки на укрепленный пункт перед рекой Мулинхэ с Ту-4А сбросили бомбу РДС-1 (из тех пяти, что хранились в районе Арзамаса-16). В целом ее применение было признано неудачным — переживший ветер отнес радиоактивные осадки в сторону советских войск и Приморья. Морально-психологическое воздействие на японцев оказалось ниже ожидаемого, а мощность взрыва — недостаточной для полного подавления обороны. Бои за Муданьцзян и после атомного удара продолжались двое суток.

Но с каждым днем становилось все яснее, что несмотря на все попытки сопротивления Квантунская армия обречена. Теперь оставалось только добивать ее, неся новые потери или ждать разрешение на капитуляцию армии из Токио.

Япония. Токио.

Заседание Генро происходило в грустной атмосфере. Разгром Квантунской армии, уничтожение сверхмощными бомбами двух полков, угроза применения этого оружия по островам Ниппон не оставляли повода для даже капли оптимизма. Негромкими приглушенными голосами члены Совета предлагали практически одно и то же — признать поражение и вступить в переговоры с Советами. Тяжесть обстановки подчеркивалась раздающимся время от времени оглушающим грохотом с которым над районом Императорского дворца проносились русские бомбардировщики. Не сбрасывая бомб и даже листовок, несколько русских реактивных бомбардировщиков патрулировали над городом, изредка переходя в пологое снижение на огромной скорости. Снижаясь, они глушили все звуки города ревом своих двигателей. Японские истребители, с еле слышным писком моторов кружили над столицей, не открывая огня и лишь пытаясь затруднить пролет русских на малой высоте. Наблюдатели сразу замечали, насколько русские дальние бомбардировщики превосходят по скорости японцев и насколько они огромны. Во время пролета русских все невольно замолкали, вслушиваясь в нарастание и удаление шума их двигателей. При этом все члены Генро старательно делали вид, что ничего особенного не происходит.

Все ждали приглашенного на заседание Генро министра иностранных дел, бывшего на встрече с советским послом Сметаниным. Вот наконец-то появился слуга, неслышно проскользнувший к императору. Тот одобрительно склонил голову и через мгновение в зал вошел Иосуке Мацуока. Выглядевший крайне озабоченным министр пошептался со старейшиной Генро, последний с поклонами передал какой-то документ Императору. Просмотрев, император вернул документ старейшине и кивком головы разрешил Мацуоке начать выступление.

Иосуке Мацуока начал слегка срывающимся голосом зачитывать требования русского ультиматума. Советы требовали капитуляции Квантунской армии, безоговорочных увольнений лиц, виновных в агрессии и подписания мирного договора на русских условиях. В число этих условий входило признание Сахалина и Курил территорией СССР, передача Порт-Артура китайским коммунистам, вместе с тяжелым вооружением Квантунской армии, постепенный вывод японских войск из Китая под наблюдением советских войск.

При этом русские предлагали заключение договора о дружбе, союзе и взаимной помощи, и обещали в свою очередь поставить необходимые Империи нефтепродукты и ресурсы в обмен на рис и запасы продовольствия, накопленные в Маньчжурии. В случае заключения договора эти условия могли быть обговорены на дополнительных переговорах.

Продолжительное обсуждение русских предложений закончилось принятием половинчатого решения. Было решено снова отправить Мацуоку в Москву для прямых переговоров с Советским правительством. Ему давался карт-бланш на переговоры с русскими и подписание мирного договора. При этом он должен выторговать у русских как можно больше уступок по Китаю и Маньчжурии. Вместо капитуляции Квантунской армии предлагалось всего лишь прекращение боевых действий и последующая ее эвакуация в Корею и Японию.

На следующий день самолет с послом СССР Сметаниным и министром иностранных дел Японской Империи Мацуокой в сопровождении звена армейских истребителей «Хаябуса» вылетел из Токио во Владивосток. Японцы торопились навстречу своей судьбе. Оставалась надежда, что русские будут достаточно сговорчивы, ведь им еще предстояло решать немалые проблемы в Европе.

Этот День Победы порохом пропах...

Германия. Гейленкирхен. Великобритания. Лондон

На одном из лучших аэродромов Германии царило оживление. Люди в непривычной для здешних мест форме на незнакомой технике явно готовились к встрече самолетов. Наконец раздался резкий, отличный от привычного для немецкого персонала аэродрома шума, грохот и, пролетев над городом, на посадку стали один за другим заходить реактивные бомбардировщики необычных очертаний. Вслед за ними прилетели и несколько огромных винтовых самолетов, а также пестрый отряд из разнообразных самолетов поменьше.

Прямо с курсов по переучиванию старший лейтенант Логичев был вызван в Главный штаб ВВС. Там он получил одно важное и совершенно секретное задание, а вернувшись в Липецк — приказ приступить к его выполнению. Его звено из шести дальних истребителей Ла-200Б вылетела на заранее подготовленный аэродром на западе Германии, где приземлилась и отдохнула, пока передовая команда, сформированная из техников липецкого центра готовила самолеты. На следующее утро Логичев, старшие пар — его друг лейтенант Муравьев и капитан Иванов, собравшись в кабинете ангара на краю аэродрома, временно занятого под нужды особой группы, вскрыли конверт с полетным заданием и картами на всю группу. Задание было не очень сложным, хотя и не совсем обычным. Звену Логичева приказано было сопровождать их в полете до Лондона и обратно бомбардировщики. Огонь по английским самолетам можно было открывать только в случае прямой опасности поражения охраняемых самолетов.

Для тренировок и знакомства с маршрутом всех летчиков и штурманов операторов несколько раз вывозили на самолетах Ил-28, летавших практически до английской береговой черты. Кроме того, на самом аэродроме всем готовившимся к операции НИ (сокращение от слов на испуг) щедро разрешили полетать целых три смены, из них одну ночью. Как понял Логичев, командование планировало проверить в обстановке, близкой к боевой новые самолеты и методы применения стратегической авиации, одновременно оказав на англичан психологическое давление. На аэродроме собрали все имевшиеся в группе Молодчего бомбардировщики Ту-4 с системами дозаправки, тройку Ту-85, звено Логичева на новейших Ла-200Б, звено переделанных в дальний истребитель сопровождения Ил-28И и пару МиГов с системами дозаправки в воздухе. Охраняла все это сборище расположившаяся вокруг аэродрома целая зенитная дивизия.

В это утро поздно заснувший после вечернего совещания премьер-министр Великобритании был разбужен уже почти забытой сиреной воздушной тревоги. Непрерывно ворча под нос, он собрался и отправился в правительственное бомбоубежище. Первым, кого он встретил, был главнокомандующий Силами Метрополии генерал Алан Брук.

— Что происходит? И как вы здесь оказались? — спросил Черчилль.

— Согласно доклада Командования ПВО, к Лондону приближается большая группа самолетов. Судя по скорости и высоте полета — это русские. А я с группой офицеров ехал в Военное Министерство, — доложил Брук.

— Понятно. Но почему налет? Неужели они все же решили начать войну? До этого дня они не пересекали береговую черту? — сказал Черчилль, проходя вслед за Бруком в убежище.

— Где сейчас Иден? — спросил он у клерка, раскладывающего на боковом столике документы на подпись.

— Министр иностранных дел принимает русского посла, — ответил клерк.

— Так посол Майский вернулся? Почему мне никто не доложил? — раздраженно бросил Черчилль, подойдя к большой карте Великобритании, разложенной на столе. Около карты происходило непрерывное коловращение офицеров, наносящих на нее обстановку, получающих от Брука указания и приносящих новые известия. Здесь же, за отдельным столом, сидели прибывшие члены правительства.

— Похоже на демонстрацию, сэр, — ответил Брук на вопрос Черчилля, одновременно выслушивая доклад одного из офицеров: «По моему мнению, русские не отправили бы посла в город, обреченный на уничтожение от их сверхбомбы. Да еще с какими-то требованиями. Кроме того, атакующие силы невелики. Как доложил сейчас воздушный патруль — до

десятка тяжелых бомбардировщиков и столько же самолетов поменьше, видимо истребителей сопровождения.

— Если правильны сведения о сверхбомбе, то русским не нужны большие силы, хватит и одного бомбардировщика, — заметил Черчилль...

В это время отряд Логичева из восьми истребителей, сопровождающих девятку Ту-85 и Ту-4, пересек береговую черту Великобритании. Правда, видно было маловато, сквозь облака изредка внизу мелькали еле различимые кусочки суши. Но, судя по счислению, они уже приближались к Лондону. По команде Логичева, звенья, разойдясь на пары, начали снижение сквозь облака на высоту 7000 м. Пробив облака, они вывалились прямо на кружащую внизу эскадрилью Спитфайров. Те, реагируя на неожиданное появление нескольких групп стремительно пикирующих, похожих на бомбардировщики, машин, рассыпались, потеряв четкий строй. Несколько английских истребителей открыли огонь. Игнорируя англичан и их стрельбу, советские самолеты, вдруг резко перешли в набор высоты. Одновременно прекратившие стрельбу Спитфайры, видимо получив команду, потянулись вверх, сквозь облака, вслед за русскими. Но они явно и неотвратимо отставали от самолетов Логичева, уже пронзивших облака и прикрывавших строй бомбардировщиков ножами. Несколько минут Спитфайры, с трудом маневрируя на высоте 12 000 м, сопровождали русские самолеты, затем внезапно снизились и ушли в сторону. А в разрыве облаков внизу, приглядевшись, при достаточно остром зрении, можно было различить большое пятно Лондона. Разделившись на две группы, бомбардировщики снизились на 9 000 м и начали неторопливое, завораживающее кружение над английской столицей. Время от времени один из бомбардировщиков открывал бомболюки и вниз падали агитационные бомбы, разлетаясь на малой высоте на тысячи листовок. Затем появилась тройка стремительных гигантов М-4, которая пронеслась над английской столицей на полной скорости на небольшой высоте и, набрав высоту, удалилась на восток. Пара МиГов, израсходовав топливо, ушла в сторону моря, где дозаправилась от Ту-4. Отказал мотор на одном из Ла-200Б и он, сопровождаемый напарником и все той же парой МиГов, отвернул в сторону моря. Наконец группы собрались в одну и развернулись на материк.

Собравшиеся в бомбоубежище правительства с нетерпением и страхом следили за докладами Черчиллю о выполняемых русскими самолетами маневрах. С облегчением узнав, что русские огня не открывают и бомб не сбрасывают, Черчилль открыл заседание кабинета министров. В этот момент в бомбоубежище появился Иден. Мрачно и неторопливо он подошел к Черчиллю, поздоровался и попросил разрешения доложить о требованиях русских. Черчилль разрешил и Иден, достав из папки, начал зачитывать ноту Советского Правительства, полученную от посла Майского.

В ноте русские требовали выхода Великобритании из англо-американского режима эмбарго Европы, официальных извинений за агрессию против советских войск в Дюрене, отказа от признания и поддержки антисоветских акций эмигрантских правительств, полной эвакуации британских войск с континента, интернирования германских военнослужащих с выдачей военных преступников правительству СССР и его союзников. В противном случае Советское Правительство оставляло за собой право на репрессалии по отношению к Британскому правительству, адекватные его действиям.

С каждым зачитанным пунктом лицо Черчилля все больше мрачнело. Как только Иден закончил свою речь, Черчилль экспрессивно поднялся с места и, повернувшись к членам правительства, заявил:

— Это программа полной капитуляции. Но пока мы не имеем сил ответить на вызов коммунистов. Поэтому необходимо искать компромисс, продолжая подготовку к активному противостоянию.

Отряд Логичева собрался в Гейленкирхене без происшествий. Только на обратном пути у одного из Ла-200Б отказала выработка подвесных баков, из-за чего пришлось его сажать на запасной аэродром. Долетев до границы СССР, он приземлился под Ужгородом, а позднее перелетел в Липецк, где его уже ждали остальные летчики и самолеты.

Москва. Кремль

Заседание Бюро Центрального Комитета посвящалось весьма важному вопросу — заключению мирных договоров с Японией, Германией и Италией. Прошедшие переговоры между министром иностранных дел СССР Молотовым и министром иностранных дел Японской Империи были трудными, но в результате позволили выработать вполне приемлемые условия. Переговоры с Германией прошли еще раньше, а итальянцы в принципе согласились на советские условия мира, впрочем весьма легкие. Первоначально Маленков, Молотов и Берия хотели просто утвердить тексты договоров на заседании правительства. Но тут вмешался Хрущев. Заявив, что важный политический вопрос не может решаться в обход центральных партийных органов, он потребовал обсуждения на Бюро Центрального Комитета.

Заседание открыл Маленков. Кратко введя всех в повестку дня, он дал слово Молотову:

— Товарищи. Как вам известно, в течение последних дней представители Министерства Иностранных дел под моим руководством, консультируясь с председателем Совета Министров товарищем Маленковым и председателем ГКО товарищем Берией, вели переговоры с японской делегацией. В результате продолжительной и кропотливой работы нами выработаны взаимоприемлемые условия. Надеюсь, все ознакомились с ними? Предлагаю принять данный текст мирного договора без изменений.

Тут же слово потребовал Хрущев:

— Товарищ Молотов не прав. Как это можно, практически не рассмотрев политический документ такой важности, сразу принимать его? Необходимо рассмотреть каждую статью мирного договора и внести при необходимости поправки. Иначе получается какая-то келейность. Несколько человек решили, что все в этом документе в порядке и без обсуждения предлагают его принимать. Нет, необходимо обязательное обсуждение.

Хрущева поддержали Булганин и Ворошилов. Поколебавшись, их сторону принял и Микоян. При голосовании за это предложение высказался и Маленков. Берия несколько раз бросал в его сторону взгляды, проследить направление которых можно было по отбрасываемым стеклышками пенсне зайчикам.

Молотову пришлось зачитывать текст договора полностью. И если пункты о заключении мира, признании советскими территориями Южного Сахалина и Курил, прекращении огня, сдачи части вооружения (в том числе всего тяжелого оружия) на склады под совместным контролем советской и Квантунской армий, о постепенной демобилизации и эвакуации Квантунской армии в Японию, особых споров не вызвали, то остальные стали предлогом для серьезной критики.

Особенно Хрущев и Булганин критиковали пункт о признании Кореи областью японских интересов. Булганин утверждал, что такие пункты делают договор империалистическим, что братский корейский народ должен стать свободным. Хрущев сравнил этот пункт с передачей в Мюнхене Судетской области гитлеровской Германии. Еще больший шум поднялся, когда выяснилось, что японские войска остаются в Китае и Северном Вьетнаме, что японцы получают поставки нефти и металлолома из СССР. Хрущев, Булганин и Суслов прямо таки кричали о империалистическом характере договора, забвении интересов социализма и интернационализма. Но тут уже на сторону Молотова и Берии, поддерживающих договор, встал и Маленков. Он понял, что эти обвинения в первую очередь могут подорвать именно его позицию, как председателя Совета Министров.

— Товарищи. Все мы, являясь сторонниками освобождения рабочего класса и торжества коммунизма во всем мире. Но мы должны реально смотреть на сложившуюся ситуацию и учитывать соотношение сил. Наша страна переживает очень трудный момент — после Катаклизма и новой войны одновременно на два фронта мы имеем большие трудности в народном хозяйстве, в обеспечении повседневной жизни народа. Еще одну большую войну

нам не перенести. Да, мы можем, уподобившись американским империалистам, забросать Японию атомными бомбами. Но даже и в этом случае мы не сможем воспользоваться плодами наших побед, не говоря уже о гибели миллионов тех самых тружеников, о которых так заботятся наши товарищи. При сложившейся ситуации, по выводам Генерального штаба, САСШ продолжают поддержку японцев и весьма вероятно смогут захватить большую часть оккупированных ими земель.

— Несомненно. По данным разведки в настоящее время американцы развернули одну пехотную дивизию в Южном Вьетнаме, не менее четырех на Филиппинах и две на Гаваях. Кроме того, они продолжают наращивать силы Тихоокеанского флота, в том числе и за счет сил Атлантического флота. А в Китае японские войска, сковывая силы Гоминдана, объективно способствуют приходу к власти коммунистических сил под руководством товарища Мао Цзе Дуна, — добавил Берия.

— Необходимость поставок нефти и металла в Японию необходимо также рассматривать в русле японо-американских отношений. К тому же мне не дали озвучить приложение к договору о удалении из правительства антисоветски настроенных милитаристов, разрешении свободной деятельности политических партий, в том числе и коммунистической, — добавил Молотов.

Маленкова, Молотова и Берия поддержали Василевский, Микоян и Каганович.

Обсуждение договоров с Германией и Италией прошло уже без накала, практически автоматом. Получившие неожиданный отпор, хрущевцы уже старались помалкивать, не задавая острые вопросы. В принципе и договора с этими странами заключались в более выгодных условиях для СССР. Так, в Германии к власти пришло правительство во главе с коммунистами, конечно создавшими вместе с бывшими социал-демократами новую партию под другим названием. Италия, в которой у власти оставались фашисты во главе с Муссолини, по новому договору становилась фактической союзницей СССР. Если вспомнить, что до этого был заключен договор о дружбе и взаимной помощи с Францией, то становилось ясно, что СССР удалось практически создать континентальный европейский блок.

По опыту прошлых послевоенных лет создание коалиционных правительств во главе с коммунистами в странах Восточной Европы вполне оправдывало себя при отсутствии противодействия империалистических держав, заметил в конце обсуждения Маленков.

Но заседание Бюро на этом не закончилось. Слово для выступления попросил Л.П. Берия. Он, зловеще посверкивая стеклами пенсне, начал:

— Товарищи! Стоящие перед нами проблемы, конечно, не имеют однозначного решения. Но это не значит, что каждая проблема должна вызывать долговременные дискуссии и расколы в партии. Товарищ Сталин указывал нам, как важна единая позиция партии перед лицом империалистического окружения и как бесплодная болтовня вместо решения проблем мешает работе партии и правительства по построению нового социалистического общества. Таким путем стремились направить нас троцкисты. Мы отвергли этот путь и во многом благодаря этому сумели достичь высоких результатов. Но теперь, после смерти товарища Сталина отдельные члены Политбюро создали группировку, которая снова пытается свернуть на тот же отвергнутый здоровыми силами партии путь. Сегодняшнее заседание еще раз показало, что эти люди затягивают решение неотложных проблем, разводя бесплодные обсуждения. Кроме того, подчиненные мне органы МВД обнаружили факты перерождения этих людей, их низкопоклонства перед империалистическими западными кругами. Поэтому я прошу у Политбюро исключения этих людей из партии и разрешения на проведение следственных мероприятий в отношении их.

Смертельно побледневший Хрущев вскочил, пытаясь что-то сказать, но в этот момент поднялся Молотов и начал зачитывать список антипартийной группы Хрущева, Булганина, Ворошилова и примкнувшего к ним Суслова. После зачитания каждой фамилии он приводил данные, по которым они были включены в этот список. Так Хрущев обвинялся в создании антипартийной группы, попытках дискредитации политики Советского правительства и

партии во время пребывания в Польше, преклонении перед Западом, выражавшемся в преувеличении роли ленд-лиза в победе СССР и преуменьшении возможностей советской науки. Например, он в разговоре указывал, что в СССР не было радиолокационных станций и только получение их от САСШ позволило нам создать современную систему ПВО...

После быстрого голосования в зал вошли сержанты и офицеры Госбезопасности и увели арестованных.

Интерлюдия

Полное собрание сочинений Л.П.Берия. Т.11, стр....

«Этот день стал для меня самым тяжелым. Я всегда считал Хрущева своим другом, хорошим коммунистом и неплохим руководителем. Да, меня, как и многих товарищей, смущало его пресмыкательство и бутафория перед лицом Иосифа Виссарионовича, но такое поведение вполне находило объяснение в непростой обстановке тех дней. Но я не сразу осознал, что такое поведение стало второй натурой Хрущева. Видимо такое самоунижение, необходимость маскировать свои истинные взгляды и намерения, породило в его душе желание достичь власти любым путем.

Начиная с июля 1941/53 года на мой стол ложились постоянные донесения от управления внутренней безопасности МВД о непонятной, практически заговорщицкой деятельности Хрущева и Булганина. При любых контактах с местными руководителями они вели разговоры, дискредитирующие решения ГКО и Правительства, преувеличивали возможные трудности, критиковали любые предложения, поступившие от меня и других товарищей, не входивших в их группировку. Первое время я не доверял этой информации. Мне казалось, что ее поставляют и интерпретируют соответствующим образом лица, пытающиеся сделать карьеру в объединенном МВД. Кроме того, нельзя было исключать инициативы других лиц в руководстве, пытавшихся интриговать против сложившейся системы руководства после смерти товарища Сталина и сбросить со своих постов меня, товарища Маленкова или даже Хрущева. Да, приходится признать, что пережитки капитализма еще довлели в то время над многими товарищами, в том числе и в среде высших органов власти.

Но сведения постепенно накапливались, а кроме того поступили и подтверждения со стороны наших польских товарищей. Во время пребывания в Кракове во главе делегации КПСС, Хрущев неоднократно вел разговоры, направленные на вербовку сторонников среди польских товарищей, требовал от них, вопреки разработанной линии партии и правительства, конфронтации с союзниками по правительственной коалиции. Кроме того, подтверждение об антипартийной, антисоветской деятельности группы Хрущева я получил во время разговора с товарищем Молотовым, которого заговорщики пытались втянуть в свою деятельность. Товарищ Молотов рассказал мне о собраниях на квартире Хрущева, в которых участвуют Хрущев, Булганин и Ворошилов.

Окончательное подтверждение антипартийной деятельности Хрущева и его группы заставило меня пойти с полученными материалами к товарищу Маленкову. Сначала он тоже не поверил в серьезность обвинений, но бурная деятельность группировки по подготовке заседания Бюро для обсуждения уже одобренных всеми договоров, чьи положения уже были обсуждены и доведены до наших иностранных партнеров, убедила и его...»

Германская Демократическая Республика. Мюнхен. Берлин

По проспектам и улицам Мюнхена не торопясь, в полной готовности к открытию огня медленно продвигались патрули новой германской Национальной Народной Армии. Новой в этой армии было в основном название и штаты, почти полностью копирующие штаты аналогичных дивизий Советской Армии, а кроме того командный состав. Конечно, полностью все войска пока на новые штаты не перешли, да и демобилизацию еще не закончили. Но войска, входившие в город, были уже из «новых», в город входили части первой и второй пехотных дивизий и третьей механизированной дивизии ННА. Вооружение в целом оставалось немецким, но по улицам совместно шли и «четверки» с короткими пушками и бывшие русские «тридцатьчетверки» с их длинными 8,5 см орудиями. Пехота и панцергенадеры механизированной дивизии передвигались в сопровождении полугусеничных немецких и русских бронетранспортеров²¹, стрелки которых настороженно следили за верхними окнами домов стволами пулеметов. Мундиры привычного цвета и покроя отличались от прежних только отсутствием орла на правом кармане. Место орла занимала нашивка со званием и фамилией военнослужащего. Таким остроумным путем была решена проблема замены униформы.

Войска входили в последний оплот нацистов, пытавшихся вернуть старые порядки, но потерпевших неудачу. Боев практически не было, район Мюнхена просто окружили, прервав поставки продовольствия. Попытки атаковать отбивались немецкими и русскими войсками, затем следовал налет русских и немецких бомбардировщиков и потрепанные нацисты вынуждено оставляли передовую линию обороны. Район обороны все больше и больше сжимался, постепенно становясь небольшим участком вокруг Мюнхена. Все чаще по ночам раздавались очереди вслед перебежчикам, все яснее и яснее становилась обреченность оставшихся. Когда же Геринг, пытавшийся ночью улететь из города на самолете, погиб во время атаки ночных истребителей, а Борман загадочно исчез прямо из своего кабинета, командовавший войсками генерал Манштейн капитулировал. И теперь война в Германии действительно закончилась.

В здании рейхстага собрались представители всех новых партий Германии, члены правительства и многочисленные журналисты. С речью о конце войны и назначении выборов выступил президент Временного правительства Германии фон Бок. После него выступали канцлер социал-демократ Юлиус Вебер и коммунист, ныне председатель НСЕПГ, Эрнст Тельман. Пламенная, восторженная речь о преимуществах нового строя, о выдающихся победах союзника Германии — первого в мире государства рабочих и крестьян сопровождалась аплодисментами многочисленных сторонников.

На следующий день в Германии началась избирательная кампания в новый парламент, который и должен был ввести новую конституцию. Пока же считалась действующей конституция Веймарской республики и прежний кодекс законов, за исключением принятых после 1933 года.

Фирмы, главы которых поддерживали нацистское правительство, использовали труд заключенных и незаконно захватывали иностранные заводы, временно переходили под контроль правительства. Предполагалось, что после выборов будет принят закон о национализации таких фирм.

Немалую проблему для правительства представляло устройство на новых местах переселенцев из областей, отходящих по договору с СССР к Чехословакии и Польше. Под контролем частей германских, польских и советских войск немецкое население переселялось из Судет, Данцига и Восточной Пруссии. В отличие от сорок пятого года восточная граница Германии не менялась и поляки из этих районов переселялись на восток.

А в армии уже получившей название Национальной Народной Армии шла чистка, мобилизация и реорганизация. На базе частей старого вермахта формировались новые

²¹ В 1953 г. в СА еще имелись переданные по ленд-лизу полугусеничные американские бронетранспортеры М3.

дивизии. Их комплектование должно было проводиться по новым, организуемым по границам вновь создаваемых земель, военным округам. К настоящему времени уже имелись практически сформированные 7 новых пехотных дивизий, 3 механизированные и 1 горно-стрелковая. Формировались еще 4 танковые и 4 механизированные дивизии. Из части прошедших чистку парашютистов 7 дивизии люфтваффе и посадочных частей вермахта формировалась новая 7-я воздушно-десантная дивизия. Планировалось развернуть еще 2 горно-стрелковые и 2 артиллерийские дивизии. Таким образом, реорганизованная германская армия имела бы всего 24 дивизии и примерно пятьсот тысяч личного состава мирного времени. Часть офицеров и генералов просто увольнялись из армии, некоторые выдавались СССР как военные преступники. Но таких было не много и их аресты не афишировались.

Самая большая чистка прошла в люфтваффе, в которых было много фанатичных нацистов. Впрочем, гибкая политика НСЕПГ, провозгласившая, что начальное учение НСДАП было аналогично социал-демократическим и лишь под воздействием ошибок А. Гитлера и воздействием его окружения эволюционировало в нацизм, примирила с переменами многих. Всего в люфтваффе осталось не более двухсот тысяч человек и полутора тысяч самолетов.

ВМС оказалось в наилучшем положении из всех родов войск. Так как большинство морских офицеров сразу поддержало новое правительство, а демобилизация флота была ограничена из-за возможного продолжения войны с Великобританией, то изменения ограничились увольнением части адмиралов. Единственной потерей флота оказался недостроенный авианосец «Граф Цепеллин». В счет репараций его передали в Краснознаменный Балтийский флот как легкий учебный авианосец, получивший название «Чкалов». Одноименный легкий крейсер Балтийского флота переименовали в «Комсомолец».

Италия. Таранто.

На базе итальянского флота царило праздничное оживление, вызванное ожиданием официального визита отряда кораблей Черноморского флота.

Заключенное с англичанами перемирие сделало плавание по Средиземному морю безопасным и советское командование решило показать флаг, а заодно и обжить новый морской театр. Договор с итальянцами позволял базировать боевые корабли на их военноморские базы и в Советском Союзе было решено создать оперативную группу кораблей Черноморского флота. Для начала договорились о визитах кораблей в Таранто, Неаполь и Марсель. По пути корабли должны были зайти в Дуррес, чтобы своим присутствием поддержать партизан, борющихся с греческими антикоммунистическими отрядами. Турция с полным пониманием отнеслась к просьбе Советского правительства о пропуске отряда кораблей, включающего учебный артиллерийский корабль», легкий крейсер, несколько эсминцев и подводных лодок.

Отряд из линейного корабля «Новороссийск», легкого крейсера «Адмирал Нахимов» и эсминцев «Озорной», «Бдительный», «Безудержный», «Буйный» и двух подводных лодок под командованием вице-адмирала Горшкова С. Г. появился на рейде Таранто в середине дня. Корабли встречал командующий эскадрой адмирал Бруто Бривонезе на линкоре «Джулио Чезаре». Стоящие рядом линкоры поражали зрителей своим сходством, а многие моряки клялись, что это абсолютные двойники. Не меньшее потрясение ожидало адмирала Бривонезе на борту русского флагманского корабля. Поднявшись по парадному трапу, он оказался на палубе «Новороссийска», но если бы не встречающие его русские офицеры и построенная команда в русской морской форме, то было бы полное ощущение возвращения на «Джулио Чезаре». Надстройки, башни, размещение люков до малейших подробностей совпадало с таковым на покинутом адмиралом итальянском линкоре. Приостановившийся от

неожиданности, адмирал успел заметить, как переглянулись встречающие его русские адмиралы и офицеры.

Наконец, разместившись в кают-компании, адмирал и его свита смогли немного отойти от впечатлений и обменяться мнениями. Большинство считало, что они находятся на двойнике «Джулио Чезаре». И первый вопрос, который адмирал задал через переводчика адмиралу Горшкову был именно об этом:

— Извините, господин адмирал, я в недоумении. Подскажите, мне кажется или на самом деле ваш линкор похож на «Джулио Чезаре»?

— Вы правы, господин адмирал. Это действительно бывший линкор «Джулио Чезаре», доставшийся Советскому Союзу по репарациям после окончания войны. Вы же знаете, что из-за какой-то природной катастрофы нашу страну перенесло из 1953 года в настоящее время? Так вот, в нашем времени... — начал свой рассказ, прерываемый восклицаниями темпераментных итальянцев, адмирал Горшков. Он рассказал, что в результате войны 1941–1945 годов Италия и Германия потерпели поражение, Италию оккупировали англо-американские войска, которые устанавливали в ней свои порядки. Проигравшие державы должны были выплатить репарации, в счет которых СССР и получил линкор и легкий крейсер итальянской постройки. Крейсер остался в Севастополе, а линкор решено было сделать флагманским кораблем Средиземноморского отряда.

Потрясенный услышанным и увиденным (еще бы, одно дело читать в газетах и сообщениях разведки, что русские перенеслись из будущего, а другое — увидеть воочию) адмирал во время торжественного обеда был задумчив и рассеян.

Пребывание советского отряда в Таранто не затянулось и через несколько дней его корабли уже стояли на рейде Неаполя. Здесь их встретил командующий флотом адмирал Иакино. Он был там вместе со своим флагманским кораблем — линкором «Витторио Венето», все еще ремонтировавшимся после боя у Матапана, и второй эскадрой эсминцев. Кроме Иакино, на берегу советскую делегацию встречали и более высокие чины — начальник итальянского Морского Генерального Штаба адмирал Риккарди и его заместитель адмирал Кампиони. После торжественной встречи и праздничного обеда, небольшого парада русских моряков, прошедших по улицам Неаполя под восторженные крики толпы, адмирал Горшков и офицеры его штаба были приглашены на обсуждение вопросов по базированию Средиземноморского отряда в Италии. Не имевший на это полномочий, адмирал первоначально хотел отказаться, но неожиданно ему принесли радиogramму с указанием о начале переговоров. Оказалось, что итальянцы отправили запрос о возможности таких консультаций в Москву, справедливо рассудив, что утечка о таковых усилит их позиции на мирных переговорах с англичанами.

В полученной радиogramме министр ВМФ адмирал Кузнецов предлагал Горшкову начать переговоры, продолжить которые должна была специальная делегация. Члены делегации должны были прибыть в Рим через два дня. После приезда делегации Горшков должен был остаться в ее составе, а командование дальнейшим плаванием передавалось прилетающему адмиралу Преображенскому.

Немного позднее, чем ожидалось, отряд посетил Марсель и после нескольких дней праздников, отплыл в Дуррес.

САСШ. Вашингтон. Белый Дом.

Собравшиеся в Овальном кабинете Белого Дома внимательно слушали государственного секретаря Хэлла, описывающего обстановку в мире. Обстановку прямо скажем непростую и трудную для США.

— Государства Скандинавского полуострова объявили о своем полном нейтралитете. Заканчивается эвакуация английских и русских войск из Норвегии.

Дания оккупирована коммунистическими войсками, но пока остается королевством.

Можно предсказать, что ближайшие выборы принесут победу социал-демократам, которые и до этого были весьма влиятельны.

Германия должна однозначно расцениваться как сателлит Советов. Полученные от дипломатов сведения показывают подавляющее влияние НСЕПГ и высокую вероятность, что коммунисты получат в результате начинающейся избирательной кампании должности президента и канцлера.

Франция так же находится под контролем СССР. Несмотря на то, что во главе правительства еще остается Петен, присутствие русских войск, наличие авторитетной коммунистической партии дают однозначный ответ на дальнейшее развитие событий. Наиболее вероятно, что в течение ближайших лет коммунисты одержат полную победу и захватят власть в свои руки.

Голландия пока сохраняет нейтралитет, но вероятнее всего преобладание в ней русского влияния. В Бельгию после бойни в Дюрене русские ввели одну свою армию. Сейчас в ней установлен оккупационный режим, возможно через некоторое время в ней будет создано просоветское правительство.

Италия пока может рассматриваться как возможное поле противоборства между нами и Советами. Правда, Муссолини пошел на заключение договора с Советским правительством о взаимопомощи, но в итальянской элите имеются круги, настроенные проамерикански. Препятствием могут стать только наши отношения с англичанами. Как вы знаете, они, заключив по настоянию русских перемирие с итальянцами, продолжают накапливать понемногу силы в Африке и на переговорах по миру твердо отвергают все предложения по его заключению на основе статус кво анте беллум²²

Наши позиции усиливаются в Испании и Португалии, которые после разгрома Германии, начали искать новых союзников. Возможно, им следует оказать экономическую и военную помощь для усиления нашего влияния.

Из балканских стран сохраняется влияние англичан в Греции. Идущая там гражданская война с нашей и английской помощью может закончиться победой антикоммунистических сил. Такая победа позволила бы создать плацдарм нашего влияния на ситуацию в балканских странах и Турции.

Положение в Югославии остается неясным. Там идет война всех против всех.»

— Подождите, Корделл. Про Югославию можно немного подробнее? — спросил Гарри Гопкинс, ближайший друг и советник президента.

— Можно. Уточните только, что вас интересует? — ответил Хэлл.

— Помнится англичане поддерживали там популярного прокоммунистического вожака, Тито, кажется? Каковы его шансы сейчас? И чьи шансы на победу вы оцениваете наиболее высоко? — продолжал Гопкинс.

— Шансы Тито и его сторонников резко упали.

Во-первых уходящие из Греции и Румынии немецкие войска столкнулись в первую очередь именно с войсками его сторонников. Так что теперь число сторонников Тито резко сократилось в результате боев.

Во-вторых, русские потребовали от англичан не вмешиваться «во внутренние дела суверенных государств Европы» и помощь Тито резко упала.

В-третьих, русские усиленно накачивают вооружением отряды сторонников Ранковича — сербского прокоммунистического политика, соперника Тито. Пожалуй, в настоящее время я поставил бы на эту фигуру, — кратко проанализировал состояние дел в своем ответе Хэлл.

— А как же монархические силы?» — заметил Гопкинс.

— Вы говорите о чэтниках Михайловича? Они полностью потеряли поддержку народа и удерживаются в нескольких небольших анклавах, отбиваясь и от немцев, и от прокоммунистических сил» — ответил Хэлл.

²² «Сохранение положения, существующего до войны», латынь.

— Что же я бы поддержал ваше предложение и начал поиски подходов к этому... Рэнковитсу. По моему мнению Югославия — пока единственная страна на Балканах, которую мы можем перетянуть на свою сторону. Вы, Корделл, упустили в своих выводах, что русские уже знают о окончании греческой гражданской войны не в их пользу и наверняка постараются противодействовать. А вот с Югославией, точнее с Тито, они враждовали, — сказал Гопкинс.

— Меморандум посла в Москве я тоже читал. Но тогда во главе русских стоял Сталин. Новое руководство может поступить и по-другому, — ворчливо ответил Хэлл.

— Господа, давайте дадим Корделлу закончить сообщение, — остановил разгорающийся на глазах спор Рузвельт: «Продолжайте, пожалуйста.

— Великобритания переживает отнюдь не лучший момент в истории. Пожалуй, я оценил ситуацию, складывающуюся для нее, как наихудшую со времен Дюнкерка. Русские, в отличие от немцев, вполне способны подавить ее авиацию и флот своей авиацией и высадить десант, даже не прибегая к супербомбам. А угроза применения русских супербомб заставить замолчать любых антирусских политиков. Поэтому, несмотря на попытки Черчилля остаться у власти, можно предположить падение его правительства при первом же неудовольствии русских. Хорошо еще, что силы русских не полностью восстановлены после предыдущей войны и они, по оценкам моих специалистов, не собираются начинать войну с Британией. Но уже одно то, что британцев заставили: пойти на переговоры с итальянцами и французами, эвакуировать войска из Норвегии, Франции, Бельгии, Голландии, Сирии, что русские дополнительно требуют вывода войск из Греции и Палестины доказывает серьезность обстановки, — продолжил Хэлл.

— Подождите, Корделл. Вы сказали — и из Палестины? Чем русские это мотивируют это требование? — на этот раз госсекретаря прервал сам Рузвельт.

— Мотивировка простая — невыполнение договоренностей по созданию еврейского государства, препятствие эвакуации евреев из Европы в Палестину, что позволило экстремистским нацистским силам уничтожить евреев в концлагерях. Поэтому англичане должны уйти, а в Палестине будет создано, как утверждают русские «единое еврейско-арабское государство, — отвечая, Хэлл всячески подчеркивал свое неверие в произносимое.

— Что же, декларируемая цель весьма человеколюбива и справедлива. И вполне может понравиться нашим избирателям еврейского происхождения. Но вы, я вижу, испытываете сомнения в соответствии их действительности? — заметил Рузвельт.

— Конечно. По-моему, русские таким путем пытаются создать вассальное государство, с помощью которого будут контролировать ситуацию вокруг Ближнего Востока и Суэцкого канала, — ответил Хэлл.

— Да, это весьма возможно. Таким путем они смогут уменьшить влияние европейских стран, да и наше тоже в арабских регионах, богатых нефтью, — сказал Гарри Гопкинс.

— Что же, нам нужно учесть и эту возможность. Необходимо поддержать создание еврейского государства и помочь проамериканским сионистам в повышении их влияния, — заметил Рузвельт.

— Полагаю, мы сможем это сделать. Но я продолжу, с вашего разрешения. В колониях всех европейских стран, захваченных Советами, продолжает оставаться прежняя администрация. Кажется, ее постепенно начинают очищать и заменять новыми людьми, особенно в колониях Франции. Но никаких мер к предоставлению колониям независимости не видно. По сведениям посольства в Италии, русские предложили создать федерации из метрополии и колоний по примеру СССР. Т. е. колонии войдут в будущие государства на правах союзных республик. Ход надо признать неожиданный и довольно успешный...

В Японии произошла смена правительства. По нашим сведениям начато восстановление политических партий, впервые разрешена деятельность коммунистической партии. Плохой новостью является и начало поставок русской нефти и стали. Поставки осуществляются по ценам, более низким, чем наши. Уже отмечены случаи отказа от контрактов с нашими фирмами. Таким образом русские привязывают Японию к себе не

только политически, но и экономически. В настоящее время Япония для нас потеряна. Кроме того, потеря Японии ведет к потере нами Китая, по принципу падающих костяшек домино. Остающиеся в Китае японские войска продолжают борьбу против гоминдана, но поддерживают коммунистические силы. А в захваченной Советами Маньчжурии коммунисты повсеместно захватывают власть, — закончил Хэлл.

— Учтите, что в меморандуме посла отмечено наличие у Советов бомбардировщиков межконтинентального радиуса, которые мы только собираемся проектировать. Следовательно, они могут угрожать супербомбой и нам, — добавил Билл Донован, глава УСС.

— Итак, джентльмены, какие мы можем предпринять меры с учетом всего вышесказанного? — спросил помрачневший Рузвельт.

СССР. Закарпатье.

В СССР было голодно. Нет, конечно, с голоду никто не умирал, мяса, некоторых овощей и фруктов было много, но короткое холодное лето и не менее холодная осень не позволили собрать ни хлеба, ни картошки. То, что успело вырасти, годилось разве что на корм скоту, который все равно приходилось резать, чтобы восполнить нехватку продуктов хотя бы мясом. Мясо было в досталь, однако без хлеба и картошки все равно казалось, что продуктов не хватает. Хлеб, крупу, в том числе и из гаоляна, рис, муку, сушеный картофель выдавали по карточкам, привозили откуда-то из-за границы и из таинственных госрезервов. Особые уполномоченные по продовольствию следили за правильностью расходования и выдачи пайков, но все равно возник и развивался черный рынок. На нем можно было купить все, но за ТАКИЕ деньги, что большинство населения одобряло расстрелы пойманных спекулянтов по вновь принятому указу 10/6-41/53 г.

Голодно было в городах и деревнях, хотя особо голодно было в уцелевших схронах УНС. Вот и в схроне, притаившемся на склоне Карпат, сидели злые от постоянного недоедания двенадцать борцов за независимую Украину во главе с паном куренным по кличке Крутивус. Неоднократно битые и чудом уцелевшие во время облав внутренних войск, они уже понимали, что ничего хорошего их не ждет. Но сдаваться они не собирались, слишком много висело на них крови и слишком велика была их ненависть к «клятым москалям-коммунякам». Неплохая сеть осведомителей и проведение диверсий вдали от места базирования пока позволяли им выжить. Но без продовольствия и поддержки жителей долго им не протянуть, а реквизиции продуктов могут быстро лишиться этой поддержки. Вот и сидели, понунив головы, щирые козаки да думали горькую думу.

Внезапно послышался троекратный стук по дереву — условный сигнал о приходе связника. Встрепенувшийся Крутивус послал Ирку узнать в чем дело. Прихватив пистолет-пулемет, тот полез в лаз, ведущий к одному из выходов. Вернулся он не один, а с местным осведомителем Кроликом. Расстроенный до заикания, Кролик рассказал, что новый милиционер его расколол и дольше оставаться в селе ему стало опасно. Пришлось все бросать и уходить в горы. Да еще и местные активисты-коммуняки объявились, похоже, УНС уже не боятся. Ведь везде сообщают, что с активными действиями националистических банд покончено. Повесили на сельсовете радио, так оно целыми днями так и передает. А когда о делах в мире сообщает, так вообще сплошную ерунду. Вроде бы коммуняки всю Европу под себя загребли, и Германию, и Францию. Да и американцы, кажется, против них боятся выступить, так как москали ухитрились перебросить всю страну на 12 лет назад и теперь у американов нет ни Бомбы, ни войск по эту сторону океана.

Новости эти заставили нахмуриться всех слушавших его боевиков. Заметив это, пан куренной приказал Кролику заткнуться и говорить по делу. Обиженно замолчав, Кролик осмотрелся, утер внезапно появившийся на лице пот, и продолжил. Оказывается, ему удалось узнать, что завтра через село проедет колонна из шести машин с продовольствием,

причем с минимальной охраной — всего по милиционеру в каждом автомобиле. Колонна наверняка некоторое время простоит в селе, так как одна машина везет продукты для селпо²³.

Лица всех присутствующих просветлели. Еще больше все обрадовались, когда, подумав, Крутивус высказал принятое им решение. Отметив, что продержаться в схроне еще зиму они не смогут, он предложил захватить продуктов на всех, сколько каждый сможет унести и, захватив кассу отряда, уходить в Венгрию. А там уж будет ясно, что делать дальше.

Хмурым осенним днем по грунтовой дороге пылили шесть стареньких, но еще вполне прилично выглядевших студебеккеров. Переданные из армии машины, которые должны были вернуться американцам, продолжали трудиться на мирном поприще. В кабинах спокойно сидели водители и вооруженные ППП милиционеры. О нападениях банд не слышали уже давно и охрана скорее следила, чтобы продукты доехали в целости, чем готовилась к бою. Ближе к середине дня, преодолев крутой подъем, колонна спустилась в долинку и въехала на главную улицу села. Встреченная местным милиционером и бригадой грузчиков, колонна остановилась у селпо. Обрадованные возможностью размять ноги, все вышли из машин. Пока грузовик с продуктами для села подгоняли к складу, водители и милиционеры сгрудились у головного автомобиля и закурили. Вот тут и ударили по ним выстрелы коварного врага. Первым же залпом бандеровцы ополовинили курящих. Выяснилось также, что большинство милиционеров оставили свои автоматы в кабинах и теперь могли только лежать или пытаться отстреливаться из пистолетов. Один из лежавших попытался под огнем пробраться в кабину, но получил сразу несколько пуль и теперь его тело тряпичной куклой болталось, зацепившись за подножку автомобиля и вздрагивая от случайных попаданий.

Все закончилось быстро. Попытки открыть огонь из автоматов были подавлены пулеметным огнем, одного упорного и умело отстреливающегося милиционера закидали гранатами. Загоревшуюся машину заставили тушить уцелевших водителей, в то время как большая часть бандитов рылась в машинах и достреливала раненых. От склада пригнали бригаду грузчиков вместе с председателем сельсовета и секретарем местной партячейки. Крутивус приказал согнать народ и несколько бандитов пошли по домам, выгоняя всех на улицу.

Ирко, Кролик и Богун отправились в школу, прервав занятия и выгнав оттуда всех учеников, причем Ирко и Богун задержались в школе. Через некоторое время из здания школы донесся выстрел винтовки, и на улицу вышли бандиты, один из которых прятал в заплечный мешок красивые бусы, которые обычно носила учительница.

Согнав людей, бандиты быстро соорудили виселицу, привязав веревку к самой толстой ветви растущего напротив магазина старого дуба. Крутивус зачитал приговор и на веревке повис председатель сельсовета. В это время к основной группе бандитов подошли и Ирко с Богуном. Они о чем-то пошептались с Крутивусом и несколько бандитов быстро притащили козлы и пилу. Ирко подошел и о чем-то поговорил с секретарем партячейки. Как впоследствии стало известно из опроса грузчиков, оказалось, что бандит был племянником секретаря. Они здорово поспорили несколько минут, потом ему заткнули рот, привязали к козлам и распилили заживо. Многие крестьяне падали в обморок, матери старались прикрывать глаза детям, но бандиты заставляли всех смотреть до конца.

Далеко банда не ушла. Недалеко от границы она была замечена с самолета (трофейного Фоке-Вульф 189), с него обстреляна, а затем окружена оперативной группой внутренних войск МВД и уничтожена в бою. Руководил операцией против банды и расследованием ее деятельности майор Пронин, присланный из Москвы для укрепления руководства местного МВД.

²³ Разговорное название магазина сельской потребительской кооперации.

Великобритания. Район Дувра.

Меловые скалы Дувра, меловые скалы Дувра... Бруно уже насмотрелся на эти некогда возжеленные для вермахта скалы, да и на исторические поля Гастингса до полного отвращения. И с каждым днем они нравились ему все меньше и меньше. А еще ему надоело местное население, половина которого откровенно ненавидела немцев, а вторая половина была к ним абсолютно равнодушна, пожалуй, кроме военного командования. Да и оно явно приготовило для частей вермахта в Британии роль пушечного мяса на случай вторжения русских. Вот и ездил майор Винцер, командир ягдпанцерабтейлунг²⁴ 246-й пехотной дивизии вместе с остальными офицерами, в сопровождении надменных английских офицеров и солдат, толи сопровождающих, толи конвоя, рекогносцируя возможные оборонительные позиции.

А еще англичане собрали все эвакуировавшиеся части в одном большом лагере. И теперь французские, бельгийские и польские солдаты по вечерам занимались «русской народной забавой», кулаками пытались доказать свою неизмеримую «любовь» к немцам. Бруно признавал, что их претензии были весьма справедливы, но ему уже надоело разбираться с драчунами и вызволять своих с гауптвахты. Почему-то английская военная полиция всегда считала виновными немцев, даже не пытаясь разобраться, кто первым начал ссору. От большой драки спасало только то, что немцев было больше.

Да, и в офицерском пабе офицеры других наций старательно избегали общения с немцами. Вот и сейчас, Бруно Винцер и его друг Эггерд фон Фосс своим появлением вызвали уход нескольких сидящих неподалеку или чехов, или поляков. Лишь французы, сидящие в дальнем углу, продолжали не торопясь потягивать местный сидр, видимо напоминавший им любимый абсент, и с вызовом поглядывали на двух немцев. Но Винцер с другом осторожно разместились в самом дальнем уголке паба и, заказав по пинте Гиннеса, тихонько сидели, словно стараясь стать невидимыми и неслышными. Через некоторое время французы о них забыли, продолжив свои разговоры. Тут в паб так же тихо и осторожно вошел еще один француз и, стараясь остаться незамеченным, прошел прямо к Винцеру и Эггерду. Он уже сел, когда кто-то из французов его заметил. По знаку этого француза все, сидевшие за столиком, посмотрели в сторону столика немцев, помолчали, а затем загомонили с еще большей громкостью.

— Меня зовут Жюль, — представился на неплохом немецком французский лейтенант Винцеру и поздоровался с Эггердом. Заказав подскочившему халдею рюмку сидра, он внимательно осмотрелся, и, сделав первый глоток, продолжил:

— Ну что господа, вы хотите покинуть этот гостеприимный остров?

— Однако! Не слишком ли вы открыто высказываетесь? — ответил Винцер.

— А чего опасаться? Те, за столиком сейчас слишком заняты осуждением предательской сущности эльзас-лотарингцев, хозяин за стойкой и слуга заняты своими разговорами. Да и если вы согласитесь, через четверть часа нас уже здесь не будет. — Сказал, усмехаясь, Жюль.

— Конечно, мы хотим сделать то, о чем вы говорили и вернуться туда, откуда уехали не по своей воле. И что вы, можете нам помочь? — ответил Винцер.

— Да. Вам повезло, что Эггерд оказался хорошим приятелем моего старого знакомого. И что я его узнал при прошлой встрече. В тяжелые двадцатые мне пришлось заниматься чем угодно, а происхождение — я эльзасец, к вашему сведению, сильно мне мешало. Пришлось войти в одну компанию, которая контрабандно провозила кое-какие товары из Альбиона к нам и обратно. Очутившись здесь, я не стал докладывать о своих полезных знакомствах начальству и недавно возобновил их. За смешную сумму в сто фунтов нас готовы отвезти к

²⁴ Истребительно-противотанковый дивизион (батальон).

берегам Франции сегодня же ночью. У вас я так понимаю, эти деньги есть. Но ребята поставили еще одно условие.

— Какое? — спросил недовольно Винцер.

— Карточки. Они у вас с собой? Оставьте их здесь и отдайте вместе с деньгами. Там они вам не понадобятся. Впрочем, как и фунты. С валютой там строго, я уже узнавал. Поэтому можете осчастливить наших друзей, подкинув им на молочишко, — ответил француз.

— Мы согласны. И сумма, и карточки у нас с собой. Удачно, что мы их прихватили, как и все необходимые вещи. У нас здесь неподалеку машина, можем ехать прямо сейчас, — сказал Бруно.

— Нет, вашу машину оставим здесь. Моя сейчас подъедет, на ней и уедем, — ответил Жюль. В эту же секунду за окном раздался гудок.

— Вот и машина. Берите вещи, идем, — заметил он.

Выйдя из паба, немцы увидели старенький полугрузовичок, стоящий рядом с их штабным кубельвагеном. Забрав вещи, они загрузились в кузов и после получаса изнурительной дороги, уже в темноте высадились в глухом кустарнике недалеко от моря. В полной темноте, спотыкаясь и сдерживая ругательства, они спустились по извилистой тропинке к бухте и стоящему у берега баркасу. Отдав проводнику деньги и карточки, все трое по мелкой воде добрались до баркаса, загрузились и, выбрав якорь, баркас отправился в море.

Палестина. г. Хайфа.

Высаживающиеся с немецкой быстроходной десантной баржи танки несли, к удивлению стороннего наблюдателя советские красные звезды. Всмотревшись внимательнее, опытный наблюдатель узнал бы в них новейшие на 1953 год плавающие танки ПТ-76. Они высаживались на песчаный пляж неподалеку от г. Хайфа и немедленно устремлялись вместе с плавающими автомобилями, набитыми морской пехотой, на позиции вокруг города. В это же время в гавани города с нескольких больших судов медленно и неторопливо выгружали основные силы русско-немецкого Ближневосточного корпуса. В его составе на берег высаживалась и танковая рота старшего лейтенанта Ивана Котлярова. Всего в корпус входили две дивизии (русская механизированная и немецкая пехотная) и бригада морской пехоты. Поддержку с воздуха осуществляли несколько эскадрилий бомбардировщиков Ту-4 и Ил-28, с аэродромов Кавказского военного округа. Турки с готовностью предоставили воздушные коридоры для их полета.

Высадка войск производилась под прикрытием орудий Средиземноморского отряда кораблей. Стоящие на рейде Хайфы эсминцы, а у берега линкор и крейсер с советскими флагами внимательно следили за несколькими английскими эсминцами и транспортами. Эвакуировавшиеся из Палестины остатки английских войск неторопливо грузились на пару транспортов, готовясь к отплытию в Египет.

Англичане уходили, но посеянные ими «зубы дракона» уже дали свои всходы. В Акко, Хайфе, Иерусалиме, других городах, прошли первые столкновения между еврейскими переселенцами и арабами. По данным советских наблюдателей, англичане оставляли *своим* арабам тяжелое вооружение, минометы, стрелковое оружие. «Обеспокоенные возможным обострением обстановки Советское и Германское правительства после консультаций между товарищами Берией, Кагановичем, Тельманом и Лебером, решили принять адекватные меры и отправить в Палестину совместные силы по поддержанию мира», — сообщало ТАСС.

В короткие сроки в ГДР и СССР были сформированы две легкие дивизии, механизированная и пехотная, которые сейчас и высаживались в Хайфе. Одновременно на аэродром у Иерусалима приземлились самолеты с воздушно-десантными частями СА, а со стороны Ливана выдвигались части французских Специальных Сил Леванта.

Рота старшего лейтенанта Котлярова имела необычную для Советской армии организацию — она включала два танковых и два мотострелковых взвода, а кроме того отделение минометов и автомобильно-хозяйственное отделение. Таким образом, имея почти все необходимое в своем составе, она могла действовать вполне самостоятельно против почти любого противника на этом ТВД. Высадившись в Хайфе, рота после отдыха и непродолжительной подготовки, совершила марш к монастырю Латрун. Там она разместилась в старой британской крепости, создав крепкий оборонительный узел и контролируя этот узел дорог. По всем направлениям Котляров выслал усиленные дозоры, с танками Т-54 и бронетранспортерами БТР-40. Отделение минометов оборудовало позиции внутри крепости. Несколько танков, разместившись в вырытых окопах, усиливали оборону на подступах к крепости. По всему периметру монастыря и на дорогах были развешаны листовки, извещавшие о введении комендантского часа и запрещении скопления народа, за исключением торговли на базаре.

Постепенно в этот район прибывали все новые и новые колонны с переселенцами из Европы. Латрун служил перевалочной базой, где переселенцы отдыхали, распределялись по основным местам поселения и уезжали дальше. Возрастающее значение узла дорог заставило командование корпуса усилить войска в его районе. К роте Котлярова добавилась еще одна, мотострелковая рота и батарея артиллерии. Так Котляров стал командовать отрядом, равным по силам батальону.

Новое государство постепенно обретало свои очертания. Евреи и арабы, несмотря на трения, на косые взгляды и изредка вспыхивавшие беспорядки, под контролем войск притирались друг к другу. В Иерусалиме, на съезде представителей всех общин, было выбрано переходное правительство. В его состав вошли представители и евреев, и арабов, а главой правительства, стал, неожиданно для всех, Лазарь Каганович. Энергичный и предприимчивый государственный деятель, которого, говорят, ценил Иосиф Виссарионович, Каганович взялся за организацию государственного аппарата и налаживание хозяйственной жизни. Во многих местах возникали еврейские сельскохозяйственные коммуны — киббуцы. Арабы, не желающие жить в новом государстве, получали ссуду на переселение. Но таких было не очень много, большинство хотело остаться в родных местах. Кроме того, полученные от Германии и СССР кредиты и развернувшееся на них строительство новых домов, поселков, фабрик требовали много рабочих рук и позволяли неплохо заработать, не то, что в соседних арабских странах.

Единственные, кто внутри страны был недоволен новыми порядками, были ортодоксальные евреи. Они ворчали, иногда устраивали демонстрации, но на них почти никто не обращал внимания.

Более внимательно переходное правительство и командование корпуса следило за группировками недовольных в соседних странах, где новоявленные «Лоуренсы Аравийские» тратили сотни и тысячи столь необходимых самим англичанам фунтов для подогрева этого недовольства. Огромное количество оставленного англичанами военного имущества перешло в руки Арабского Легиона, египетской, ливанской и иракской армии. Но если в 1948 году нашей реальности слабо вооруженные еврейские войска воевали против более вооруженных, но тоже не слишком сильных полурегулярных арабских армий, то теперь арабы рискнули наткнуться на регулярные, имеющие недавний боевой опыт и отлично вооруженные советско-германо-французские войска. Против них у арабских армий, не имевших реального боевого опыта, вооруженных устаревшим английским оружием не было никаких шансов. Единственное, на что могли надеяться арабы, что эти войска не простоят здесь вечно и рано или поздно новое государство окажется один на один против них. Пока же понемногу велись «тайные» переговоры и сколачивались «прочные» союзы.

Новое государство, получившее уже название Федеративная республика Израиль-Палестина, тем временем понемногу крепло. Переселение шести — семи миллионов евреев не могло, конечно закончиться в короткие сроки, но уже после прибытия первых нескольких миллионов началось создание полиции и первых частей армии. Из состава советских войск в

эту армию откомандировывались офицеры, солдаты и сержанты еврейской национальности. В Хайфе в торжественной обстановке открылось военно-морское училище, а в Яффе — общевойсковое и авиационное. В училища принимались как арабы, так и евреи, которые после трех...пяти лет обучения становились офицерами Армии Обороны Республики. Для вооружения армии на судах привезли немецкие танки и советское стрелковое оружие, самолеты Яковлева, Мессершмидта, Туполева и Юнкерса, пушки и гаубицы советского и немецкого производства. В течение года были сформированы две пехотные и танковая дивизии, артиллерийская бригада и бригада спецназначения, три истребительных, бомбардировочный и штурмовой авиаполки, зенитно-артиллерийская дивизия, два отряда торпедных и сторожевых катеров.

А в пустыне строились каналы, высаживались деревья и строились все новые и новые поселения. Несколько уже построенных фабрик начали сборку первых автомобилей и сельскохозяйственных тракторов из деталей, поставленных из СССР, Германии и Франции. Жизнь кипела...

Интерлюдия.

Все смешалось в мире, хуже, чем в доме Облонских. Фантастические события последнего времени привели к абсолютно необычному исходу. Война, разгоревшаяся было на просторах Евразии, затухала. Правда, отдельные очаги еще полыхали вовсю, например, в Югославии и Китае, но основные игроки уже вышли из игры. Война, которую в СССР уже называли Великой Освободительной, закончилась полной победой коммунистов. САСШ, которые уже начинали подсчитывать грядущие барыши, внезапно оказались у разбитого корыта. Их корпорации не успели развернуть производство, не успели захватить рынки Европы, не успели даже окончательно преодолеть последствия Великой Депрессии. Объявленное эмбарго продержалось не слишком долго. Англичане вышли из него под нажимом русских, а в самих США росли силы, протестующие против этой меры. Противники эмбарго включали самые разные силы, от изоляционистов до Адептус Коммунизмус и части бизнесменов, заинтересованных в торговле с европейскими странами. Не успев ни развернуть свою экономику, ни подготовить свою армию США оказались практически в одиночку против объединенного под контролем Советского Союза Старого Света.

Большинство европейских стран, в которых расположились советские войска, одна за другой выбирали новые правительства, в которых преобладающее влияние имели коммунисты и социалисты. К удивлению всего мира, русские практически не вмешивались в этот процесс. Но одно присутствие их войск, наглядные примеры их могущества, осознание их силы и без этого приводили к победе прорусских сил на выборах.

Великобритания, как всегда идущая своим путем, тоже стояла на пороге огромных перемен. В колониях и доминионах нарастало недовольство, Империя с трудом держалась, подточенная предыдущим перенапряжением сил в борьбе с нацистско-фашистской опасностью. Черчилль пытался сохранить правительственную коалицию, созданную для войны, но она уже трещала по швам. Русские, способные в любой момент не просто захватить, а уничтожить метрополию, зримой опасностью нависали по ту сторону Канала. Ни флот, ни авиация не могли в сложившейся ситуации гарантировать безопасность страны. А тут еще экономика, стремительно валяющаяся в послевоенную депрессию, пощечины престижу из-за эвакуации войск из Греции, Ближнего Востока и других регионов, продолжение кампании сатьягратха²⁵ в Индии. В общем, внутренние и внешние проблемы нарастали комом, требуя немедленного решения.

²⁵ Кампания неповиновения и невооруженного протеста, провозглашенная Ганди.

В Австрии победившие социалисты объявили о создании социалистической республики. И практически сразу после этого, в Вене собрались главы правительств и министры иностранных дел большинства стран Европы, а так же Японской Империи, СССР и вновь образованного коммунистического правительства Китая. В качестве гостей прибыли делегации США и Британской Империи. В течение недели в Шенбрунском дворце проходили заседания комиссий и комитетов, закончившиеся грандиозным всеобщим заседанием всех делегаций. На этом Совещании Глав Правительств Евроазиатского региона были созданы две организации — ООН или Организация Объединенных Наций, которая должна была стать преемницей Лиги Наций, и Оборонительный Объединенный Евроазиатский Союз, или Организацию Венского Договора (ОВД). Для участия в ООН приглашались все страны мира, а вот союз был чисто военной организацией стран Европы и Азии, объединившихся для защиты мира в зоне ответственности договора.

Штаб-квартиру ООН предложено было разместить в Женеве, в нейтральной Швейцарии. Там же и планировалось собрать следующее заседание делегаций стран — участниц и желающих присоединиться к организации, которое должно было принять разработанный устав ООН.

ОВД, вновь созданный военный блок, который английские и американские газеты сразу обозвали «советским военным монстром», должен был иметь объединенные политический комитет, военное командование и вооруженные силы. Все входящие в него страны обязаны были передать в объединенные вооруженные силы большую часть наземных, морских и авиационных группировок, за исключением частей внутренних войск. Малые страны, входящие в союз, могли оставить себе только внутренние войска, а свой вклад в оборону вносить денежными взносами. За оборону таких стран от внешней агрессии отвечали объединенные вооруженные силы ОВД. Планировалось со временем унифицировать вооружение, организацию и обучение всех вооруженных сил входящих в договор. Все страны, входящие в союз декларировали, что будут строить демократическое, основанное на подлинном участии народа в управлении государством и невмешательстве во внутренние дела друг друга и третьих стран, справедливое и миролюбивое общество.

В ОВД вошли Австрийская Социалистическая Республика, Социалистическая Народная Республика Албания, Бельгийское королевство, Болгарская Народная Республика, Венгерская Народная Республика, Германская Демократическая Республика, Датское королевство, Итальянское королевство, Китайская Народная Республика, Люксембургское герцогство, Монгольская Народная Республика, Польская Народная Республика, Румынская Социалистическая Республика, Союз Советских Социалистических Республик, Словацкая Социалистическая Республика, Французская Демократическая Республика, Демократическая Республика Финляндия, Чешская Народная Республика, Японская Империя.

Япония. Токио.

Население японской столицы собиралось в районе Гиндза, чтобы посмотреть на гайдзинов, приехавших в Японию для завершения переговоров о союзе. Нет, конечно, жители давно уже привыкли к присутствию иностранцев, все же они жили в просвещенную эпоху Мейдзи. Но сегодня были не простые иностранцы. Сегодня прибыли делегации от самых мощных стран мира и каждая в сопровождении отряда войск, которые должны были пройти парадным маршем по улицам Токио. Так планировалось отметить ратификацию Японской империей, одной из последних из стран, вошедших в ОВД, Договора об Оборонительном Объединенном Евроазиатском Союзе.

Ратификация проходила медленно и трудно. Многочисленные противники договора объединились в единый фронт, противодействуя его принятию. Дошло до убийств фанатично настроенными офицерами — противниками договора его сторонников. Чудом выжил председатель Японской Коммунистической Партии, основной силы, выступающей за

договор, Сен Катаяма. На него было целых три покушения. Одного из покушавшихся сумел застрелить полицейский, второй бросил ручную гранату, которая оказалось дефектной и не взорвалась, а третьего, набросившегося на Катаяму с мечом, разоружили и схватили несколько охранников председателя партии, оказывается великолепно владевшие айкидо. Сторонников союза оказалось в итоге намного больше. Особенно их число выросло, когда в газете «Асахи» появилась статья, рассказывающая о выгодных торговых договорах, который СССР предлагал заключить после ратификации договора. Неплохо так же подействовала новость о возможности заключения договора на добычу морепродуктов в территориальных советских водах потерянных в результате войны Северных территорий. Кроме того выяснилось, что русские отнюдь не спешат ни свергать императора, ни вводить обобществление заводов, фабрик и жен, ГУЛАГ или ГПУ. Практически внутри Империи ничего не поменялось, а вот в бесконечной, казалось бы, войне в Китае появился шанс на победу. Части эвакуированной из Маньчжурии Квантунской армии, усиленные отрядами коммунистов и при поддержке русских «добровольцев» на «новейших» самолетах понемногу вытесняли гоминдановские войска в сторону Бирмы. Да, власть в Китае пришлось передавать коммунистам, но те вполне охотно заключали договора на концессии и торговлю. К тому же и в Корее, после признания ее союзной федеративной республикой стало намного спокойнее. Конечно, прибыли от объявленных совместными предприятиями несколько упали, но кроме владельцев компаний никто об этом особенно не жалел. Да и то, упали они лишь по сравнению с предыдущими сверхприбылями, а так оставались вполне высокими. Удивительно, но введение частичного рабочего самоуправления, не слишком большое увеличение зарплаты обернулось повышением производительности труда.

Игорь Шимский, старший лейтенант, орденоседец, командовал теперь сводной ротой сухопутных войск, представлявших Советскую Армию на параде в Токио. Город показался ему более интересным, чем китайские города и деревни, виденные ранее. Те, за исключением практически европейского Харбина, выглядели старинными, приземленными и слишком азиатскими. Токио же поражал смесью японского и европейского, органически связанного и придающего огромному городу непередаваемый колорит. Жаль, что пришлось ограничиться короткой и беглой экскурсией, все остальное время заняли тренировки прохождения парадной коробки. Чтобы не ударить в грязь лицом перед иностранцами, а особенно перед только что побитыми японцами, действия при прохождении отрабатывались до автоматизма. Командовавший парадным расчетом полковник строго следил, чтобы никто не сачковал, и тренировки шли с утра до вечера.

День парада выдался как по заказу. Великолепная погода, яркое солнце оттеняли красоту празднично одетой толпы и строгие, блестящие орденами, погонами и оружием ряды войск. Коробки императорской гвардии сменялись императорскими же морями, за ними стояли ровные ряды советских, германских, итальянских и французских войск. На трибуну, установленную для высоких персон, под приветственные крики толпы поднялись представители союзных государств. Все ждали прибытия императора. Наконец, нарастающий грохот крика «Тенно хейка банзай!» известил всех о появлении императорского конвоя.

Император на спокойной белой лошади занял место перед трибуной и церемония началась. Шимский от волнения не запомнил происходящего. Кажется, оркестр играл один за другим гимны всех стран, затем кратко выступили несколько человек и под марши перед императором и трибуной одна за другой прошли парадные расчеты всех армий. Советские коробки шли под марши «Тоска по Родине» и «Прощание славянки». Знакомая, все подчиняющая музыка подняла Игора и несла его все время прохождения. Единственное, что осталось в памяти Шимского, это одобрительный кивок императора Хирохито при прохождении их коробки.

Праздник удался. Довольных, уставших солдат и офицеров провели в специально подготовленные столовые и угостили великолепным праздничным обедом. Интересно, что всем наливали ровно по сто грамм местной подогретой водки. Как сказал присутствовавший на

обеде переводчик, распорядитель обеда отметил, что по его сведениям это «наркомовская норма», выдаваемая в русской армии.

Германия. Гейленкирхен. Кёльн.

Советские авиаторы хозяйственно обживали уже знакомую им базу. На этом аэродроме дислоцировался передовой отряд 13-й гвардейской дальней бомбардировочной авиадивизии в составе эскадрильи тяжелых бомбардировщиков Ту-4 (которые планировалось заменить на Ту-16) и эскадрильи дальних истребителей сопровождения Ла-200Б под командой П.П. Логичева. Получив под командование эскадрилью, да еще и откомандированный за границу, Логичев был вполне доволен. Одно огорчало молодого майора — затянувшаяся холостая жизнь. Контакты с местным населением не поощрялись командованием и особый отдел внимательно за этим приглядывал. Нет, поездки в город, как и посещение местных гасштетов и магазинов не запрещались, но более близкое знакомство с иностранцами вполне могло стать причиной возвращения в Союз. Впрочем, свободного времени было не много — обустройство на новом месте, организационные хлопоты, полеты — суэта знакомая каждому командиру, стремительно пожирала день за днем. С другой стороны, каждый прошедший день приближал долгожданный отпуск. Вот тогда-то и отдохнем, а пока служба, служба и еще раз служба.

Из беседы с командиром 3 гвардейского бомбардировочного авиакорпуса генералом Молодчим Логичев знал, что эскадрилью планируют развернуть и он — один из кандидатов на командира полка, в который должна развернуться его эскадрилья после получения от промышленности новых самолетов. Так что у него был дополнительный стимул для интенсивной работы.

Но не все же время работать, надо иногда и отдыхать. Одним прекрасным весенним днем, взяв служебную машину, Логичев с начальником штаба эскадрильи Муравьевым и его женой отправился в давно намеченную поездку. Они хотели посетить город Кёльн, посмотреть на знаменитый собор, побродить по старым улочкам, в прошлой реальности стёртым с лица земли англо-американскими бомбежками, попить пива в спокойной, умиротворяющей обстановке городской «бирштубе». Короче, отвлечься от прозы жизни, не подозревая, что жизнь готовит молодому майору очередной сюрприз.

Пройдясь по улицам Кельна, причем жена Муравьева постоянно затаскивала их во встречающиеся магазинчики, осмотрев и сфотографировавшись на фоне собора, они изрядно устали и проголодались. Пройдя от центральной площади вниз по улице Логичев с четой Муравьевых набрали на подвальчик, в котором размещалась бирштубе с названием Бундесбройкеллер. Войдя в маленький, уютный зал со столиками, покрытыми белыми скатертями, они уселись за свободный и заказали по куску жареной курицы и по паре кружек пива. Пока курица готовилось, они не торопясь потягивали пиво, осматривая обстановку и посетителей. Как ни странно, немцы практически не реагировали ни на форму, ни на русскую речь. Видимо, уже привыкли. Кажется, рядом с Кёльном была развернута большая советская военная база.

Постепенно бирштубе заполнялась посетителями и, когда в двери вошла молодая, симпатичная девушка, свободное место оставалось только за столиком Логичева. Подойдя к столику, немка спросила свободно ли место. Получив на ужасном немецком Логичева ответ: «Фрай», она заколебалась было, но оглядевшись, и убедившись, что больше свободных мест нет, присела. Заказав кельнеру легкий ужин, она с удивлением посмотрела на русских, покончивших с курицами и заказавших еще по пиву и по сто грамм шнапса под сосиску. Логичев и Муравьев, слегка подвыпив, обсуждали прошедший день и решали, сходить куда-нибудь еще или уже пора собираться и ехать назад.

Поняв, что соседи говорят по-русски, девушка немного послушала, а потом внезапно сказала на чистейшем русском:

— Извините, что вмешиваюсь в ваш разговор. Я бы посоветовала вам сходить в музей, там очень интересно.

— Спасибо, — машинально ответил Логичев: — А вы, что русская? Меня зовут Петр, а это мой друг Александр и его жена Наташа.

— Меня зовут Хелен.... Моя мама была русской. Как это... э...эмигранткой, а отец немцем, — ответила девушка.

— Вы неплохо говорите по-русски, — сказал Логичев, внимательно вглядываясь в глаза девушки и чувствуя непонятное волнение.

— Да, мама постоянно разговаривала со мной. Хотела, чтобы я не забывала ее родной язык.

Окончание вечера прошло для Логичева как в тумане. Они сходили в музей, затем проводили девушку до дома и вернулись к стоящему на окраине города автомобилю. На обратном пути Петр был то странно разговорчив, то задумчив. Муравьев с женой только переглядывались и улыбались. Жизнь продолжалась...

Вена. Шёнбруннский дворец. Доктрина Берия (необязательная для чтения часть со сплошной заклепкометрией)

Заседание Объединенного Комитета Обороны открыл Главнокомандующий Вооруженными Силами СССР маршал Л.П. Берия. После непродолжительных приветствий он перешел к конкретной части доклада, посвященного организации вооруженных сил ОВД.

— Вооруженные силы СССР в настоящее время закончили демобилизацию и перешли на состав мирного времени. В них планируется оставить не более 2700 000 человек личного состава.

В боевом составе Сухопутных войск будет не более 35..40 дивизий постоянной готовности, из них не менее 8 мотострелковых, 3 горнострелковые, до 12 танковых и 12 воздушно-десантных. Стрелковые дивизии переформируются в мотострелковые. Имеющиеся дивизии второй и третьей очереди пока планируется оставить в прежнем составе с последующим постепенным переводом на новые штаты.

ВВС будет иметь не менее 7000 боевых самолетов, в том числе тяжелые межконтинентальные стратегические бомбардировщики с поршневыми и турбовинтовыми двигателями, реактивные тяжелые бомбардировщики межконтинентальной и средней дальности, штурмовики, истребители сопровождения и фронтовые истребители. Планируется создание сверхдальних истребителей сопровождения и новых средств доставки ядерного оружия, способных достичь любого уголка земного шара.

Войска ПВО страны уже получили комплекс зенитных реактивных управляемых снарядов Беркут в стационарном исполнении и создают его модификации в подвижном варианте, для прикрытия сухопутных войск. Возможно развертывание стационарного варианта вокруг столиц союзных государств. В настоящее время такой вопрос прорабатывается. Кроме того они имеют самые совершенные зенитные установки калибров от 25 до 130 мм и радиолокационные средства обнаружения, сопровождения и управления стрельбой. Дополняют наземное вооружение барражирующие и легкие всепогодные истребители-перехватчики, с установленными на них радиоприцелами, способными засечь самолеты противника в любую погоду.

ВМФ в настоящее время переживают коренную перестройку. Для замены устаревших кораблей и судов вводятся в строй новые эсминцы, легкие и тяжелые крейсера, подводные лодки. Закончен постройкой первый линейный крейсер «Сталинград», получен и вступил в строй учебный авианосец «Чкалов». Пока на нем базируются лишь устаревшие учебные истребители и бомбардировщики, предоставленные нам Германией и Японией, но проводится подготовка к созданию новых, реактивных истребителей и бомбардировщиков для нашего флота. Одновременно заложено два новых легких авианосца, в их строительстве

учтен опыт наших японских и германских коллег. Пока с сожалением я вынужден отметить, что в связи со списанием устаревших судов и потерями, наш флот не вполне соответствует поставленным перед ним задачам.

Все эти силы СССР передает в подчинение Главнокомандования ОВД. В настоящее время часть сил разворачивается на территориях Франции, Германии, Бельгии, Италии, Польши, Болгарии, Румынии и Венгрии создавая передовой эшелон союзных войск совместно с войсками этих государств.

Вооруженные силы союзных государств включают:

Австрийской Социалистической Республики — до 38000 человек. Сухопутные войска: формируется горнострелковая дивизия, мотострелковая дивизия, воздушно-десантный батальон. ВВС — истребительный и штурмовой авиаполки, транспортная эскадрилья и зенитно-артиллерийская бригада.

Социалистическая Народная Республика Албания — формируемые вооруженные силы должны иметь до 40..45000 человек. Сухопутные войска: танковая и до 10...11 пехотных бригад, 2 бригады береговой артиллерии. ВВС: 3 смешанных, транспортный и учебный авиаполки — до 90 самолетов. ВМС — в настоящее время всего 12 сторожевых катеров, планируется передача до 30 советских и немецких торпедных катеров, 1..3 итальянские подводные лодки и 2..4 малых сторожевых корабля.

Бельгийское королевство — Сухопутные войска — 3 пехотные бригады береговой обороны, ВВС — эскадрилья истребителей-перехватчиков и эскадрилья патрульных морских самолетов, зенитно-артиллерийская бригада — до 30 самолетов, ВМС — 6 сторожевых кораблей, 6 сторожевых катеров и 8 тральщиков.

Болгарская Народная Республика — до 80 000 человек, Сухопутные войска — 4 пехотные дивизии, 2 танковые и артиллерийская бригада. ВВС — разведывательно-бомбардировочный и штурмовой авиаполки, 3 истребительных авиаполка, транспортный авиаполк, зенитно-артиллерийская бригада, до 300 самолетов. ВМС — 3 подводные лодки, 4 сторожевых корабля, 6 больших охотников и 18 тральщиков, 6 торпедных катеров и полк береговой артиллерии.

Венгерская Народная Республика — до 30 000 человек, Сухопутные войска — 3 пехотные бригады и 1 артиллерийская бригады, ВВС — 3 истребительных авиаполка, транспортный авиаполк, зенитно-артиллерийская бригада.

Германская Демократическая Республика — до 900 тыс. человек. Сухопутные войска — 4 танковые дивизии, 14 мотострелковых дивизий, 3 горнострелковые и 1 воздушно-десантная дивизии, 2 артиллерийские дивизии. ВВС — 3 авиационные армии, 3 бомбардировочных, 3 штурмовых, 3 истребительных и 2 транспортных авиадивизии — до 1200 самолетов. Войска ПВО страны — 4 дивизии ПВО, до 400 истребителей-перехватчиков. ВМС — 3 линкора, 4 тяжелых крейсера, 6 легких крейсеров, 19 эсминцев, 23 миноносца, 123(?) подводные лодки, 70 тральщиков.

Датское королевство — Сухопутные войска — 2 пехотные бригады береговой обороны, ВВС — эскадрилья истребителей-перехватчиков и эскадрилья патрульных морских самолетов, зенитно-артиллерийская бригада — до 30 самолетов, ВМС — 6 подводных лодок, 6 СКР, сторожевые и торпедные катера.

Итальянское королевство — в стране до 450 тыс. человек, в союзных республиках до 350 тыс. человек. Сухопутные войска — 1 танковая дивизия, 5 мотострелковых дивизий, 3 горнострелковые дивизии, 1 артиллерийская бригада, 1 танковая и 3 пехотные дивизии, 18 пехотных бригад в союзных республиках. ВВС — 2 авиационные армии, 1 бомбардировочная, 1 штурмовая, 4 смешанных, 2 истребительных и 1 транспортная авиадивизии-до 1200 самолетов. Войска ПВО страны— 2 дивизии ПВО, до 300 истребителей-перехватчиков. ВМС — 6 линкоров, 4 тяжелых и 12 легких крейсеров, 123 эсминца и миноносца, 93 подводные лодки, 21 СКР, 7 минных заградителей, 90 торпедных и сторожевых катеров.

Китайская Народная Республика — до 3 млн. человек, в настоящее время ведут боевые

действия и конкретных данных дать не могут. Примерное количество дивизий до 120, до 500 самолетов, около 100 сторожевых и артиллерийских катеров.

Люксембургское герцогство — войск не имеет,

Монгольская Народная Республика — до 30 000 чел. Всего 6 кавалерийских дивизий, танковый полк и смешанный авиаполк

Польская Народная Республика — до 250 тысяч чел. Сухопутные войска — 5 мотострелковых дивизий, 1 горнострелковая дивизия. ВВС — 2 авиакорпуса, по 4...6 авиаполков — до 400 самолетов. ВМС — 2 подводные лодки, 2 эсминца, 1 минный заградитель, 30 тральщиков, 12 сторожевых катеров, 8 батарей береговой обороны.

Румынская Социалистическая Республика — до 450 тыс. человек. Сухопутные войска — 12 пехотных дивизий, 2 горнострелковые дивизии, 3 кавалерийские бригады. ВВС — 2 авиагруппы, по 4...5 авиаполков — до 300 самолетов. ВМС — 1 подводная лодка, 4 эсминца, 3 миноносца, 1 минный заградитель, 13 тральщиков, 3 торпедных катера, 7 речных мониторов.

Словацкая Социалистическая Республика — войск не имеет.

Французская Демократическая Республика — до 900 тыс. чел, Сухопутные войска — 12 мотопехотных, 3 танковых, 1 воздушно-десантная и 2 легкие пехотные дивизии, отдельные бригады, полки и батальоны в союзных республиках, ВВС — 3 авиационных группы, до 1200 самолетов, ВМФ — 4 линкора, 1 авианосец, 6 тяжелых и 6 легких крейсеров, 44 эсминца, 26 миноносцев, 22 СКР, 13 охотников за подводными лодками, 24 тральщика, 3 торпедных катера.

Демократическая Республика Финляндия — до 45 тысяч чел. Сухопутные войска — 6 пехотных, 1 танковая и 1 егерская бригады, ВВС — 3 истребительных эскадрильи, до 40 самолетов. ВМФ — 3 подводные лодки, 2 броненосца береговой обороны, СКР, торпедные и сторожевые катера, 3 полка береговой обороны.

Чешская Народная Республика — войск не имеет.

Японская Империя — до 2 млн. чел. Сухопутные войска — 41 пехотная дивизия и до 28 бригад, ВВС — до 2000 самолетов, ВМС — 10 линкоров, 6 авианосцев, 16 тяжелых и 16 легких крейсеров, 111 эсминцев и миноносцев, 64 подводные лодки, тральщики и минные заградители.

Крупным недостатком существующих ОВС является разнообразие организационно-штатных структур, вооружений и военной техники. В настоящее время разрабатываются единые штаты, учитывающие как специфику отдельных государств, так и возможности совместных боевых действий. При этом все многообразие типов соединений планируется свести к пяти разновидностям. А именно: танковая дивизия или бригада, мотострелковая (мотопехотная) дивизия или бригада, артиллерийская дивизия или бригада для действий на ТВД с соответствующей инфраструктурой. Воздушно-десантная дивизия или бригада — для быстрых перебросок на другие ТВД и вертикального охвата. Горнострелковая (пехотная, легкая) дивизия или бригада — для действий на сложной местности или слабо развитом ТВД. Все эти дивизии будут сводиться в армии и корпуса. Последние будут различаться только комплектами частей усиления и количеством линейных дивизий. То есть от старой вертикали дивизия — корпус — армия решено отказаться в целях сокращения промежуточных звеньев управления.

Развитие обычных вооруженных сил необходимо проводить таким образом, чтобы они могли вести боевые действия даже в войне с применением ядерного оружия. Ведению такого рода боевых действий должны обучаться войска всех союзных армий.

При этом надо учитывать опыт применения данного оружия в Великой Освободительной войне и проведенных ранее в СССР испытаний. Он показывает, что, несмотря на всю свою мощь, ядерная бомба не отменяет действий войск с применением обычного оружия. Да, ядерное оружие — это могучее средство обуздания агрессивных действий любого противника, но его применение эффективно прежде всего по мирному населению, по городам и промышленности.

Советское правительство, руководствуясь принципами гуманизма и уважения к правилам ведения войны заявляет, что применит его только в крайнем случае, в положении, когда другими средствами ведения войны отразить агрессию не удастся.

Но это не значит, что, пользуясь данным заявлением, любой агрессор может безнаказанно совершать прямую или косвенную агрессию против государств-членов ОВД. СССР оставляет за собой как право оценивать возможность применения данного оружия, так и возможность применения его первым.

Учитывая необходимость поддержания высокой боевой готовности вооруженных сил ОВД необходимо как можно скорее добиться унификации как организационно-штатных структур, так и оперативно-тактических и стратегических взглядов и стандартов в союзных армиях. При этом должны быть диалектически рассмотрены все национальные методики и впитано все лучшее, что было создано до этого с учетом специфики каждой армии и каждого ТВД. По вооружению так же необходимо проработать вопросы унификации калибров применяемого оружия и стандартизации требований к обслуживанию и снабжению вооружений и военной техники, а в перспективе и по созданию, и принятию на вооружение единых образцов вооружения и военной техники.

Холодный мир

Значит завтра нам вести незримый бой... 1943/55...1950/62 годы

Великобритания. Даунинг-стрит

Разъяренный и погруженный в свои мысли Черчилль шел как атакующий носорог, ничего не замечая вокруг. Все рухнуло. Распад коалиции, который ему удалось отсрочить на год, фактически свершился. Лейбористы объявили о выходе из коалиционного правительства. Да, основная цель, ради которой это правительство было создано, вроде бы была достигнута, Германия повержена, Италия подписала мир, Япония отстранила от власти милитаристов. Но все это было достигнуто Советами и использовано ими для беспрецедентного расширения зоны своего влияния. Теперь они фактически владеют половиной мира, а наличие у них супербомбы не позволяет надеяться на военное решение проблемы. Сейчас, как никогда, необходима координация всех усилий нации для выживания Империи, для ослабления влияния русских внутри ИХ зоны. И он надеялся, что сумел довести свои соображения до всех членов коалиции. Но эти... Придется пожалуй подать в отставку. Тут Черчилль остановился, обнаружив, что стоит перед входом в здание резиденции премьер-министра.

В тот же день посол СССР в Великобритании Майский составлял донесение в Москву, описывая сложившуюся в Англии ситуацию:

«Собравшаяся в Блэкпуле конференция лейбористской партии приняла решение о выходе из коалиции. По полученным посольством отчетам, большую роль в принятии этого решения сыграли Моррисон, Синклер и Эрнест Браун. Бевин пытался бороться за сохранение коалиции до последнего, но большинство конференции его не поддержало. Эттли, похоже, колебался, но в конце концов принял сторону большинства. В целом ситуация напоминает преданное мне описание ситуации 45-го и Потсдамской конференции. В стране назревает недовольство линией на конфронтацию с нами, проталкиваемой Черчиллем. Большинство населения довольно прекращением войны и устранением угрозы фашизма, достигнутыми с нашей помощью. Конечно, большинство правящего класса не удовлетворены сложившейся ситуацией в Европе, но они не надеются на успех прямой конфронтации при сложившемся соотношении сил. К тому же многочисленные внутренние

проблемы Империи, по мнению многих политиков, требуют урегулирования советско-английских отношений с тем, чтобы переключить ресурсы на решение внутренних проблем. Имеются также многочисленные сведения, что значительная часть политической элиты считает непрочной образованную нами ОВД и предрекает постепенный ее распад из-за трудностей функционирования столь громоздкого образования, состоящего из многочисленных государств, имеющих самые разнообразные интересы.

Учитывая полученные инструкции и стремясь избежать возможной компрометации нашей политики, посольство не предпринимало никаких действий для направления политической ситуацией в нашу пользу. Считаю, что необходимо продолжать действовать в том же направлении, так как ситуация сама складывается благоприятно для нас».

Диктуя стенографистке текст донесения, Майский не торопясь перемещался по кабинету, одновременно бросая взгляд на настенные часы. Закончив диктовку и отправив стенографистку с готовым посланием в шифровальную, он вызвал секретаря и спросил:

— Как Иванов? Прибыл?

— Да, все в порядке. Дождется вашего вызова, — ответил секретарь.

— Вызывайте!

Через пару минут в кабинет посла вошел третий секретарь. Одетый прилично, но неброско, он напоминал типичного англичанина. Причем, несмотря на вполне респектабельный вид, третий секретарь имел такую неброскую внешность, что уже через пару мгновений никто не смог бы точно описать его вид. Понятно, что такая особенность была одной из слагаемых назначения его на должность — третий секретарь традиционно являлся резидентом внешней разведки в стране пребывания.

— И чем порадуете? — спросил Майский.

— Мы имеем тексты двух писем Черчилля Эттли и план проведения избирательной кампании лейбористов. Сведения подтверждают, что главой правительства в случае победы будет все же Эттли. В целом ситуация полностью соответствует описанной Москвой» — доложил Иванов.

«Великолепно. То есть к началу заседания организационной конференции ООН в Стокгольме, ситуация будет такой, как предсказывает Москва, — заметил Майский.

— С большой долей вероятности, да. Вряд ли различия будут большими. Может быть, персональный состав правительства немного отличается, — ответил Иванов.

На следующий день газеты сообщили сенсационные известия об отставке премьер-министра Черчилля, о поручении короля создать переходное правительство ему же, о назначении всеобщих парламентских выборов на 5 июля. Ирония судьбы или упругость времени, но даты полностью совпадали с теми, что были в прошлой реальности сорок пятого года. Да и расклад политических сил был почти тем же. Поэтому, встречая прибывшую на организационную конференцию ООН в Стокгольме английскую делегацию во главе с премьер-министром Черчиллем, глава советской делегации, председатель Совета Министров СССР товарищ Маленков загадочно и иронически улыбался. Заметившие эту улыбку журналисты долго и бесплодно гадали о ее причинах, высасывая из пальца огромные аналитические статьи.

Польская Народная Республика. Ольштынское воеводство

АКовцы напали на рассвете. Утомленная тяжелой работой в поле, крепко спящая деревня была поднята взрывами двух ручных гранат и ответным стрекотом автоматов ППС активистов ПОРП. Проснувшиеся крестьяне, крестьясь, вслушивались в резкие хлопки Маузеров, стрекот автоматов ППС и Стэн, редкие, громоподобные взрывы противотанковых и более частые, слабые взрывы осколочных гранат. В окна любопытные могли рассмотреть постепенно разгорающееся пламя пожара над фольварком. Да, похоже приехавшим организовывать кооператив активистам не повезло, кто-то из недовольных введением

коммунистических порядков явно навел на них АКовский отряд, действовавший до того в соседнем районе.

В принципе, особых сторонников АК среди переселенцев на «всходны крессы», как стали называть присоединенные к Польше территории бывшей Восточной Пруссии и вольного города Данцига, ныне города и порта Гданьск не было. Нет, многие конечно ворчали, что русские могли бы вернуть и Беслосток, и даже западные белорусские земли, но дольше этого почти никто не заходил. Положение изменилось после ареста Бур-Коморовского и выхода из правительства Миколайчика, недовольного принятым под давлением социалистического большинства решением правительства о создании сельскохозяйственных кооперативов. Но и тогда в деревне было сравнительно спокойно. Зато прибытие активистов и их стремление быстро и без особых уговоров заставить всех вступить в кооператив резко изменило обстановку.

Между тем бой понемногу затихал. Кажется, АКовцы побеждали. Стены и Маузеры звучали все увереннее и все реже слышался ответный стрекот ППС. Еще раз грохнула граната и наступила тишина. Озаряемые пламенем пожара, черные на его фоне, силуэты АКовцев, что-то тащивших из пылающего фольварка, мелькали туда и обратно, напоминая слетевшихся на свет стервятников.

Постепенно все затихло и, еще раз перекрестившись напоследок, крестьяне отправлялись «на боковую». АКовцы уходили, не беспокоя деревню. Лишь пожар на месте фольварка все не затихал, но влажная весенняя земля и начавшийся мелкий дождик не давали ему разойтись по-настоящему. Да и не хотелось никому рисковать, выходя ночью в зону боя, мало ли какие сюрпризы могли оставить АКовцы.

Тишина наступала, сменяя предыдущий шум, казалось, ничего больше ее не потревожит. Но тут на дороге, ведущей к деревне, по которой уходили АКовцы, снова загрохотало. На этот раз перестрелка была более короткой, но и более громкой, так как в ней явно участвовали тяжелые пулеметы. Через несколько минут перестрелка затихла, а деревня опять проснулась разбуженная шумом въезжающих военных машин. Два БТР в сопровождении польской пехоты расположились в центре деревни, а еще два и сопровождающий ее БТР с четырехствольной зенитной установкой подъехали к догорающим остаткам фольварка.

Встревоженные и растерянные крестьяне выглядывали в окно, наблюдая за разворачивающимися на улицах солдатами. Оцепив деревню, солдаты пошли по домам. Сгнав мужчин в центре деревни, командир батальона охраны страны потребовал выдачи сотрудничающих с контрреволюционерами. Иначе он пригрозил держать всех на улице до утра и весь следующий день.

Крестьяне долго отмалчивались и, скорее всего, пришлось бы им стоять под дождем. Но их спасло прибытие начальника отдела Госбезопасности района, который отчитал капитана за самоуправство и приказал распустить ни в чем не повинных людей. Все обрадовано устремились по домам, не заметив как прибывшие с начальником оперативники ловко отделили и посадили в стоящий неподалеку фургон троих крестьян. Позднее выяснилось, что два из них просто много протестовали против создания кооператива, а вот третий как раз и был тем, кто был связан с АКовцами. Быстрое же прибытие правительственных сил объяснялось просто. В группе активистов был радист, который смог передать сообщение о нападении.

СССР. Москва. Здание Министерства Обороны. 1944 г.

С утра проезд по улицам, ведущим к зданию МО СССР, образованного почти год назад в рамках реорганизации госаппарата страны, был сильно затруднен. Военные регулировщики, в недавно введенной щегольской форме с повязками, в касках с белой полосой, перекрыли дороги, направляя движение в объезд и пропуская только машины с

военными номерами. А они все подъезжали и подъезжали. Наконец проехала кавалькада из трех ЗИСов с затемненными стеклами и правительственными номерами и скрылась в воротах, ведущих во внутренний двор министерства. Тотчас оцепление было снято и через несколько минут движение по улицам продолжалось, как ни в чем не бывало.

Собравшиеся в зале совещаний маршалы, генералы и адмиралы составляли руководящую и направляющую вершину всей огромной и могущественной Советской Армии. Армии, недавно освободившей от гнета нацизма, империализма и капиталистического угнетения почти половину земного шара, армии, не имевшей себе равной в этом мире, армии, владевшей невиданными средствами уничтожения, способными стирать с лица Земли целые города. Сияли погоны, новенькие и уже потускневшие ордена и медали, парадные позолоченные пояса и нарукавные нашивки морских офицеров, легкий шум и перезвон орденов продолжался пока прибывшие на совещание занимали отведенные им места.

После небольшой организационной неразберихи, сопровождающей начало любого мероприятия в зал под сопровождавшую его команду «Товарищи офицеры!», вошел стремительной молодежкой походкой грузноватый человек в пенсне, одетый в отлично сидевшую на нем форму маршала Советского Союза. Лаврентий Павлович занял место в центре стоявшего на сцене стола, после чего первый заместитель министра обороны маршал Василевский подал команду вольно и все уселись.

Первым на совещании выступил начальник Главного Политического Управления генерал-лейтенант Крайнюков.

«Товарищи маршалы, генералы и адмиралы! Вдохновленные Коммунистической Партией Советского Союза и вооруженные единственно верным учением марксизма-ленинизма, творчески обогащенным товарищем Сталиным и его преемниками, наши вооруженные силы победоносно завершили Великую Освободительную Войну и плечом плечу с армиями других стран — участниц ОВД охраняют мирную жизнь Советского народа, народов всех стран Европы, Азии и Африки» — начал он. Берия, не терпевший переливания из пустого в порожнее, еле заметно поморщился и задумался о чем-то своем, воспринимая доклад оратора, как просто шум. Но, как ни странно, генерал быстро закончил свой доклад, завершив его услышанными Лаврентием Павловичем словами:

— Руководствуясь политикой Коммунистической Партии и Советского Правительства на всемерное повышение жизненного уровня советского народа, на военный бюджет оборонительной достаточности, мы должны выработать такие решения, которые при уменьшении расходов на поддержание вооруженных сил в боевой готовности, могли бы позволить им решить любые задачи по обороне нашей Советской Родины, по защите мирных завоеваний Советского народа и народов стран Венского Договора.

Затем слово получил начальник ГРУ генерал-полковник Шалин. В своем докладе он кратко описал военно-политическое положение в мире. Пропустивший начало доклада Берия прислушался после того, как Михаил Александрович начал описывать положение в Африке.

— В Кении разгорается восстание негритянского населения Мау-Мау. Пока англичане не могут разбить действующие партизанскими методами отряды повстанцев.

— Молодец Иваненко, — подумал Лаврентий Павлович. Как опытный разведчик, он даже мысленно не упоминал настоящее имя того высокого тренированного мулата, который под именем Кимати в настоящее время доставлял столько хлопот английским империалистам.

— В Египте в настоящее время вспыхнули волнения в нескольких городах и воинских частях. Англичане вынуждены были потребовать от короля Фарука принятия строгих мер и даже ареста множества офицеров египетской армии.

Если изложить то, о чем говорил начальник ГРУ, то становилось ясно, что Британская империя с трудом сохраняет свое единство, США, терзаемые внутренними проблемами, все же используют преимущества своей развитой экономики для сохранения существующего положения в Америке, проводя ее милитаризацию, спешно увеличивая вооруженные силы и

под видом помощи стремясь проникнуть в экономику Англии и ее колоний.

— Победа коммунистических вооруженных сил в Китае и вытеснение гоминдановских сил в Бирму, Лаос и Таиланд значительно снизили напряженность на Евразийском континенте, что позволяет сократить оборонные усилия стран ОВД, — закончил свой доклад Шалин.

После краткого перерыва начали выступать с докладами главнокомандующие. Первым выступил Главнокомандующий Сухопутных Войск Конев. В своем докладе он отметил, что в сложившейся обстановке роль сухопутных войск отнюдь не снижается, так как включение в их состав частей ВДВ позволяет расширить сферу их действия на весь земной шар. Группировки же сухопутных войск в государствах ОВД составляют главную цементирующую основу союзных войск. Поэтому, несмотря на снижение численности сухопутных войск и процентного соотношения их в общей численности Вооруженных Сил СССР нельзя снижать внимание к их состоянию. Требуется полное перевооружение автоматическим стрелковым оружием — автоматами АК и АКС, ручными пулеметами РПД. Устаревшее оружие должно быть передано армиям союзных государств. По опыту войны для повышения огневой мощи пехоты в систему вооружения должны быть введены автоматический миномет или станковый гранатомет и единый пулемет. Танковые войска должны получить модернизированные образцы танка Т-54. Артиллерийское вооружение в целом признано удовлетворительным, но требуется разработка легкого орудия поддержки пехоты, срочное доведение и принятие на вооружение новой горной пушки, самоходной артиллерии, способной выполняя обычные артиллерийские задачи, сопровождать танковые и мотострелковые войска.

За ним доклад о состоянии ВВС и ПВО зачитали главнокомандующие этих родов войск главный маршал авиации Жигарев и маршал авиации Вершинин. Указывая на превосходство данных видов вооруженных сил над вероятными противниками в вооружении и технике, они требовали продолжения работ по созданию новой техники, в том числе межконтинентального бомбардировщика Туполева, всепогодных истребителей дальнего сопровождения и барражирующих истребителей-перехватчиков с радиоприцелами, подвижных ракетных зенитных управляемых систем, боевых ракет дальнего радиуса действия.

Главнокомандующий ВМФ адмирал флота Советского Союза Кузнецов отметил в своем докладе, что в изменившейся ситуации основу военно-морских сил должны составлять корабли океанского класса, в первую очередь авианосцы, линейные корабли и крейсерские подводные лодки, а также силы их охранения. Для достижения паритета с флотами союзных государств необходима постройка по сути нового флота. Поскольку такое решение создаст огромную нагрузку на бюджет и экономику страны, предлагается решить вопрос о достройке подходящих кораблей в союзных странах с дооснащением их современной советской техникой и комплектованием советскими экипажами. На советских верфях должны строиться только корабли, постройка которых невозможна в союзных странах.

При обсуждении докладов среди множества выступлений Берия про себя отметил выступление генерал-полковника Неделина. Неделин отметил, что развитие ракет большой дальности и возможности создания военных космических аппаратов требует выделения этого направления под отдельным командованием и, возможно создания отдельных Ракетно-Космических Стратегических войск. Хотя это выступление было раскритиковано, Берия решил, что оно вполне логично.

В заключительном выступлении он отметил, что в течении следующих двух лет произойдет серьезная перестройка и дальнейшее сокращение ВС СССР.

Голландия. Граница Королевства Нидерланды и ГДР. Недалеко от г. Венло

Несмотря на все пережитые Европой и миром события Голландия вновь выглядела той

же спокойной, довольной жизнью страной, что и в предвоенное время. Единственным серьезным изменением стало ужесточение пограничного контроля. Но даже это не мешало оживлению приграничной жизни и торговли. Многочисленные посредники, легальные и контрабандные торговцы, и спекулянты делали свой гешефт, пользуясь относительно либеральным режимом пересечения границы, установленным немцами. Туда и обратно шныряли многочисленные группы заинтересованных туристов и рядящихся под них шпионов. Но сегодня, в воскресенье, торговцев не было, да и туристов было немного, отчего на контрольно-пропускных пунктах границы царил тишина. Впрочем, если вдуматься, тревожная, так как тишина на границе обычно заканчивается каким-нибудь шумным инцидентом.

Попивая кофе, Ричард Блейк и Сэм Браун спокойно и умиротворенно разглядывали утренний пейзаж и расположенный неподалеку, напротив их столика, шлагбаум пограничного КПП с нарядом голландских пограничников. С противоположной стороны виден был такой же наряд пограничников ГДР. На него и Ричард, резидент МИ5, и Сэм, резидент УСС, старались не глядеть, но напряжение давало о себе знать, поэтому время от времени то один, то другой бросали быстрые и, как им казалось, неприметные взгляды в ту сторону. Их волнение было вполне понятно, давнему агенту МИ5 среди немцев удалось встретиться с одной из наверное самых разыскиваемых фигур в современной Европе — инженером фон Брауном. Оба резидента знали, что фон Браун был одним из важнейших людей в разработке нового супероружия немцев. Причем оба догадывались какого, так как получали ориентировки по этому оружию, называвшемуся дальнобойной ракетой. Но оба держали свои догадки при себе. В разведке нельзя показывать всем, что ты слишком умный. На могилах многих разведчиков вполне можно написать следующую эпитафию: «Он слишком много знал. И не смог удержаться, чтобы не рассказать о своем знании». Или даже проще: «Молчание — золото».

Поэтому и сидели оба резидента, попивали с внешне невозмутимым видом прекрасный натуральный кофе и осматривали пейзаж, заодно уточняя обстановку и расположение своих агентов, готовых прийти на помощь. Учитывая важность дела и требование фон Брауна о вывозе его в САСШ, на Англию он не соглашался категорически, к делу привлекли лучших агентов. Конечно, УСС не могла похвастаться таким же уровнем подготовки, что англичане, поэтому Блейк сразу определил их группу. Четверо якобы английских туристов, но ведут себя слишком развязно. И вообще, для туристов одеты бедновато, сейчас только очень обеспеченные англичане могут позволить съездить посмотреть Европу. Так что...

Додумать Ричард не успел. На дороге перед немецким КПП показалась известная по описаниям машина с агентом МИ5 и фон Брауном. Присмотревшись, Блейк рассмотрел, что в «Опель-Кадете» действительно сидит двое. Машина остановилась, из нее вышли два человека, немецкие пограничники, подойдя к машине, проверяли паспорта, затем стали осматривать машину. Внезапно все переменялось. К наблюдающим за проверкой пассажирам подошли еще несколько пограничников, и переговорив, повели их в здание пограничного пункта. Сэм тихо сказал, стараясь сдерживать прорывающееся в голосе волнение:

— Похоже, провал?

Блейк, выглядя более невозмутимо, чем обычно, отрицательно покачал головой и добавил:

— Не обязательно. Иногда они проводят полный обыск пассажиров и машины. Просто для профилактики и выявления контрабандистов.

Но тут на пороге домика появился офицер в форме, отличающейся от пограничной, и один из пассажиров, попытавшийся рвануться в сторону границы, был схвачен пограничниками. Все стало ясно и Блейк с Сэмом вскочили одновременно с восьмеркой агентов, на бегу вытягивающих из сумок и из-под плащей пистолеты-пулеметы стен. Заранее предупрежденные голландские пограничники как горох посыпались в открытые недалеко от КПП окопчики. Немецкие с не меньшей скоростью рванули к открытым окопчикам и

небольшому бетонному зданию около своего КПП. Раздались первые очереди из пистолетов-пулеметов, кто-то из немцев упал. Агенты уже перескочили границу и приближались к домику заставы, обстреливая скрывающихся немцев и окрестности короткими очередями, как вдруг с неба раздался незнакомый свистяще-воющий грохот и на бегущих обрушился ливень пулеметного огня. Мгновенно сориентировавшийся Ричард Блейк рухнул на землю и перекатом укрылся за Опель-Кадетом. Браун повезло меньше, он поймал пулю в плечо и свалился недалеко от срезанных пулеметной очередью агентов МИ5. Двое уцелевших англичан и трое американцев еще пытались сопротивляться, когда на площадку недалеко от дороги приземлились два вертолета. Из каждого выскочили по несколько солдат в немецкой и советской форме. Грамотно передвигаясь под огнем и подавляя ответными выстрелами сопротивление агентов, они окружили группу. Неторопливыми перебежками под прикрытием огня остальных солдат они начали сближаться с окруженными агентами.

Ричард, поняв, что все провалилось, резко вскочил и, нырнув в открытую дверцу автомобиля, так и стоящего с работающим на малом газу мотором, свалился на место водителя. Чуть приподняв голову и сориентировавшись, он резко дал газ и, сбив одного из пытающихся подбежать пограничников, рванул в объезд шлагбаума, прекрасно понимая, что сбить его простой машиной невозможно. Тут нужен был, по крайней мере, легкий танк. Несколько раздавшихся ему вслед выстрелов, вылетевшее от попадания пули заднее стекло осыпало его осколками, но он уже мчался по голландской земле. Выскочив на шоссе, узкое и без кювета, он на полной скорости устремился прочь от границы, не обращая внимания на то, что осталось позади.

Русские и немецкие солдаты тем временем схватили двоих оставшихся в живых не раненных агентов. Часть из солдат и пограничников осматривала поле боя, ища своих и чужих раненых и подбирая оружие. Обнаружив раненого Брауна, они подозвали вышедшего из домика офицера и начали его перевязывать. Офицер, бегло оглядев пришедшего в сознание Брауна, улыбнулся и сказал на неплохом английском со славянским акцентом: «Рад видеть вас, мистер Браун. Надеюсь, вы не сильно пострадали?».

Браун резко дернулся, выругался и потерял от боли в плече сознание.

Вьетнам. База Да-Нанг

Рядовой первого класса 25-й пехотной дивизии Джексон Маккейн напряженно вглядывался в освещаемую прожектором полосу вырубленных джунглей вокруг ограждения из колючей проволоки. Чертовы джапы вместе с гуками любили устраивать ночные нападения и обстрелы. Чтобы не утверждали политики там, в Вашингтоне, здесь, в Южном Вьетнаме, множество народу было отнюдь не в восторге ни от американцев, ни от поддерживаемого ими императорского правительства. Да и император Бао Дай и его чиновники были пожалуй еще теми сволочами. Такой бедности среди населения, таких откормленных чиновников пожалуй не найти ни в одной стране мира. А уж взяточничество было вполне законным явлением. Как слышал Джексон любой вопрос можно было решить за десяток долларов. Серебряных, или золотых, бумажек чиновники не признавали. А с этим даже у американских рядовых была напряженка, впрочем как и у всей страны. Страны, принимавшие в оплату доллары, остались только в Америке... Но тут Джексону, бывшему клерку Чейз Манхеттен Банк, завербовавшемуся в армию из-за потери места, стало не до отвлеченных размышлений. Что-то мелькнуло в густой траве внизу, на стыке секторов обзора с его вышки и соседней.

Черт возьми, на ней дежурил этот проклятый ниггер из цветного полка, недавно прибывшего на подкрепление, как же его зовут, Бункер Томсон, кажется? Спит ведь, наверняка спит. Черт и какой идиот конструировал эти вышки, так все позакрывали, что и прожектор и пулемет как следует не развернешь. Ага, не спит, дал-таки очередь по подозрительному шевелению в кустах. И... ах, баллшит, похоже только этой очереди и не

хватало гукам чтобы прицелиться. Да, внушительно. Чем же они стреляли? Похоже на пушку, но как они ее через джунгли протащили и почему так ярко полыхнуло в точке выстрела? Разорвало, что ли? Черт, надо выключать прожектор, кажется гуки решили все вышки обстрелять. Пожалуй, выключить прожектор и уносить ноги будет вернее всего.

Так начался обстрел и осада американской военной базы Дананг партизанами. Подтащив через джунгли несколько безоткатных орудий, батальонных 70 мм гаубиц и минометов, партизаны обстреляли периметр охраняемой зоны, а затем и часть аэродрома. Перерезав сухопутные дороги своими отрядами, они быстро создали довольно сильную оборону как на внешнем, так и на внутреннем фронтах, охватывающих Да-Нанг. Оборонявшие базу полк 5-й пехотной дивизии и 6-й полк цветных войск США, а так же авиакрыло истребителей-бомбардировщиков Уорхок и транспортное авиакрыло попали в тяжелое положение, их явно не хватало для отпора партизанам. Кроме того, база служила главным пунктом снабжения американских войск во Вьетнаме и ее осада затруднила снабжение войск в других частях Вьетнама.

Интересно, что партизаны имели хорошие сведения о положении в Да-Нанге, поскольку атаковали в момент, когда две базирующиеся на порт канонерки ушли на ремонт в Манилу на Филиппинах, а смена им ожидалась только через неделю. Успокоенное затишьем, командование флота не торопилось. Поэтому поддержка с моря подошла через несколько дней. Два эсминца типа флешдеккер, «Пол Джонс» и «Пэррот» обстреляли прибрежные районы действий партизан из 102 мм орудий, впрочем без особого успеха. Взлететь с обстреливаемого партизанами аэродрома стало невозможно и по партизанам работали легкие бомбардировщики Норт Америкен А-27 и истребители-бомбардировщики Брюстер Буффало с аэродрома Бьен-Хоа, близ Сайгона. Малокалиберные бомбы, которые несли эти самолеты, не могли нанести больших потерь укрывавшимся в джунглях партизанам. Пришлось американцам перебрасывать на аэродром Бьен-Хоа с авиабазы Кларкфилд на Филиппинах все 35 имевшихся там новых тяжелых бомбардировщиков Боинга Б-17. Тут и моряки наконец-то разобрались в обстановке и прислали целый отряд кораблей под командованием вице-адмирала У. Гласфорда из тяжелого крейсера «Хьюстон», двух легких крейсеров «Марлбхед» и «Бойз» в сопровождении 6 эсминцев и канонерки «Чарлстон». Все эти силы и подтянутые два полка 25-й дивизии с трудом деблокировали Да-Нанг. Партизаны, умело скрываясь в джунглях, маневрируя небольшими группами, используя хорошо замаскированные пулеметные точки, сумели здорово потрепать американские войска. Осматривая один из захваченных опорных пунктов партизан, Маккейн и солдаты роты, в которой он служил, очень удивлялись умело замаскированным позициям, огромному количеству вырытых ячеек и окопов, соединенных разнообразными ходами сообщения, иногда даже подземными. Один подземный ход, по которому Маккейн с другом рискнули пролезть тянулся пожалуй на милю, если не больше, выводя прямо к огненным позициям, оборудованным для минометов и большой пещере, в которой похоже, хранили боеприпасы. Но все же под огнем корабельной артиллерии и бомбами авиации партизаны отошли.

Джексону Маккейну повезло, он не получил даже ранения, хотя и не раз участвовал в атаках на партизан, пробиваясь сквозь переплетенные кусты и лианы под обстрелом невидимых партизанских пулеметов и минометов. Вместо уничтоженной вместе с вышкой винтовки «Гаранд», он получил новый карабин М1, уже прозванный солдатами «Беби Гарандом», легкий, всего 2,5 кг весом с пятнадцатизарядным магазином. Конечно, прицельная дальность была маловата, всего 300 ярдов, но для джунглей вполне хватало. Долго смеялись солдаты над инструкцией к карабину. В разделе «Разборка в полевых условиях» было записано: «Разборка в полевых условиях не рекомендуется», а в следующем: «Сборка в полевых условиях» — «Сборка производится в порядке, обратном разборке».

Хуже всего пришлось полку цветных войск. Их бросали в самые опасные места, часто без артиллерийской и авиационной поддержки и к концу осады полк потерял почти половину своего состава. Как не странно, но полк продолжал сражаться, к удивлению Маккейна, всегда невысоко оценивавшего солдатские качества чернокожих.

По итогам боев в Объединенном Комитете Начальников Штабов было принято решение отправить во Вьетнам дополнительно две пехотные дивизии, несколько артиллерийских и авиационных частей.

Аргентина. Буэнос-Айрес

Полковник Хуан Доминго Перрон заинтригованно молчал, рассматривая неожиданного собеседника, подсевшего к его столику и представившегося Рамоном Меркадером из Испании. Ничуть не смущенный молчанием собеседника, Меркадер подозвал официанта, сделал заказ и в ожидании заказанных блюд, попивая аперитив, настойчиво пытался разговорить Перрона. Из вежливости Перрон отвечал, всем видом стараясь показать незваному гостю свое нерасположение. Однако гость похоже попался «толстокожий» и плохо воспитанный и не обращал внимания на намеки, поэтому полковник уже собирался встать и откланяться. Он ожидал только куда-то запропастившегося официанта. Но тут освободился последний из соседних столиков и Рамона словно подменили. Теперь вместо шутника и плейбоя перед Перроном сидел сосредоточенный деловой человек, явно желавший сказать что-то серьезное. Перрон напрягся, пытаясь просчитать ситуацию и решить, что делать дальше. Охраны с ним не было, водителя автомобиля — охранника он только что отпустил. Кому может быть интересен работник Министерства Обороны? Англичане и американцы великолепно осведомлены о его взглядах и вряд ли станут посылать к нему своего человека. Немцы? Могли бы, но судя по вестям из Европы им сейчас не до Латинской Америки вообще. Неужели тайная полиция пронюхала что-то о создаваемой организации?

Рамон, пару секунд помолчав, начал с неожиданного для Перрона вопроса:

— Вы верите в то, что русские перенеслись к нам из будущего?

Удивленный Перрон ответил:

— Возможно. Но я небольшой поклонник Герберта Уэллса и Жюль Верна. Предпочитаю нечто более жизненное.

Меркадер, улыбнувшись, продолжил:

— Но это действительно так. И они действительно имеют сведения о том, что должно было произойти, но увы, уже не случится, вплоть до 1953 года. У меня была возможность получить от своих друзей из России некоторые сведения по будущему Аргентины и некоторых из ее жителей. Так вот, — Меркадер достал из лежащего рядом портфеля толстую кожаную папку: — Здесь выдержки из этих документов, которые вас должны заинтересовать. Просмотрите, можете взять с собой, но прошу вас не распространять полученные сведения. И еще — это не провокация тайной полиции, не надо хвататься за пистолет. Я — сотрудник испанского консульства в Кордове, вот мои документы. Можете проверить через своих друзей в министерстве внутренних дел. Если же позднее захотите связаться со мной — встреча через два дня в этом же кафе. А теперь разрешите откланяться.

С этими словами Меркадер встал и не торопясь удалился, оставив на столике несколько купюр, по сумме явно превышающих стоимость заказа.

Перрон, внимательно и напряженно изучая окрестности, дождался официанта, рассчитался и, также стараясь двигаться неторопливо, покинул кафе. Приближаясь к дому, он ожидал всякого, в том числе неожиданного ареста или даже засады на квартире. Но, как ни странно, все было как обычно. Поцеловав Эвиту и переодевшись, Хуан под предлогом срочной работы заперся в кабинете и, достав папку, начал читать вложенные в нее фотокопии газет, распечатанные донесения и другие документы.

Через два часа он с трудом оторвался от содержимого папки и закурил очередную сигару. В кабинете плавало облачко от ранее выкуренных им сигар, в голове неприятно звенело. Он всегда считал себя трезвым человеком, настоящим католиком и не верил ни в какую мистику. Но то что он прочел... И главное, все точно ложилось на его затаенные

мысли с которыми он не делился ни с кем из знакомых и сослуживцев. А какие перспективы! Боже мой, это же готовая программа действий. И в одной из бумаг даже состав исполнителей указан. Остается только привести ее в действие. Одно непонятно — на кого работает Меркадер? Русские или немцы? Хотя неважно. Интереснее другое — что он потребует за все это. Бесплатный сыр бывает только в мышеловке. Такими сведениями просто так не разбрасываются, а тут ему их подарили. Почему? Если он вдруг сдаст Меркадера тайной полиции под любым предлогом, а документами воспользуется сам или вообще откажется разговаривать с этим шпионом, а себе оставит необходимые выписки. Стоп, стоп. А ведь ясно. Американцы усиленно тянут все государства под свою опеку в эту новую Организацию Американских Государств, якобы для защиты от коммунистического проникновения. А он, Хуан Доминго Перрон считает, что его страна должна сама решать свою судьбу. То есть, как бы он не поступил, неведомый наниматель Меркадера остается в выигрыше — он не сможет не действовать так, как ему подсказывают его совесть и Господь Бог. А этот путь неминуемо выводит его на ту дорогу, которая описана в папке. Но, мадре кон диос, ведь он и сам приходил к таким же мыслям!

Через два дня в кафе Меркадер и Перрон просидели около получаса, обсуждая что-то очень важное.

А еще через несколько месяцев газеты вышли со статьями об очередном военном перевороте в Аргентине. «Таймс» в посвященной событиям аналитической статье сообщала:

«Президент Роберто Марселино Ортис до самой своей смерти в прошлом году, хотя и не принимал участия в управлении государством из-за состояния здоровья, пользовался поддержкой населения. Правящий от его имени вице-президент Рамон Кастильо, по нашим сведениям, несмотря на провозглашенную им политику нейтралитета, неоднократно публично восхищался политикой Бенито Муссолини и Франсиско Франко и поддерживал пронемецки настроенные силы в правящей коалиции. Став президентом, он пытался изменить политику, переориентировавшись на САСШ. Но в политических кругах последних это изменение было встречено с недоверием. Многие американские политики считали правительство Кастильо ненадежным, профашистским и способным пойти на переговоры с коммунистами по примеру Муссолини.

Однако приход к власти военной хунты полковника Перрона рассматривается ими как еще более худший вариант. Хунта сразу же объявила о широкой программе реформ в коммунистическом духе. Кроме того, в стране введены антидемократические меры в виде запрета на свободу слова, роспуска всех оппозиционных и создания вместо них двух проправительственных партий. Несогласные с режимом политические и профсоюзные деятели подвергнуты тюремному заключению, отправлены в концентрационные лагеря или высланы из страны. Людей хватали прямо в домах, не давая им даже времени на сборы и увозили в неизвестном направлении.

По указу хунты в государственных школах введено обязательное религиозное воспитание. Впрочем, эта мера рассматривается многими как тактический ход, должный обеспечить поддержку хунте со стороны католической церкви».

Интерлюдия

Мир переменился и перемены эти стали необратимы. Война, грозившая стать самой страшной и продолжительной из всех, бывших до нее, закончилась неожиданно быстро. Перенесенный из будущего СССР неожиданно быстро разбил две из трех агрессивных держав и вынудил остальные страны подчиниться своей воле. Отдельные вспышки недовольства пока не могли перерасти в серьезные неприятности, ошеломленные и испуганные противники новых режимов никак не могли скоординировать свои действия и преодолеть страх перед супероружием русских. Коммунисты же и просоциалистические силы при поддержке русских устанавливали свои порядки в большинстве стран Европы.

В Азии китайские коммунистические и японские войска выгнали сторонников гоминдана из Китая в Бирму, Индию, Лаос, Таиланд и на Тибет. При поддержке неназванных стран чанкайшисты пока сумели удержаться в Тибете, но, кажется, это была агония...

В Японии с соизволения Божественного Тенно недавно избранный парламент, в котором впервые участвовали депутаты — коммунисты и социалисты, принял новую конституцию и изменения в своде законов. А еще были проведены суды над «поджигателями войны» и «нарушителями ее законов». Впервые после русско-японской войны в нескольких японских портах появились русские, а вернее советские, военные корабли. В их числе был и новейший советский тяжелый крейсер «Сталинград» и достраивавшийся у стенки линкор «Советский Союз», на который кроме всего прочего монтировалось и советское оборудование. Установленные на нем самые мощные в мире 456 мм пушки теперь должны были управляться и самой совершенной в мире системой управления огнем, включающей радиолокаторы.

В СССР положение слегка выправилось после сравнительно голодных лет. Но всем было ясно, что требуются срочные меры по подъему сельского хозяйства. Да и вообще, экономические проблемы вызвали самую большую озабоченность. Партийные и правительственные круги, ученые-экономисты и простые граждане впервые с двадцатых годов широко обсуждали пути дальнейшего совершенствования социалистического общества.

Великобритания под управлением лейбористов лихорадочно пыталась связать вместе разваливавшуюся как плохо упакованный сверток Империю. В Индии продолжались беспорядки, в Кении — восстание, собравшиеся в доминионах Южной Африки парламенты провозгласили создание независимой Южно-Африканской Республики в составе пяти провинций: Капской, Наталя, Трансвааля, Южного Свободного Государства и Родезии, в Северной Ирландии снова начались столкновения между католиками и протестантами. Премьер-министр и остальные члены правительства крутились как белки в колесе, но без особого результата. Увы, ресурсы Британии были ограничены, а САСШ...САСШ были заняты своими делами и не могли или не хотели оказать достаточную помощь.

В Африке же продолжались боевые действия в некоторых колониях Франции, где силы проанглийской «Свободной Франции» пытались отбиться от войск поддерживающих правительство метрополии, усиленных подразделениями ВВС Германии и СССР. В джунглях Французской Центральной Африки белые люди убивали друг друга на глазах недоумевающих аборигенов.

В Каракасе, Венесуэла, главы большинства государств Нового Света собрались для подписания договора о создании Организации Американских Государств. Американцы, долго работавшие на такой результат, теперь могли быть довольны. Увы, в бочке меда, как всегда притаилась маленькая, но неприятная ложка дегтя. Аргентина, в которой недавно произошел военный переворот, отказалась участвовать в ОАГ и заявила о своем нейтралитете. В ответ же на объявление САСШ торгового эмбарго она объявила о национализации всех американских активов и заключении торговых договоров с Германией и Францией. А уж когда в речах некоторых сенаторов мелькнуло слово «интервенция», Перрон заявил о получении кредита от Германии для закупки у нее самого современного вооружения. Попытки же американских военных кораблей блокировать поставки не удались. До огневого контакта дело не дошло, но нервов русским, германским, французским и американским морякам потрепало изрядно. Просто все суда с вооружением и инструкторами из Германии шли в охранении (и немало) кораблей флота ОВД.

В самих САСШ армия усиленно тренировалась и перевооружалась. В частях появились первые серийные средние танки М4, легкие М5 и БТР М3. Непрерывно возрастал выпуск пистолетов-пулеметов Томпсона в новой, упрощенной и удешевленной модификации, самозарядных винтовок Гаранда и карабинов Винчестер М1. Карабин поставлялся в части 5-й и 25-й дивизий вместе со специальной укороченной для джунглей винтовкой «Танкер Гаранд». Солдатам особенно понравился карабин М1, и конструкторы, после

многочисленных требований поступивших из армии, принялись за его модернизацию.

Сложнее всего происходила перестройка в авиапромышленности. Пока продолжалось производство винтовых самолетов, лихорадочно велись работы по созданию на базе купленных в Англии реактивных двигателей Уиттла своих конструкций. А на аэродромах уже появились первые учебные истребители с теми же двигателями Уиттла — самолеты YP-59 «Эйркомет». Назвать их боевыми не позволяли показанные им скромные характеристики, например максимальная скорость не превышала шестьсот шестьдесят километров в час, но все же это был первый реактивный американский самолет.

А верфи усиленно клепали новые, оснащенные большим числом зениток, корабли, от эсминцев до линкоров и авианосцев.

Венгерская Народная Республика. г. Будапешт

Жизнь в Венгрии становилась все страшнее и страшнее. Новое правительство, возглавляемое бывшим послом в СССР-53 Йозефом Силкой вело политику репрессий, стремясь очистить страну от бывших хортистов. Полиция и Служба Госбезопасности хватили людей прямо на улицах, множество бывших военных и государственных чиновников было посажено в тюрьму. В ответ тайные хортистские организации начали террористические действия.

Силка пытался договориться с СССР о возможности высылки «врагов народа» в Сибирь, но Председатель Совета Министров Маленков в личном разговоре отказал, заметив, что СССР отнюдь не заинтересован в импорте чужих преступников. Тогда венгры договорились с французским правительством и всех приговоренных к ссылке стали вывозить во Французскую Гвиану.

Посол СССР в Венгрии, Николай Шаронов, в беседе с одним из членов правительства Венгрии заметил, что нельзя перегибать палку. Конечно, Советское правительство не собирается вмешиваться во внутренние дела Венгрии и защищать фашистов, но кажется органы безопасности Венгрии все же перегибают палку, насколько известно послу за последний месяц полиция и СБ провели 80 000 превентивных арестов. Не вызовет ли это недовольство населения?

После такого предупреждения полиция и госбезопасность стали действовать более разборчиво, но накал взаимного террора не спадал.

Дьердь Мюнних внимательно осмотрел улицу. Прохожие шли спокойно, ни один вроде бы даже и не глядел в его сторону. Не видно было ни одного человека в крепких ярко-коричневых кожаных ботинках, которые, как известно, носили все сотрудники ГБ. Осторожно раздавив в портфеле ампулу химического взрывателя, он не спеша вышел из машины, с сожалением бросил взгляд на почти новенькую «Татру», которая вскоре должна была погибнуть во время взрыва и, еще раз оглядев здание Комитета по сельскому хозяйству, нырнул в проходной двор. На параллельной улице его уже ждал другой автомобиль, немецкий «Вандерер» с соратником «Бруно». Хорошо зная основы подпольной работы, бывшие сотрудники тайной и обычной полиции регента создавали ячейки подполья, стремясь к минимуму свести знания их членов друг о друге. Вот и Дьердь знал о «Бруно» только то, что он бывший военный, живущий где-то в Буде.

Они переглянулись, пока Дьердь садился и, не говоря ни слова, «Бруно» тронул стоящую с уже запущенным мотором машину, вписываясь в движение по улице. Несмотря на то, что они успели отъехать уже почти на квартал, взрыв больше двухсот килограммов взрывчатки почувствовался даже в машине. Быстро проехав еще несколько кварталов, они расстались. Бросив машину в подходящем дворе «Бруно», как стало известно Дьердю позднее, благополучно добрался домой.

А вот Мюнниху не повезло. Почти добравшись до дома, он наткнулся на патруль народной полиции. Проверив его документы, начальник патруля потребовал, чтобы Дьердь

пошел с ними. На вопрос Дьердя, почему он задержан, начальник ответил, что об этом он узнает в управлении полиции. Воспользовавшись беспечностью патрульных, которые не ожидали от задержанного никаких сюрпризов, Мюнних ударил одного из них ногой, второго захватил за горло и прикрылся им от начальника патруля. Пока обалдевший от неожиданности сержант скребя пальцами по кобуре, пытался ее расстегнуть, Дьердь успел достать из кобуры придушенного патрульного его «фроммер». Отбросив ослабевшее тело, Мюнних передернул затвор и дважды выстрелил в наконец-то расстегнувшего кобуру и доставшего пистолет начальника, а потом, слегка повернувшись, в упавшего полузадушенного патрульного и в пытавшегося выпрямиться, еще не отошедшего от удара, второго. Быстро подняв пистолет начальника патруля и забрав запасные обоймы, Дьердь, великолепно знавший этот район, побежал в сторону проходного двора. Позади раздались крики и звук свистка, которым полицейские созывали подмогу. Но Мюнних уже проскочил во двор, пробежал по следующему и через подъезд поднялся на чердак дома. Пройдя по чердаку, он выбрался на крышу соседнего дома и потом по крышам перебрался в соседний квартал.

Через час он уже отдыхал на конспиративной квартире. Ближе к вечеру на квартиру пришел старший пятерки «Аттила». Выслушав доклад Мюнниха, он одобрил его действия и рассказал, что в результате взрыва убиты несколько десятков активистов и трое сотрудников службы безопасности. К сожалению, основная цель взрыва, коммунист с довоенным стажем, министр промышленности и сельского хозяйства Имре Надь легко ранен. Силы взрыва не хватило для поражения бронированного ЗИСа. Ничего, зато страху на комми этот взрыв нагнал изрядно, они прошерстили все окружающие дома в квартале, арестовали кучу ни в чем не виновных обывателей. А в одном из домов даже была перестрелка. Кто-то из арестовываемых достал спрятанный пистолет и убил нескольких полицейских. Кто — неизвестно, дом до сих пор оцеплен бригадой сил безопасности. Говорят, всех жителей приговорили к высылке в Гвиану. На вопрос Дьердя, не зря ли они подставляют ни в чем не повинных, «Атилла» заметил, что иначе не получается, ведь борьба всегда требует жертв. К тому же, терроризируя власть и заставляя ее наносить удары по всем подряд, подпольщики подрывают саму ее основу — поддержку среди населения, приближая всеобщее восстание. Мюнних, подумав, согласился.

А через несколько дней, получив новые документы, он уже ехал на поезде в Сегед. Там, на границе со все еще полыхающей войной в Югославии, он должен был помочь местным соратникам в организации доставки оружия. Тайные продажи английского и американского оружия начались уже давно, но сейчас подпольщикам удалось договориться о больших объемах поставок в кредит.

Атлантический океан

Четыре гигантских мотора ровно гудели, вращая восьмерку спаренных винтов. Тяжелый сверхдальний противолодочный бомбардировщик Ту-20МП кружил в небе перед караваном судов шедших из Бреста в Буэнос-Айрес. Командир воздушного корабля капитан Денис Корнуков напряженно вслушивался в доклады соседа и своих операторов. Пока ни одна система обнаружения не засекла ничего подозрительного. Но все равно и экипаж самолета, и команды сторожевых кораблей бдительно обшаривали окружающий океан всеми имеющимися средствами обнаружения в поисках возможных подводных лодок. Увы, несколько пропавших без вести судов, одно из которых успело сообщить о торпедной атаке неизвестной подводной лодки, заставляли «держаться порох сухим».

Пока никаких данных о принадлежности лодок ни одной из спецслужб ОВД добыть не удалось. Ходили слухи о несдавшихся нацистах, которые продолжают личную войну с тайных баз в латиноамериканских странах, поговаривали о тайной операции флота и УСС САСШ, но пока никто не смог ничего доказать точно. Вот и пришлось судам ОВД, да и

нейтральных европейских стран, ходить в Аргентину конвоями, под охраной кораблей объединенного или аргентинского флотов. Сейчас конвой из двух десятков сухогрузов и танкеров сопровождали противолодочные корабли советского, французского и немецкого флотов, а также пара новых противолодочных самолетов Туполева, впервые допущенных к столь дальнему перелету.

Размышления командира прервал доклад одного из операторов, заметивших подозрительный сигнал. Предположительно западнее курса конвоя на расстоянии около 20 миль локатор засек две цели, похожие на подводные лодки в надводном положении. Подав вперед РУДы, увеличив скорость с крейсерской до восьмисот километров в час, капитан приказал радисту передать предупреждения на корабли и напарнику.

Пока бомбардировщик Корнукова летел к целям, напарник сбросил завесу из противолодочных буюв, чтобы можно было засечь лодки и под водой.

Похоже, на неизвестных подлодках заметили приближавшийся самолет, они резко отвернули в разные стороны и начали погружение. Но это им не помогло, аппаратура «тушки» видела их и под водой, а погружение явно доказывало их враждебные намерения. К тому же они приблизились к конвою почти до границы зоны безопасности, о которой Главное Военно-Морское Командование ОВД предупредило все страны. Пожалуй, можно уже применять оружие. Плохо только, что вторая лодка может ускользнуть, да и взрывы, скорее всего, сорвут ее сопровождение кораблями и вторым бомбардировщиком. Возможно, однако, что атака первой подлодки отпугнет вторую.

Размышляя таким образом, капитан в то же время готовил самолет к удару. Выйдя на боевой курс и снизив скорость, он нажал на кнопку сброса и из открытых бомболюков вниз полетели несколько противолодочных бомб. Отвернув, капитан передал управление второму пилоту и попытался оценить обстановку. Второй самолет кружил вдали, прикрывая конвой с противоположной стороны. К месту, в котором могла оказаться вторая подлодка на полном ходу шли советский «Блестящий» и немецкий «Отто Штрассер». Место бомбардировки первой лодки сразу бросалось в глаза с высоты из-за огромного пятна топлива, расплывавшегося по поверхности моря. К нему также на полном ходу шел французский фрегат «Сюффрен». Еще три корабля шли противолодочным зигзагом в ближнем охранении конвоя. Судя по всему, контр-адмирал Руге, командовавший конвоем вполне адекватно оценивал ситуацию.

Впрочем, капитану Корнукову снова стало не до размышлений, хвостовой стрелок доложил, что его локатор засек две летящие со скоростью 800 км/час цели сбоку от самолета. Увы, они быстро вышли из зоны обнаружения, а увидеть их в оптический прицел не удавалось из-за облачности. Пожалуй, следовало увеличить скорость до максимальной, решил Денис, но в этот момент заработали пушки верхней установки. Одновременно стрелок прокричал, что самолет атакуют непонятные летающие тарелки. Отвернув бомбардировщик вверх и влево, второй пилот пытался набором скорости и высоты уйти от атаки, но было уже поздно. Пушечные очереди повредили оба мотора на правой плоскости, приборная панель засверкала красными огнями. Теперь-то, взяв управление на себя, Корнуков наконец увидел атаковавших. Да, это было действительно невиданное зрелище. Дымя форсированными моторами, с почти неразличимыми на глаз двумя сверкающими кругами вращающихся лопастей на основании длинных мотогондол, торчащих из круглого блинообразного крыла-корпуса с выступающей кабиной, три истребителя²⁶ без опознавательных знаков виражили,

²⁶ Палубный истребитель-дискoplan Чанс Воут Ф5У1 «Скиммер» («Шумовка», США). В реальности из-за недоверия руководства ВМС и недофинансирования программы построен в двух экземплярах и совершил всего несколько полетов. Продемонстрировал отличную управляемость, высокие летно-посадочные характеристики и скорость 811 км/час на высоте 8808 м. Имел два винта установленных на тонких длинных пилонах и приводимых во вращение от двух двигателей по 1350 л.с. с турбонагнетателями. Мог зависать во время полета и взлетать по вертолетному (со специальной рампы). Вооружение (план.) 4 20 мм пушки Темко-Форд Mk12 или 6 12,7 мм пулеметов М3.

пытаясь повторить атаку. Еще один, дымя и распадаясь, падал вниз и, спустя несколько секунд, взорвался, оставив вместо себя быстро тающее облако.

Снова заработали пушки, стрелки верхней и задней точек пытались отбить угрозу, еще не понимая, что поврежденные двигатели уже не дают никакого шанса на спасение и лучшим выходом остается только катапультирование. Корабли конвоя наверняка подберут всех.

Внезапно задняя установка перенесла огонь налево и из ближайшей облачности, в которой что-то сверкнуло вывалился еще один сбитый и горящий «блинчик». Капитан успел заметить, что пилот истребителя вывалился из открытого фонаря, когда очереди справа опять вошли в корпус бомбардировщика. Взвыл в наушниках сигнал опасности и смолк, видимо из-за поврежденной электроники. Капитан, включив автопилот, передал всем приказ на катапультирование.

Да, экипаж этого самолета был первым, который покидал самолет такой модели. Никто тогда еще не подозревал, что катапультирование из этого бомбардировщика похоже на лотерею. Кресла экипажа по специальным рельсам одно за другим подтягивались к люку и выбрасывались стреляющим механизмом вниз. А в воздухе вылетающие кресла летели параллельно корпусу и... натыкались прямо на гигантский обтекатель радиолокационного прицела.

Подоспевший к месту боя «Сюффрен» подобрал несколько плавающих тел и пару живых членов экипажа самолета. Среди разлитого по морю пятна мазута нашли кусок дерева с обрывком надписи на английском языке. Увы, прыгнувшего с парашютом пилота истребителя никто не искал, так как никто из моряков ничего не заметил, и только позднее из докладов уцелевших из экипажа «тушки» командование узнало обо всем. Конечно, было уже поздно возвращаться и проводить поиски, хотя один из вертолетов Ка-15 слетал в тот район, осмотрев поверхность моря и, естественно, ничего не обнаружив.

Ирак. Иордания. Египет

«Представитель английских деловых кругов», сэр Йен Флеминг спустился по трапу пассажирского самолета «Галифакс» на поле багдадского аэропорта, где его уже ждали представители иракского правительства. Поздоровавшись, они пригласили высокого гостя в лимузин и кортеж из четырех автомобилей, быстро домчался до города, где, пробираясь среди беспорядочного движения на забитых людьми и повозками улицах, направился к комплексу правительственных зданий. Там его уже ждали премьер-министр Нури аль-Саид, министр иностранных дел Садик Шаншал и военный министр маршал Абдель Карим Кассим. Переговоры шли недолго, стороны легко нашли общий язык, чему немало способствовало наличие общего врага. Созданное с помощью стран ОВД государство Израиль стояло поперек горла и иракцам, и англичанам. К тому же обе высокие договаривающиеся стороны активно помогали недовольным созданием Сирийской Автономной Республики в составе Французского Содружества арабским патриотам. Англичане поставляли подпольщикам оружие, финансировали их тайные организации. Правительство Эттли, хотя и не так активно, как при Черчилле, но пыталось тайно мешать русским коммунистам, где только можно. Тем более что в обмен на открытие рынков Империи для американских товаров САСШ «подкачали тонуций плот Британского правительства», дав кредит на сравнительно легких условиях и не требуя возврата поставленного по ленд-лизу.

Вот и договаривались эмиссар английской спецслужбы и правители Ирака о более тесной координации действий, о новых поставках оружия и присылке новых военных советников. Армия Ирака активно готовилась к решению «еврейского вопроса» вместе с союзниками, при поддержке Англии и САСШ. Единственное, что пока сдерживало арабов это присутствие в Израиле советско-германских сухопутных войск. Но как стало известно

английской разведке, по договоренности с ОВД эти войска должны покинуть Палестину в течение ближайшего года. На территории Израиля остается только пункт базирования Средиземноморского флота ОВД в Хайфе, но там будет лишь несколько тыловых подразделений, рота охраны, а также зенитные и береговые батареи. Вполне можно предположить, что при быстром, «молниеносном» разгроме Израиля ОВД не успеет вмешаться и будет вынуждено примириться с результатом войны.

После успешного окончания переговоров Флеминг попал на неофициальный прием к королю Ирака Фейсалу. Король был очень любезен и просил Йена передать пославшим его, что иракцы всегда будут добрыми друзьями англичан. «Еще бы» — подумал про себя Флеминг, улыбаясь и в ответ заверяя в наилучшем отношении Великобритании к Ираку — «ведь без английских штыков и особенно бомбардировщиков данной страны и на свете бы не было!».

После приема, ознакомившись с английской базой в Хабании, осмотрев перебазируемые туда в этом году новейшие четырехмоторные бомбардировщики «Флаинг Фортресс» Mk.2, поставленные из Америки, Й. Флеминг отправился на своем «Галифаксе» в Трансиорданию.

Прибытие в Трансиорданию совпало со знаменательным для страны днем и вполне возможно, что осталось незамеченной враждебными наблюдателями на фоне торжеств и прилета множества других гостей. Трансиордания, бывшая Восточная Палестина, стала независимым Хашимитским Королевством Иорданией. Наконец-то официально занявший трон Абдулла устроил пышные торжества по всей стране. В столице новоиспеченного королевства, Аммане, прошел военный парад. Сформированный год назад части Арабского Легиона, наиболее боеспособные по английской оценке войска на Ближнем Востоке, в идеальном порядке прошли по центральным улицам столицы. Вслед за шедшими в пешем строю солдатами в традиционных бедуинских галабиях, возглавляемыми офицерами в форме английского покроя и со стеками, по улицам прогрохотали танки «Кромвелл» и «Черчилль», броневики «Даймлер» и «Грейхаунд», самоходки «Секстон», грузовики «Бедфорд» с пехотой и прицепленными легкими пушками-гаубицами или противотанковыми пушками. А в конце парада над улицами и площадями столицы пронесли несколько десятков реактивных истребителей «Тандерболт»²⁷ и колонна более медленных винтовых «Спитфайров», «Москито» и «Вендженсов».

После торжеств король и его министр обороны генерал Хуссейн-бей (он же бывший полковник германского генштаба Крибль) встретились с Йеном Флемингом. Неофициальный прием проходил в одном из флигелей королевского дворца, подальше от любопытных взглядов. И здесь переговоры прошли быстро и успешно. Как король, так и его министр полностью поддерживали стремление англичан уничтожить новое еврейское государство и вернуть Палестину под благословенное аллахом управление арабов. Возникли, правда, небольшие споры по разделу пока еще неубитого медведя, но Флемингу удалось ловко отложить их обсуждение до завершения войны.

И вот уставший, но довольный Флеминг опять сел в кресло салона «Галифакса». Несколько часов полета и вот, наконец (каламбур) конечная цель вояжа — Египет. Узкие улочки Каира, как всегда забытые непонятно куда спешащим народом, повозками, пробирающимися сквозь это столпотворение с гудками автомобилями, на первый взгляд практически не отличались от недавно покинутых стран. Впрочем, и на второй тоже. Восток, традиционный и практически не меняющийся, да и не хотевший меняться, философски подумал Йен. Флеминга, как и в других странах, уже ждали. На этот раз он официально был приглашен на большой прием в королевском дворце, посвященный подписанию нового соглашения по совместному экономическому развитию Судана. Англо-Египетский Судан,

²⁷ Первоначально английский реактивный истребитель «Метеор» получил название «Тандерболт», которое было заменено из-за получения этого названия американским истребителем P-47.

страна, держащая в своих руках истоки Нила, также входила в зону отдела, в котором работал Ян. Но сейчас положение в Судане или соседней Абиссинии интересовало его даже меньше, чем политическая ситуация на Луне, поскольку задачи поставленные перед ним были четки и недвусмысленны.

Несмотря на неблагоприятную обстановку в Империи, Британия не могла себе позволить чьего-либо вторжения в зону ее экономических интересов. Нефть, нефть и еще раз нефть, вот что перефразируя Монтекукули²⁸ необходимо для современной экономики. И англичане, осознав это, сразу после Первой Мировой сделали все, чтобы создать на обломках Великой Порты зависимые от них государства, владеющие нефтью. Даже территория Мосула, которую первоначально планировалось отдать французской Сирии, после известий о наличии там нефти была передана Ираку. Но теперь, после создания русскими государства Израиль и Сирийской Автономной Республики, в которых у власти стоят неугодные англичанам правительства, при активной русской пропаганде лучшей жизни в этих странах, контроль над этим районом может быть утерян. Вот и надо вернуть его, причем в наилучшей британской традиции, чужими руками.

Ну что, удовлетворенно подводил итоги Флеминг, сидя в кресле летящего над Средиземным морем «Галифакса» и потягивая виски из принесенного стюардом тяжелого стакана, все прошло удачно. Египет, Ирак и Иордания практически готовы к войне и самое главное, они будут уверены, что сражаются за свои интересы. Осталось только подкинуть им еще вооружений и советников, да дожждаться полной эвакуации русско-германского экспедиционного корпуса. А французам будет не до Израиля, когда одновременно в нескольких гарнизонах вспыхнут тщательно подготовленные восстания «национально-освободительных арабских сил». Все будет только так и никак иначе. А если нет — то придется уходить в писатели, неудачи такого уровня ему не простят. Да уж, тогда надо будет переносить на бумагу выдумки этого говоруна из отдела «Зеро» Джеймса Эрла²⁹, мысленно посмеялся Ян Флеминг, сделав еще глоток «Уайт Хорс».

ГДР. Гейленкирхен. Французское Содружество. Дакар. Атлантика.

Подполковник Логичев, командир 120 истребительного полка дальнего действия, был расстроен. Последнее время такое его состояние было редкостью, получив недавно согласие Хелен на свадьбу, он постоянно лучился счастьем и казалось ничто не могло испортить ему настроение. Даже коллективная пьянка и драка в казарме, устроенная дембелями, в результате чего он получил выговор от командира дивизии, ненадолго его расстроила. Впрочем, командир авиакорпуса генерал Молодчий в личном разговоре заметил, это дело житейское, что случай этот ничуть не испортил его хорошее впечатление о Петре, и распорядился выделить взвод строителей с техникой, чтобы построить к свадьбе для командира полка новый отдельный домик в гарнизоне.

Но сегодня Петр искренне расстроился. Лейтенант Юрий Гагарин, веселый и компанейский летчик, в короткое время ставший любимцем всего полка, отлично овладевший техникой и великолепно отстрелявшийся по мишеням во время недавней итоговой проверки, вызван в Москву. Жаль, Логичев уже наметил его на открывающуюся вскоре вакансию командира второй эскадрильи. Но ничего не поделаешь, приходится расставаться. Вот и сейчас пытающийся скрыть свое состояние Логичев и веселый Юрий

²⁸ Австрийский фельдмаршал, получивший известность благодаря своему высказыванию: «Для войны нужны всего три вещи: во-первых, деньги, во-вторых, деньги, и, в-третьих, деньги».

²⁹ Эрл — феодальный титул в Англии, насколько мне помнится, соответствует герцогу. Бонд — вольный крестьянин. Шутка.

Гагарин сидели в летной столовой, где по случаю отъезда капитана вторая эскадрилья устроила небольшую вечеринку. В глубине души Логичев признавал, что его состояние вызвано не столько расставанием с Юрием, сколько завистью. Хотя никто не говорил об этом вслух, все знали, что Гагарин принят в отряд подготовки космонавтов. Документы же Логичева не прошли через командование корпуса, генерал Молодчий, говорят, сказал, что такой командир полка ему нужнее, чем неизвестно кому для решения задач, не имеющих пока никакого практического значения.

На следующий день Логичеву стало не до этих мелочей. Прилетевший Молодчий привез с собой приказ о подготовке перелета на аэродром близ Дакара. Оттуда полк должен летать на сопровождение аргентинских коновоев, вернее сопровождающих их противолодочных самолетов. Одна из этих многотонных машин, начиненная самой современной электроникой, была на днях сбита неизвестными истребителями без опознавательных знаков во время охоты на пиратскую подводную лодку. Теперь же Ла-25 Логичева должны были прикрывать эти самолеты вместе с палубными истребителями с учебного авианосца «Чкалов». К сожалению, немецкий авианосец «Карл Маркс», как и советский «Иосиф Сталин» еще не получили авиагрупп из-за неготовности самолетов, а французский «Беарн» поддерживал операцию против бандформирований в Сомали. И вообще, ВВС всегда доказывали что авианосцы — ненужная роскошь, что переброска авиагрупп обходится намного дешевле даже с учетом необходимых для них авиабаз. Теперь предстояло доказать это на практике.

Все завертелось! В коридорах домов городка загудели сирены, побежали по своим маршрутам посыльные, навстречу им устремился поток летчиков и техников. Специальный автобус отправился собирать всех, кто уехал в Гейленкирхен по личным делам.

Пока технический состав готовил по тревоге самолеты, летчики собрались в «высотке» для получения указаний. Здесь-то они и узнали о полученной задаче. На подготовку к перелету давалось всего два дня, поэтому летчики сразу получили полетные карты и начали отрабатывать на них маршрут перелета.

Тем временем на аэродроме уже грузились передовые команды. Первая должна была встретить самолеты полка на аэродроме Алжира, а вторая летела до Дакара. На стоянке перелетающих самолетов уже стояли четыре транспортника, четырехмоторные Ту-4Т и новейшие двухмоторные турбовинтовые Ан-8. Рядом с ними с кажущимся для гражданского взгляда беспорядком сутились группы механиков, техников и инженеров, собирая и загружая внутрь все необходимое в таком случае имущество, от запасных колес до тележек с оборудованием для проверки систем самолета. В один из Ту-4, стоящий на отдельной площадке в стороне от аэродрома, в окружении красных флажков и под наблюдением вооруженных автоматами часовых из роты охраны, грузили тщательно зачехленные тележки с боеприпасами. Там сутились несколько офицеров из батальона аэродромного обслуживания, выделяющиеся своей повседневной зеленой формой с погонами на фоне серых техник.

Наконец один за другим самолеты передовых команд взлетают и в сопровождении дежурного звена отправляются к месту назначения.

Вечером уставший до предела Логичев наконец-то добрался до квартиры. Выйдя из «козлика» и напомнив водителю, чтобы в 6-00 завтра он уже был на месте, Петр поднял взгляд на ДОС и удивился. В окнах его квартиры горел свет. Кто же это мог быть? Или... нет невероятно, она сегодня занята на работе, быстро поднимаясь по лестнице, успокаивал сам себя Петр. Но вот уже заветная дверь, она внезапно открывается и на пороге Петра встречает милая и родная улыбка.

«Здравствуй, мейн херц» — улыбаясь, сказала Хелен. Петр, входя в квартиру и закрывая дверь, невольно засмеялся. Это была их маленькая шутка, родившаяся после того, как Петр подарил Лене книгу А.Толстого «Петр Первый».

«Мне позвонила Натали Муравьева и намекнула, что вы надолго улетаєте. По ее тону я поняла, что командировка будет опасной. Это так?» — спросила Хелен, пока Петр

переодевался.

«Ну, Леночка, что ты волнуешься. Обычные полеты на предельный радиус, правда в страны где пальмы растут. Да и вообще, ты же знаешь, что таких самолетов, как у нас больше ни у кого нет. Какая опасность, ты что?» — ответил Логичев.

«А «Кельнишер Цайтунг» напечатала статью, в которой пишет, что над Атлантикой сбит русский противолодочный бомбардировщик и экипаж погиб» — жалобным тоном продолжила Хелен, схватив Петра за руку и таща за собой вглубь квартиры...

Утром не совсем выспавшийся, но счастливый Петр поцеловал спящую Хелен и осторожно одевшись, вышел из дома к машине.

Еще через два дня самолеты Ла-25 сто двадцатого полка кружили над Атлантикой, прикрывая очередной конвой на Аргентину.

Дакар поразил Петра смесью старого колониального и нарождающегося современного быта. Особняки европейской части города и хижины негритянской соседствовали с грандиозными стройками новых кварталов. Старые, еще довоенные чиновники, презрительно относящиеся к аборигенам и с недоверием относящиеся к советским людям, работали вместе с только что приехавшими энтузиастами — демократами из социал-демократов и коммунистов. Как ни странно, работа шла и даже неплохо. Во всяком случае, полк снабжался всем без задержек, офицеры были расселены по коттеджам, а солдаты — в неплохую казарму.

Полеты истребителей дальнего сопровождения продолжались несколько месяцев, но ни одного загадочного истребителя они так и не встретили.

А по возвращении в Гейленкирхене прошла веселая свадьба.

САСШ. Вашингтон.

Инаугурация американского президента — великолепный спектакль, или как любят говорить американцы «шоу». С этим согласиться любой, даже занятый не столько разворачивающимся действием, сколько возможностью в это время встретиться с агентом, резидент советской военной разведки в Вашингтоне Сергей Сычев.

Новый президент еще не заступил на пост, а результаты его избрания уже ощущались по всей стране в ужесточении контроля за передвижениями иностранцев, в активизации ФБР, начавшей аресты «подозреваемых в шпионаже в пользу коммунистических режимов», в атмосфере нагнетавшейся антикоммунистической пропаганды. Несколько дней назад в конгрессе выступил сенатор Чарлз Макнари. Он заявил, что правительство и многие учреждения США пронизаны сетью коммунистических шпионов, которые, используя либерализм и попустительство нынешнего правительства США, стремятся захватить власть в Америке, чтобы подчинить ее господству коммунистов. Он потребовал принятия специального комплекса законов для борьбы с этим явлением. Журналисты уже окрестили эту политику «макнаризмом». Причем большинство журналов и газет вполне ее одобряло. Вообще-то и новый президент победил на выборах в основном своей жесткой линией по отношению к странам Старого Света, входящим в ОВД. Везде, на плакатах и в газетах по радио и в кинотеатрах американцы видели и слышали сказанные им в Филадельфии на предвыборном митинге слова: «Я буду биться здесь и сейчас, буду биться сегодня и везде, буду биться сам и с помощью граждан моей страны, но больше никогда и никому не уступлю ни клочка свободного мира!».

Да, Джордж Маршалл, бывший генерал и новоиспеченный политик, начинал жестко, но это было вполне объяснимо. Экономика САСШ в годы после События работала в основном на внутренний рынок и на незначительные рынки латиноамериканских стран. Правда, удалось проникнуть в экономику Британской империи, но даже и это не компенсировало потерю европейских и множества азиатских рынков. Тем более что и на, казалось бы, надежно защищенном от внешних влияний латиноамериканском пространстве и даже,

страшно сказать, в британских колониях американские товары были вынуждены конкурировать с товарами стран ОВД. Объединенные в Совет Экономической Взаимопомощи экономики самых развитых стран Евразии, тем более при резко упавших военных расходах, заработали намного эффективнее. И пришлось американцам, независимо от желания, начать милитаризацию экономики. А для милитаризации нужен враг, который, конечно же, не заставил себя ждать. Боевые действия в Южном Вьетнаме, обострение обстановки в Бразилии, где обнаглевшие партизаны уже не просто отсиживались в джунглях, а атаковали небольшие гарнизоны, полностью захваченный красными Китай, отколовшаяся Аргентина... Вот и пришел к власти на волне патриотизма и уязвленной американской гордости бывший генерал, заявляющий, что сделает все для возвращения естественного мирового порядка, в котором только США должны править миром.

Сергей смотрел на проходившее мимо красочное шествие, на этот раз впервые включающее не только празднично разряженные оркестры и делегации граждан, но парадные коробки пехоты, танкистов, артиллеристов, авиаторов, моряков и морской пехоты. Вот в воздухе пронеслись несколько эскадрилий новейших самолетов. Из-за грохота авиационных моторов Сергей не сразу расслышал условную фразу. Наконец-то долгожданная встреча состоялась. Делясь мнениями о параде и новом президенте, Сергей и агент незаметно обменялись газетами.

Через несколько минут, когда агент уже растворился в праздничной толпе, мимо Сергея проехал открытый лимузин со стоящим в нем... м президентом САСШ. Дождавшись, когда толпа начнет редеть, Сергей выбрался на соседнюю улицу, нашел свой автомобиль и поехал в посольство.

Через пару часов в Москве принимали очередную радиограмму из американского посольства. После расшифровки на столе начальника ГРУ оказался полный список заводов, выпускающих новейшие танки М4, истребители и бомбардировщики с реактивными двигателями и супербомбы.

Другие придут, сменив уют на риск и непомерный труд.

СССР. Полигон Уралмашзавода.

Работы по усовершенствованию Т-54, ненадолго прерванные Катаклизмом и войной, продолжались. Наконец-то на Уралмашзавод поступили стабилизаторы пушки, разработанные в КБ Погожева. Увы, первые же проверки показали, что полученные «изделия» совсем «сырые» и абсолютно неспособны удержать пушку в нужном направлении. Наоборот, при включенном стабилизаторе пушка вибрировала и ее казенник мотался по боевому отделению башни, заставляя танкистов уклоняться от него всеми возможными способами. Особенно доставалось заряжающему, в одном из пробегов он не успел отклониться и от удара казенника получил перелом кисти и сотрясение мозга. Кроме плохой работы, мучили постоянные утечки гидрожидкости из цилиндра. Сама жидкость отнюдь не добавляла благоухания к тяжелой атмосфере внутри танка, итак насыщенной парами топлива, масла и пороховой гарью. К тому же, как установили медики, ее пары со временем могли привести к потере сознания экипажем. Все попытки улучшить стабилизатор специально созданной бригадой заводских инженеров и рабочих результата не давали. Даже поспешно приехавшие представители от конструкторского бюро Погожева ничем помочь не смогли. А ведь по плану завод должен был уже построить полсотни усовершенствованных танков! Поэтому на завод приехала целая комиссия во главе с первым заместителем министра оборонной промышленности С. Н. Махониным, вместе с генералами А. М. Сычем и И. В. Котляровым в сопровождении представителей министерств, институтов и завода — изготовителя стабилизатора. Как всегда, приезд такой команды вызвал нервность в работе, наказание невиновных, разносы не причастных и экстренные работы на пределе

человеческих возможностей. Днем и вечером шли бесконечные совещания, заседания, рапорты, доклады и накачки. «Мощная» комиссия работала на заводе целый месяц, пока, наконец, вроде бы были получены приемлемые результаты.

Поэтому сегодня было решено провести испытания на полигоне в присутствии высоких гостей из Москвы. И теперь мощная боевая машина, «озонируя» воздух выхлопами топлива и пороховым дымом, утюжила полигон завода. Пройдя трассу, танк подъехал к стоявшей на въезде в полигон комиссии и Иван Васильевич Котляров, решивший лично проверить состояние дел, с недовольным видом вылез из башни. Подойдя к остальным представителям, он снял танкошлем и, еще не совсем отойдя после грохота, заявил громким голосом:

«Не думаю, что такой результат нас устроит!».

Услышав его, один из разработчиков стабилизатора — Александр Липкин решил наглядно показать его работоспособность. Подбежав к стоящему с работающим на холостом ходу двигателем танку, он крикнул высунувшемуся из люка танкисту:

«Стабилизатор включен?!»

Дождавшись утвердительного кивка, Липкин неожиданно подскочил и повис на стволе пушки. Ствол резко вернулся в прежнее положение, но радостный крик Липкина — «Ура! Есть момент стабилизации!» слился с раздавшимся из танка душераздирающим воплем. Липкин поспешно отпустил пушку, а нырнувший внутрь танкист вытолкнул в люк на глаза изумленной комиссии, держащегося за голову, на которой постепенно проявлялись синяки, заместителя главного конструктора завода — изготовителя стабилизатора Ф. Авдеева. Все обступили пострадавшего, кто-то побежал за медиками, а Махонин начал расспрашивать Авдеева. Выяснилось, что он, забравшись в танк, просунул голову между казенником пушки и башней, чтобы осмотреть цилиндр и убедиться в отсутствии течи. А в этот момент Липкин повис на стволе и голова Авдеева оказалось зажатой.

Прибежавший врач осмотрел Авдеева и сказал, что все обошлось довольно благополучно, внутренних повреждений нет. Видимо усилие оказалось не слишком большим. И все невольно посмотрели на стоящего рядом отнюдь не тучного Липкина.

Даже «помощь» комиссии и успешные испытания первого танка не радовали ни директора завода Окунева, ни главного конструктора Карцева. План выпуска Т-54А был фактически сорван, расчеты показывали, что завод успевает выпустить не более половины заданного. Понятно, такой результат грозил немалыми неприятностями. Надо было что-то делать. Попытка уговорить комиссию согласиться на корректировку плана и замену оставшейся части выпуском танков старого образца не удалась. Выход из положения нашел Карцев, посоветовавший директору позвонить прямо министру обороны Лаврентию Берии и объяснить ему всё. Долго не решался директор на такой звонок, долго решали они с Карцевым, что и как сказать. Потом директор поднял трубку телефона ВЧ и связался с Москвой. Когда связь с Министерством Обороны была установлена, директор начал разговор:

«Уважаемый Лаврентий Павлович! К вам обращается убитый горем директор Уралвагонзавода Окунев...»

Как ни странно, продолжительный разговор закончился вполне благополучно. Берия не только разрешил сдать в счет плана новых машин танки старого образца, но и предложил сразу начать разработку нового стабилизатора, двухплоскостного, вместо разработанного.

Уже выпущенные танки со стабилизатором были переданы в учебную часть, расположенную недалеко от завода. Там они очень широко использовались для переподготовки и обучения курсантов и резервистов, что позволяло выявить все недостатки конструкции.

Через год на том же полигоне те же лица, но уже без Липкина следили за испытательным пробегом танка Т-54Б. Поговаривали, что Погожев лично запретил Липкину выезжать на полигон, сказав: «Испытания по вашей программе можете производить прямо в цехе».

СССР. Железнодорожная станция Тюра-Там

Проводник предупредил капитана Василия Мелешко, что поезд стоит на станции Тюра-Там всего две минуты. Поэтому Василий, заранее сдав постель стоял наготове в тамбуре и нервно докуривал сигарету. Неожиданный перевод из войск ПВО в войска связи, да еще и на новый неизвестно где расположенный полигон, честно говоря сильно его нервировал. Но вообще-то можно было считать что ему повезло. Армию сильно сокращали и многие из его друзей, признанные неперспективными, паковали чемоданы или лихорадочно подыскивали места работы во Владивостоке готовясь к неожиданной гражданской жизни. Спокойнее чувствовали себя выслужившие срок майоры и подполковники, но и им не особо улыбалось уходить с большого по меркам СССР жалования и пайка на не слишком большую пенсию и жизнь обычного гражданина.

Я верю друзья, караваны ракет 1947/59...1953/65 годы

СССР. Тюра-Там.

На полигоне царил предстартовое оживление. Одна из двух уже построенных площадок для ракет Р-7 готовилась к запуску. По подъездным путям непрерывно подтягивались составы с жидким кислородом. Поступавший в теплые баки, охлажденный до сверхнизких температур кислород мгновенно начинал испаряться и ракета стояла окутанная облаками стравливаемого из аварийных клапанов пара. Заправка шла уже почти десять часов и до конца ее оставалось еще два часа. Томящиеся в гостинице сотрудники комиссии, конструкторских и заводских коллективов с нетерпением ожидали момента запуска. Еще бы, впервые было дано добро на запуск спутника Земли. Когда один за другим пускали ракеты с практической боеголовкой на Камчатский полигон заканчивались неудачей, когда боеголовки одна за другой при входе в атмосферу разваливались и никак не удавалось определить причины этого, в окружении Королева родилась мысль запустить хотя бы простейший спутник вокруг Земли. Но Председатель Совмина СССР Маленков и Министр Обороны Берия решили, что это преждевременно. И пуски, о которых нельзя было найти и намек ни в одном документе с грифом менее двух нулей, продолжались.

Зато теперь разработанный в КБ Тихомирова спутник, с небольшой жилой камерой для собаки, напичканный максимально возможным числом разнообразных приборов и датчиков, был установлен на носителе. В пункте управления стартом стоял небольшой динамик, из которого доносился слышимый всеми равномерный стук сердца Лайки. Приученная тренировками к окружающей обстановке, она нисколько не волновалась, видимо ожидая, что скоро это заключение закончиться и знакомый лаборант снова угостит ее вкусными мозговыми косточками. Если все пойдет удачно, то так и будет. Только намного позднее, когда спускаемую часть спутника найдут в районе приземления.

Ну вот, наконец-то все было готово и лично Королев дал команду на запуск.

Вот так Землю и настиг очередной шок. Эти непредсказуемые русские опять выкинули нечто невообразимое, запустив вокруг Земли не просто искусственный спутник, да еще и спутник с живой собакой на борту. Многие радиостанции транслировали идущие из космоса записи биения сердца собаки, летающей над планетой. Слово «спутник» в считанные дни вошло почти во все языки мира. Правда в САСШ и Великобритании прошли немногочисленные демонстрации клубов любителей животных, на которые естественно почти никто не обратил внимания. Все с нетерпением ожидали, чем же закончится очередная русская авантюра. Неплохие прибыли получили продавцы биноклей и телескопов, раскупаемых как пирожки желающими лично проследить за пролетающей по небу

искусственной звездочкой.

И никто не был разочарован. Спутник благополучно кружил вокруг Земли, оборот за оборотом, но вот спуск спасательной капсулы закончился неудачно. Или не вовремя сработали тормозные двигатели, или не открылся тормозной парашют — русские сообщали как всегда невнятно, но аппарат сгорел в атмосфере. Газеты, особенно американские и английские, а также некоторые оппозиционные в странах ОВД, проливали крокодиловы слезы, описывая жестокость русских, отправивших несчастное животное на верную смерть.

Еще больше масла в огонь добавил запуск второго спутника, тоже с собакой на борту. На это раз, несмотря на предсказания, полет завершился благополучно и спускаемый аппарат приземлился в казахской степи. По всему миру с неизменным аншлагом шел документальный фильм, показывающий приземление спускаемой капсулы, ее вскрытие и собаку, которая после освобождения от ремней, радостно лая, прыгает вокруг спасателей.

Но самым крупным потрясением, почти не уступающим по эффекту Катаклизму, стало происшедшее 12 апреля 1948 года. Все радиостанции мира прервали свои передачи для экстренного сообщения, все газеты выпустили в этот день дополнительный номер. Опять произошел резкий всплеск продаж биноклей, телескопов и прочих оптических приспособлений. Весь этот ажиотаж объяснялся просто. Над Землей, в холоде и мраке космического пространства, кружил корабль с человеком на борту. Сделав три витка вокруг планеты, космонавт Сергей Ильюшин спустился в своей капсуле на гостеприимную землю Казахстана.

Не успели затихнуть обсуждения первого полета человека, как русские запустили в космос сразу двоих. Сначала вокруг Земли с востока на запад начал кружить космокорабль с Юрием Гагариным на борту, а через сутки навстречу ему взлетел второй, уже с космонавтом Поповичем.

Стало ясно, что теперь русские окончательно неуязвимы. Американские газеты обсуждали возможности военного использования космоса, признавая, что никакие места на Земле теперь не могут служить укрытием от русской разведки и сбрасываемых ими из космоса бомб, кроме разве что самых глубоких пещер и подземных укрытий. Небольшая фирма из Калифорнии, «Терминатор» билдинг групп» сказочно разбогатела на продаже проектов сверхглубоких сборных бомбоубежищ.

СССР. Плесецк

На небольшой северной станции Плесецк царило тщательно скрываемое оживление. Множество прибывающих по строгому графику эшелонов немедленно переводилось на недавно построенную ветку и уходило в неизвестность. Через небольшое время они возвращались пустыми, но на их место приходили нагруженные под завязку новые. Необычным для железнодорожников было то, что встречал и следил за прохождением состава лично начальник станции или начальник смены. Так как составы приходили в основном по ночам, начальники отсыпались днем. Поэтому сегодняшний эшелон, пришедший вне обычного графика, встречал и сопровождал обычный дежурный по станции, Галина Водополова. Ее внимание приковал необычный вид двух платформ состава, напоминающих демонтированные наполовину крановые конструкции. Станный бронепоезд, в который входили эти две платформы, несколько обычных на вид вагонов и бронеплощадки с зенитными орудиями, быстро проскочил станцию и ушел в сторону секретного армейского полигона. Возвращаясь в домик дежурной, Галина наткнулась на внимательно оглядывающего окрестности начальника местного управления госбезопасности МВД старшего лейтенанта Пономарева. Увидев в ее руках свернутые флажки, он спросил:

«Вы что, встречали состав? А где начальство!»

«Отдыхают. Всю ночь встречали составы, сейчас отсыпаются. Вот и пришлось самой встречать» — объяснила Галина.

«Понятно» — протянул с иронией Пономарев, потом достал блокнот и что-то записал в него. На следующий день Галину вызвали в управление ГБ и заставили оформить дополнительную подписку о неразглашении, запретив даже упоминать об увиденном во время дежурства.

Еще через несколько дней на расчищенный от снега аэродром на секретном объекте «Ангара» сел самолет Ил-14, оборудованный под салон для перевозки командования. Из него спустились по трапу и пошли к группе встречающих несколько человек. Впереди известной всему Советскому Союзу стремительной походкой шел Министр Обороны, посверкивая на солнце стеклами пенсне. Сразу за ним неторопливыми, но широкими шагами, стараясь шагать в ногу, но постоянно сбиваясь, шел высокий генерал с грубоватым, типично крестьянским лицом. Чуть отстав, за ними шла небольшая свита, среди которой выделялся своим уверенным видом полноватый молодой полковник. Приняв доклад командира ракетной дивизии генерал-майора Александра Ивановича Холопова, Лаврентий Павлович и сопровождающий его командующий только что созданными Ракетно-Космическими Войсками генерал Митрофан Неделин сели вместе с ним в ЗИС. Вереница машин неторопливо отправилась по бетонированному шоссе с аэродрома к расположению части. Справа от колонны на асфальтированной площадке, к которой вело поперечное ответвление дороги показался и начал быстро вырастать в размерах многоэтажный ангар. Судя по различным на расстоянии строительным лесам и подъемному крану, он еще достраивался. Но даже и в существующем виде размеры ангара впечатляли.

«Сборочно-испытательный цех?» — спросил, кивнув в сторону здания, Берия.

«Нет, товарищ Маршал Советского Союза. Строится заправочная станция для новых изделий Янгеля. Из-за чрезвычайной агрессивности компонентов принято решение построить специальный защищенный ангар, оснащенный всей необходимой аппаратурой» — ответил генерал Неделин. Командир дивизии, сидящий впереди и повернувшийся на вопрос, кивком подтвердил сказанное. Кавалькада пересекла железнодорожный переезд, прикрытый батареей 57 мм зениток, настороженно выглядывающих стволами из неглубоких, дающих возможность кругового обстрела обвалований, подъехала к перекрестку и свернула направо, в сторону реки Емец. Еще раз проехали железнодорожный переезд, затем проложенная в лесу дорога еще раз разветвилась. Генерал, показав в ее сторону рукой, прокомментировал:

«Дорога на кислородно-азотный завод».

«Хм. У вас тут не воинская часть, а прямо таки производственный комбинат» — пошутил Берия.

«Комбинат, не комбинат, но одних заводов и сборочных цехов 6 штук, не считая измерительно-командного комплекса» — заметил Неделин.

«А как с охраной и прикрытием с воздуха?» — спросил Берия, повернув к нему голову и блеснув при этом стеклышками пенсне.

«Объектовое прикрытие осуществляют три дивизиона 57 мм МЗА. Охрана возложена на полк охраны и обеспечения, имеющий на вооружении легкие танки, БТР, 76 мм артиллерию и минометы. Дороги в ответственных местах прикрыты бетонными ДОТах. В ДОТах установлены крупнокалиберные пулеметы, некоторые вооружены 76 мм капонирными пушками. Воздушную оборону на дальних рубежах осуществляют 2 авиаполка ПВО страны» — доложил Неделин.

«Хорошо. Товарищ Холопов, а как у вас с контрразведывательным обеспечением?» — спросил Лаврентий Павлович, обращаясь уже к командиру дивизии.

«Тесно взаимодействуем с УГБ МВД. Ими приняты дополнительные меры по прикрытию окружающего района и, особенно, железной дороги. На территории части вместе с особым отделом работает специальное отделение контрразведки УГБ» — доложил последний, обернувшись.

Еще раз преодолев железнодорожный переезд, машины набрав скорость мчались по проложенному в лесу рядом с железной дорогой практически прямому участку трассы, залитому асфальтом. Внезапно лес поредел и впереди вырос огромный земляной вал, на

котором внимательный взгляд мог бы заметить несколько зенитных орудий и дотов. Дорога обогнула вал и перед глазами присутствующих предстал комплекс сооружений. Возвышающийся над землей бетонный куб со смонтированной на нем конструкцией из нескольких ферм и подъездными железнодорожными путями, на которых стоял состав из тепловоза и транспортной платформы с лежащей на ней непредставимо гигантской ракетой. Люди, изредка мелькавшие вокруг нее, напоминали муравьев, суетящихся вокруг свалившегося на муравейник ствола дерева.

Комдив доложил, что ракета подготовлена к установке на пусковую позицию и после получения разрешения от Неделина отдал приказ начать установку. Понаблюдав за действиями расчета, дождавшись момента, когда ракета повиснет на стартовых фермах и, перекусив заранее подготовленным угощением во встроенном в обваловку укрытии для личного состава, высокие гости отправились в штаб дивизии, расположенный в военном городке Мирный в сорока километрах от стартовой позиции. На позиции из прибывшей группы остался только полковник Алексей Калашников, оказавшийся старшим офицером-испытателем с полигона Тюра-Там.

Заслушав доклады начальника штаба и командира дивизии, генерал Неделин, с разрешения Министра Обороны, озвучил свой приказ:

«...приказываю: подготовить и провести пуски ракет по условному противнику!»

Переехав в Командно-Измерительный Центр, по пути проверив подготовку по тревоге полка охраны, группа гостей наблюдала за четкими, слаженными действиями командира дивизии и его штаба. Спустя семь часов генерал отдал приказ о пуске первой ракеты Р-7А.

На позиции полковник Калашников, вместе с остальным расчетом укрывшийся в убежище, услышал знакомый, хотя и сильно ослабленный толщей защиты и расстоянием гром работающих ракетных двигателей.

Ракета, окруженная облаком испаряющихся газов, дымом и пламенем работающих двигателей, некоторое время по-прежнему висела на фермах. Затем одна за другой фермы отошли в сторону, ракета, словно в задумчивости, постояла на струе бьющего вниз пламени, а затем медленно-медленно начала подниматься, преодолевая земное притяжение. Движение вверх непрерывно ускорялось и вот уже где-то в облаках мелькнул и исчез факел пламени.

«Первая ракета ушла к цели без замечаний» — доложил командиру дивизии начальник расчета. Через десяток минут с полигона на Новой Земле доложили о падении головной части в пределах заданного района.

Вторая Р-7А, пущенная в сторону Камчатки, также долетела, но боеголовка в цель не попала. Зато пуски двух крылатых ракет «Буря» прошли успешно. Одну из них запустили под пристальным наблюдением высоких гостей прямо с железнодорожного пути. Пролетев более 4000 километров, она попала точно в центр мишенного квадрата, поразив возможностями своей прицельной системы всех причастных к пускам.

Первые учения в РКВ прошли успешно, а командование и личный состав 72-й гвардейской ракетной дивизии получили благодарность Министра Обороны.

СССР. Полигон Сары-Шаган

Генералы и офицеры стран ОВД, стоящие на заранее подготовленной трибуне, внимательно смотрели в бинокли на маневрирующие в небе радиоуправляемые мишени, идущие на большой высоте. Из-за большой высоты скорость мишеней скрадывалась и не верилось, что эта медленно ползущая в стратосфере полоса отработанных газов на самом деле означает летящую почти со скоростью звука мишень. Не успели мишени пролететь половины расстояния над полигоном, как им навстречу с еще большей скоростью устремились ракеты нового советского зенитного ракетного комплекса. Ни летящие прямо, ни пытающиеся маневрировать цели не ушли от разящих ударов: вспыхнувший цветок разрыва, перебивающий полосу движения мишени и разлетающиеся осколки, оставшиеся от

пораженной цели — все это видели в свои бинокли высокие гости.

Затем с таким же успехом ракеты поразили несколько винтовых и реактивных бомбардировщиков и истребителей, управляемых по радио, на средних высотах.

После наглядной демонстрации боевых возможностей, делегации смогли осмотреть и сами комплексы. Ракеты, лежащие на пусковых установках, антенны радаров, передвижные радиолокаторы и генераторы, кабины управления — гости внимательно разглядывали сложное хозяйство нового оружия.

СССР. Москва.

Заседание собравшихся в дворце съездов делегаций большинства стран ОВД закончилось созданием Евро-Азиатского Космического Агентства. Председателем ЕАКА единогласно был выбран знаменитый генеральный конструктор Сергей Королев.....

Французское Содружество. Народная Автономная Республика Конго.

Эта богом забытая деревушка на берегу океана ни разу не видела такого количества кораблей стоящих на рейде бухты. Несколько десятков семей рыбаков, составлявших ее население, в полном составе собрались на берегу, разглядывая непонятно что потерявших в этом месте «бвана» с их огромными самодвижущимися лодками. Хотя год назад в деревушку, в которой до того белого человека видели не чаще раза в пять лет, заявила целая толпа белых на нескольких катерах. Они что-то колдовали в окрестностях, осматривали берега, что-то искали в джунглях. Видимо ничего не нашли и свернув свои палатки уехали. Теперь же белые пригнали множество кораблей, один из них даже военный. Что корабль военный, сказал вождь деревни, уважаемый всеми Банге Нкрума, который однажды был в городе, построенном белыми на Великой Реке Конго, называемом Бразавилем.

Немного погодя к берегу, на котором собрались жители, подошел катер с несколькими белыми и негром-переводчиком. Из разговора вождя с прибывшими гостями стало ясно, что «бвана» собираются построить в бухте порт, а в долине рядом с морем — какое-то гигантское непонятное сооружение для полетов в небо. Поэтому вечером, собравшиеся мужчины, еще раз выслушав новости из уст вождя и дождавшись завершения гадания деревенского колдуна, решили, что надо уходить от непонятного белого колдовства. Еще несколько дней ушло на переговоры с белыми и черными чиновниками, нахлынувшими в деревню одновременно с прибытием каравана кораблей. Наконец все было готово. На несколько катеров и один небольшой корабль погрузили все население деревни и их нехитрый скarb, вождь и несколько наиболее авторитетных мужчин получили от чиновника необходимые бумаги и пачку денег на устройство на новом месте и небольшой конвой отправился в непродолжительное путешествие. Нескольким милями южнее, на побережье океана, около небольшой бухты, вполне пригодной для размещения рыбацких лодок, переселенцев встретили недавно построенные сборно-щитовые домики. Да, это было непривычно и неожиданно, но после того как домики обследовал переселившийся вместе с деревней колдун и не нашел в них ничего опасного, все быстро расселились по домам. Интересно, что колдуну тоже построили домик, причем в некотором отдалении от деревни, за холмиком. И снова потянулась обычная, непохожая на привычную для европейцев, но вполне понятная жизнь. Казалось ничего не изменилось, за исключением места и домов. Лишь все чаще и чаще в деревню приезжали соседи— строители, чтобы закупить или обменять свежую рыбу.

Но больше всего удивляли рыбаков изменения в старой бухте. Иногда они решались заплывать туда, чтобы посмотреть, что же добились белые своим колдовством. И каждый раз

их безмерно удивляла увиденная картина, осознать которую полностью они были не в состоянии. Они видели созданный в глубине бухты волнолом из нескольких притопленных судов, за которым поспешно строились причалы. У уже отстроенных причалов один за другим разгружались грузовые суда, несколькими колоннами стоящие на рейде. Грандиозное зрелище открывалось и на берегу, где множество машин и механизмов в кажущемся беспорядке перемещались и работали. Неподалеку от строящегося порта уже стояло несколько улиц таких же сборно-щитовых домиков, что и в новой деревне. А дальше, вглубь джунглей уходила широкая просека, на которой несколько механизмов и суесящиеся вокруг них люди укладывали на уже готовых насыпях рельсы железной дороги и бетонное покрытие для автотрассы.

На берегу слышалась русская, немецкая, французская, итальянская речь. Иногда встречались японцы, и даже поляки, и венгры с болгарами. Впрочем, последние чаще всего разговаривали по-русски или по-немецки. Встречались и выполнявшие менее квалифицированную работу местные жители.

Только что прилетевший на строительство для создания современной системы связи и управления майор Василий Мелешко усиленно потел, несмотря на ветерок с океана и надетую легкую тропическую униформу. Да, пожалуй, Тюра-Там кажется раем по сравнению с этим. Жара, духота и обычный на всяком строительстве беспорядок, в результате которого он уже полчаса не мог найти нужного ему домика, в котором размещались службы связи, сильно раздражали Василия. А еще говорят, что у европейцев все по другому, мол немцы такие педанты, а остальные им мало уступают. Такой же беспорядок, что и у нас. Нет, пожалуй, стройка почище будет, грязи нет и стройматериалы не валяются горами. Ага, вот и домик с номером 96.

Василий вошел и, преодолев противомоскитную сетку, оказался в небольшой, но уютной комнате, уставленной несколькими столами с телефонами и селектором на одном из них. За столами сидело двое гражданских, один майор в форме ННА ГДР и девушка, или вернее молодая женщина. Она как раз и сидела за столом с селектором, поэтому Василий принял ее за секретаршу и, подумав, обратился к ней по-русски:

«Майор Мелешко. Мне приказано прибыть к начальнику отдела связи и управления объекта «Сибирь»».

«Вы и пришли» — с легким акцентом ответила женщина — «Мирей Матье, начальник ОСУ. Вы, если я право поняла, будете начальником отдела связи.»

«Так точно» — ответил Мелешко, которому с трудом удалось удержаться от проявления удивления. Француженка-начальник, да это немного необычно. Все же европейские, да если подумать и советские, круги в этом отношении еще оставались довольно консервативными и встретить женщину на таких должностях было сложно. Видимо хороший специалист. Василий подумал еще, что она наверняка еще та штучка, раз сумела пробиться на такой пост и надо быть поосторожнее.

Как ни странно, характер Мирей оказался легкий, да и как начальник она была на высоте. Не висела за спиной, контролируя каждый шаг, не дергала по мелочам, но никогда не забывала ни одного поручения и ни одной мелочи, способной повлиять на работу отдела.